

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И ТЮРКОЛОГИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И ТЮРКОЛОГИИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Факультет филологии и журналистики
Кафедра бурятской филологии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И ТЮРКОЛОГИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 75-летию бурятского отделения ИГУ

Иркутск, 2 ноября 2019 г.



УДК 008(5)(063)
ББК 71(5)л0
А43

Печатается по решению ученого совета
факультета филологии ИФИЯМ ИГУ

Ответственные редакторы:
В. И. Семенова, Э. А. Яманова

А43

Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию бурят. отд-ния ИГУ. Иркутск, 2 нояб. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред. В. И. Семенова, Э. А. Яманова – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 243 с.

ISBN 978-5-9624-1755-4

В материалах отражаются актуальные проблемы исследований в области монгольских и тюркских языков, а также литературы, фольклора, истории и источниковедения. Освещаются вопросы внедрения инновационных технологий в процесс преподавания теоретических и практических дисциплин по языкам, литературе, истории и культуре. Авторы статей – специалисты, ученые, учителя из различных городов Российской Федерации и Монголии.

Издание предназначено специалистам в области монголоведения и тюркологии.

УДК 008(5)(063)
ББК 71(5)л0

ISBN 978-5-9624-1755-4

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БУРЯТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ ИГУ

Шаракшинова Е. К. Из истории Бурятского филологического отделения ИГУ	6
Митрошкина А. Г. Бурят-монгольское отделение – первенец бурятской филологии в Иркутском университете	15
Тагарова Т. Б. Доктор филологических наук, профессор Надежда Осиповна Шаракшинова	20
Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Корифей ономастики Байкальского региона	23

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бадмаева Л. Б. К проблеме повышения функциональной мощности бурятского языка	28
Будажанова Л. Б. Способы образования составных сложных слов в бурятском языке: сложение с атрибутивным и объектным отношением исходных слов	34
Бухоголова С. Б. Исследования языка баргутов (новых, старых) Внутренней Монголии в контексте других монгольских языков и диалектов Китая (XIX – первая половина XX в.) в работах отечественных исследователей	39
Новгородов И. Н. Глаголы устойчивого словарного фонда монгольских языков	47
Орхон Цогт, Энхтуяа Сэсрэн. К вопросу отражения монгольской культуры во фразеологии	53
Рупышева Л. Э. Наименования растений в традиционной пище бурят	56
Семенова В. И. Принципы сбора диалектного материала (на примере говоров бурятского языка)	61
Сэлэнгэ Нямсүрэн. Эрдэнэт хотын гудамж, талбайн нэрийн асуудал	69
Тагарова Т. Б. К вопросу о символе как проявлении бурятской лингвокультуры	77
Цыренов Б. Д. Хүний хайн ба муу талаһаа зураглаһан зарим тэмдэгэй нэрэнүүд	84
Цыренова Н. Д. Стилистические особенности в сочинении «Практические заметки бурятского эмчи-ламы Д. Ендонова»	89
Шагдар Мягмарсүрэн. Монгол хүний нэрийн түүхэн харьцуулал	96

Шойбонова С. В. Национально-культурное своеобразие поэти- зонимов (на материале монгольской литературы)	100
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Аюшеева Э. Б. Раннебуддийские пространственно-временные понятия в бурятской Гэсэриаде	104
Баларьева Т. Б. Художественный мир рассказа Геннадия Башкуева «Вверх по Миссисипи»	108
Барлуков П. Г. Бурятское сказительство как профессия	112
Булгутова И. В. Поэтика повести К. Цыденова «Весна воз- вратится»	116
Дугаров Б. С. Масть коня эпического божества в контексте этнокультурной традиции кочевников	121
Иванова В. Я. Образы тофов в поэтике Валентина Распутина	126
Самбуу Хөвсгөл. «Саран хөхөө» зүжг ийн ардын дүр	135
Сангадиева Э. Г. Н. Хосомоев «Встречи на солнечной сто- роне»: мотивы и образы	139
Халхарова Л. Ц. Пространство и время в путевых дневни- ках Ц. Жамцарано 1903–1907 гг.	143
Хосомоев Н. Д. Не прервется мысли нить	150
Шаракшинова Е. К. , Богомоева Е. С. Особенности стили- стического функционирования сравнений в бурятской поэзии 30-х годов XX века	155
Яндий Пурэвсурэн. XII Бандида Хамба лам Итигэловын за- хиас сургаалын зарим онцлогийг тодруулах нь	160

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дашиева С. Б. Стилистический анализ монгольского пере- вода трактата тибетской медицины «Сокровищница царя»	166
Зориктуев Б. Р. Об экзоэтнонимах бурят <i>даур</i> и <i>баргу-бурат</i>	171
Лисицина Я. Ю. Бурятский филиал Восточно-Сибирского краевого союза художников, 1930-е гг.	176
Романцова Т. Д. Проблемы бурятского этноса в «Литера- турном Иркутске» эпохи перестройки	181
Хартаев В. В. «Освещение цитат из классических источни- ков по истории Буддизма (тиб. chos byung lung rigs sgron me)» Кенсур Агван Нимы (1907–1990) как источник по изучению буд- дизма в Бурятии	188
Шинкарева А. П. Сочетание традиционной культуры тофов и нового советского уклада жизни в отражении газеты «Красная Тофалария» / «Кызыл Тофа» (1936–1950 гг.)	193

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

Балдандоржина Б. Д. Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологийн аргуудыг литературын хэшээлнүүдтэ хэрэглэлгэ	202
Боролдоев А. А. О работе ономастического кружка в школе	207
Дашиева С. Н., Цыденова Ц. Ц.-Д. Создание интерактивных заданий и упражнений при обучении бурятскому языку и литературе	214
Замбулаева Н. Г. Изучение учебной дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» студентами Боханского педагогического колледжа	217
Мархаева Т. Х. ФГОС-ой эрилтээр “Оюун түлхюур” зохёолые хургуулида үзэлгэ	220
Нимаева И. Б. Диалог культур и нравственно-экологические концепты в литературе (на примере бурятской школы)	226
Цыденова Х. Г. 5–7 классуудай хурагшадта хургаалай зохёолой жанруудай онсо шэнжын ойлгомжые бурилдүүлгын методическэ проблемэ	230
Шабаева М. А. Усть-Ордынский национальный центр народного творчества: сохранение и популяризация бурятского языка и культуры	235
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	240

ИСТОРИЯ БУРЯТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ ИГУ

Е. К. Шаракшинова

Россия, Иркутск

Из истории Бурятского филологического отделения ИГУ

Первые учебные заведения для бурятского народа зародились в нашей стране почти 270 лет назад. Как известно, в середине XVII века русские землепроходцы оказались в Прибайкалье и Забайкалье и вступили в контакт с одним из самых развитых и культурных народов Восточной Сибири – бурятами. Одновременно началось установление связей с Китаем и входившими в состав китайского государства монголами и маньчжурами. Естественно, что сразу же возникла потребность в языковом, культурном общении, в хозяйственных, экономических, политических и дипломатических отношениях. Православная церковь России стремилась развивать миссионерскую деятельность на востоке России, а это было невозможно без знания бурятского и монгольского языков.

В 1725–1737 годах в Иркутске действует первая духовная школа в Восточной Сибири (а вместе с тем это было и первое учебное заведение в нашем крае). Она носила название «Русско-мунгальской» и была при Иркутском Вознесенском монастыре. Школа насчитывала 25 учащихся, которые, вероятно, по ее окончании могли заниматься миссионерской и переводческой деятельностью среди бурятского и монгольского населения.

В конце XVIII века зарождаются в Восточной Сибири гражданские учебные заведения, в которых местное население обучалось как русской грамоте, так и монгольскому (или бурятскому) языку. К ним можно отнести Главное народное училище в Иркутске, возникшее в 1788 году, Аларское приходское училище, Балаганское малое народное училище (1804 г.) На первых порах бурятское население не

проявляло большого энтузиазма в поддержке таких учебных заведений, так как содержание их всецело ложилось на его плечи, было довольно обременительным. Да и бурятские ребяташки надолго отрывались от своих семей, оказываясь в своеобразных интернатах.

Однако дело было не только в этом. Не было системы образования для бурятского народа. Полностью отсутствовали в Сибири высшие учебные заведения. А поэтому наиболее талантливая и обеспеченная бурятская молодежь могла рассчитывать лишь на университеты в Европейской России. Наиболее близким из них был Казанский университет. В нем учились такие выдающиеся представители бурятского народа, как востоковед Галсан Гомбоев (1822–1863 гг.) или этнограф, исследователь бурятского шаманизма Доржи Банзаров (1823–1855 гг.). Именно Банзарову принадлежит честь написать для своего народа «Граматику монгольского языка» и более 25 других работ. Если бы не ранняя смерть, – сколько мог бы сделать еще этот «ученнейший из монголов», как называл его поэт Н. А. Некрасов.

Благоприятные перемены наступили в жизни России в ходе буржуазных реформ 60–70-х годов XIX века. В это время в ряде бурятских ведомств Иркутской губернии возобновили свою деятельность Балаганское, Идинское, Аларское училища, возникли Усть-Урдынское, Хоготовское и Нукутское и др. училища. В 1867 году М. М. Ашедуевым была открыта первая бурятская школа для девочек, в которой было 22 ученицы. В 1883 году уже насчитывалось 19 бурятских училищ, в которых занимались 234 человека.

Наиболее выдающиеся передовые ученые и публицисты Сибири всячески поддерживали идею развития образования и науки среди бурят. Достаточно вспомнить, что бурятоведением занимались в те годы С. С. Шашков, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, А. П. Щапов, Д. Банзаров, Д. Гомбоев. Исследование истории, быта, культуры, хозяйства бурятского народа, изучение буддизма и ламаизма, шаманизма, сбор образцов бурятского фольклора – всем этим занимались первые ученые-бурятоведы еще в XIX веке.

Однако подлинного расцвета науки не произошло, так как была сравнительно узка сама база, слишком тонок был слой образованных людей среди бурят. К концу XIX века доля грамотных среди бурят едва превышала 7 % населения. Часть из них знала русскую письменность, а часть монгольскую, тибетскую. Причем тибетская грамота использовалась, как правило, только ламами для религиозных целей. Гораздо шире применялась монгольская письменность. На этом алфавите составлялись не только религиозные тексты, но и летописи,

частные письма, деловые бумаги. На нем записывались фольклорные образцы (песни, сказки, улигеры, легенды и предания и т. д.).

К сожалению, бурятам было очень трудно попасть в средние учебные заведения. В 1888 году во всех школах повышенного типа училось лишь 26 детей. За 1872–1900 гг. Иркутскую учительскую семинарию окончили 23 бурята.

Некоторые сдвиги к лучшему происходят в начале XX века в связи с развитием буржуазных отношений в России и революционного движения в 1905–1907 годах. В начальных школах Иркутской губернии и Забайкалья в 1911 году обучались 3249 бурят, в том числе 642 девочки. За пять лет (1909–1914) количество школ в бурятских ведомствах увеличилось почти в 2,5 раза – с 52 до 121. В 1916 году в средних школах обучались 125 человек. В различных вузах Европейской России насчитывались 30 бурятских студентов.

В эти же годы выросло число специалистов в области бурятоведения. К их числу надо отнести талантливых педагогов, лингвистов, этнографов, фольклористов, тибетологов М. Н. Хангалова, Г. Ц. Цыбикова, Ц. Жамцарано, Б. Норбоева, Н. С. Болдонова, Э. Ц. Онгодова, Ш. Б. Банзарова, С. А. Шагдарова, Р. Номтоева.

Наконец, нельзя забывать о тех, кто делал первые шаги в бурятской журналистике. Это П. А. Бадмаев, М. Н. Богданов, Э. Ринчино, П. К. Номоконов и многие другие. К этому надо добавить, что только в учебных заведениях Иркутска в разные годы выпускалось с полдюжины бурятских рукописных журналов, таких как «Утренняя заря», «Искра», «Волна», «Товарищ» и др.

Достаточно острой оставалась и потребность в переводчиках с русского и бурятского языков для переводов как художественной, так и научно-технической и общественно-политической литературы. Нечего говорить уж об официальной, служебной документации. Здесь царские чиновники вообще не считались с народным мнением. Достаточно вспомнить, что генерал-губернатор Восточной Сибири Селиванов вообще запретил вести делопроизводство на бурятском языке.

Вот почему открытие первого высшего учебного заведения в Восточной Сибири – Иркутского государственного университета – в полной мере отвечало нуждам и потребностям бурятского народа. И недаром уже в 1918 году на историко-филологическом факультете ИГУ начали создаваться условия для открытия так называемого восточного отделения. Оно было рассчитано на подготовку специалистов по японскому, китайскому и монгольскому языкам. В 1920 году на восточном отделении гуманитарного факультета преподавались монгольский, китайский, японский языки.

Монголоведческий цикл включал в себя монгольский язык, который вели профессор Г. Ц. Цыбиков и преподаватель Ц. Жамцарано; обычное право монгольских народов вел профессор В. А. Рязановский; география и этнография монгольских народов – профессор Б. Э. Петри; история буддизма – профессор Н. Д. Миронов. К числу вспомогательных предметов были отнесены санскрит (профессор Н. Д. Миронов), курс китайского разговорного языка (Б. К. Пашков), общая география (А. А. Половинкин), общая география Сибири (приват-доцент С. Н. Лаптев).

В 1920 году на восточном отделении было 79 студентов. Между прочим, одним из слушателей отделения был выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, который входил в редакцию газеты 5-й Армии «Красный стрелок» и пытался организовать в Иркутске выпуск газет для китайцев, корейцев, монголов и бурят. Так появилась в то время газета на бурятском языке «Үүр».

В 1925 году в ИГУ среди 1673 студентов примерно 20 % составили лица бурятской национальности. Это свидетельствовало об огромной тяге народа к высшему образованию. 4 января 1925 года правление Иркутского университета согласно Постановлению ЦИК Бурят-Монгольской республики постановило ввести обязательное обучение бурят-монгольского языка и культуры для студентов бурятской и монгольской национальности.

А в 1926 году открылось бурят-монгольское отделение на педагогическом факультете ИГУ и при нем курсы для монгольских граждан, цель которых – обучение монгольских учащихся русскому языку и математике. Первая их группа в составе 26 человек прибыла в ИГУ из Монголии 21 октября 1926 года.

Программа обучения на бурят-монгольском отделении делилась на два цикла: литературно-лингвистический и обществоведческий. Сразу же были созданы кафедра бурят-монгольского языка и кабинет монголоведения. Специализация на бурят-монгольском отделении начиналась сразу с первого курса.

Студенты отделения активно сотрудничали с ВСОРГО, так как одной из важных задач бурят-монгольского отделения Иргосуна была подготовка не только педагогического персонала, но и подготовка будущих ученых филологов, историков, этнографов, словом научно-исследовательских кадров. Бурят-монгольская секция Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в 1926 году насчитывала почти 200 человек и практически полностью состояла из студентов бурят-монгольского отделения ИГУ. Они проводили небольшие исследования во время каникул в области языка, этно-

графии и хозяйства бурят, делали доклады и сообщения на заседаниях Бурят-Монгольской секции. Таким образом, родился свой печатный орган – «Бурятоведческий сборник». Статьи студентов появлялись также в периодической печати Бурятии. Можно вспомнить статьи студентов: А. Матвеева «К вопросу о вымирании бурят», А. Балдунникова «О тарасуно-курении и шаманстве» и «Страницы из прошлого Боханского аймака», А. Хараева «Очерки обычного права укырских бурят», Д. Абашеева «Новые песни бурятской молодежи», а также фольклорные записи бурятских песен, сделанные Г. С. Мердыгеевым и Т. А. Бертагаевым; записи преданий о генезисе бурятских родов П. Миронова и П. Т. Хаптаева и др.

Осуществились надежды крупнейшего сибирского библиофила и библиографа Н. С. Романова, который писал, что университет даст, вне сомнения, новые кадры квалифицированной бурятской интеллигенции, даст также и историков-бурят, которые займутся изучением прошлой хозяйственной и бытовой жизни народности, – работа, частью выполняемая сейчас русской интеллигенцией.

И действительно, уже в 1924 году А. Н. Турунов в стенах ИГУ создал одну из первых исторических работ советского периода – «Прошлое бурят-монгольской народности». Он же стал автором первой биографии этнографа М. Н. Хангалова и книги по монгольскому писаному праву. В 1926 году Бурят-Монгольское научное общество издает (посмертно) книгу М. Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа».

Первый выпуск бурят-монгольского отделения состоялся в 1930 году и был он небольшим, всего закончили 11 человек. В докладе проф. Н. Н. Козьмина, посвященном первому выпуску отделения отмечалось, что первый набор национального отделения сократился в «результате объективных причин. Большинство студентов, не закончив учебу, ушли на педагогическую работу». Из числа первых выпускников были рекомендованы в аспирантуру по литературно-лингвистическому циклу – 2 человека (Бертагаев Т. А., Малахинов П. И.) и по обществоведческому циклу – 2 человека (Занданов Г. П., Хаптаев П. Т.), которые в будущем стали известными учеными, прославившими свой alma mater.

Бурят-монгольское отделение просуществовало до 1930 года, а затем было переведено в Улан-Удэ, где в 1932 году на его основе возник Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова, ныне Бурятский государственный университет. Таким образом, ИГУ сыграл решающую роль в основании первого высшего учебного заведения в Бурятии.

В 1944 году по ходатайству Усть-Ордынского бурятского округа в Иркутском университете на историко-филологическом факультете вновь открылось специализированное бурят-монгольское отделение, и были приняты на 1-й курс 30 студентов. Отделение имело два цикла – исторический и филологический. Его главная задача – подготовка квалифицированных учителей бурятского языка, литературы, истории в национальной школе.

1994/1995 учебный год – год особенный, год юбилейный. Как принято в таких случаях, наступило время подвести некоторые итоги работы бурятского отделения. 50 лет – это немалый срок деятельности бурятского отделения, и срок этот пройден отделением достойно. 2004/2005 учебный год – юбилейный, исполняется 60 лет бурятскому отделению ИГУ. За эти годы подготовлено более 900 специалистов, вклад которых в дело развития народного образования, науки и культуры неоценим. Большинство выпускников работали и работают в средних общеобразовательных школах Усть-Ордынского и Агинского бурятского автономных округов, Республики Бурятия, Иркутской области преподавателями бурятского языка и литературы, русского языка и литературы, истории. По данным Усть-Ордынского, Агинского ГУНО только в средних общеобразовательных школах двух округов в настоящее время работают около 100 выпускников бурятского отделения. Среди них немало отмеченных государственными наградами, удостоенных почетных званий – заслуженных учителей, отличников народного просвещения, преподавателей высшей школы. Это: Э. Т. Няголова, Д. Н. Мантыкова, Ц. Д. Дугаржапова, А. Б. Булутова, Ц. Д. Дугарова, Н. Н. Меженова, Е. К. Сахарова, З. Т. Тагаров, А. Т. Хабитуев, М. С. Башкеева, Е. И. Еремеева, М. П. Халтанова и др. Бурятское отделение гордится целыми династиями своих выпускников – Басаевы, Найдаковы, Шобоевы, Шалаповы, Чимитовы и др.

Из числа выпускников каждый десятый стал научным работником. Они успешно защитили кандидатские, докторские диссертации по филологии, истории, этнографии, экономике, философии представляют элиту бурятоведческой фундаментальной науки. Только докторов наук, профессоров насчитывается 22. Это известный филолог, д-р филол. наук, заведующий группой монголистики Института языкознания АН СССР Т. А. Бертагаев, д-р ист. наук, профессор П. Т. Хаптаев, д-р ист. наук, профессор Н. П. Егунов, д-р экон. наук, профессор П. И. Малахинов, д-р ист. наук, исследователь шаманизма бурят, главный научный сотрудник БНЦ Т. М. Михайлов, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии ИГУ в 80-х го-

дах К. Б. Ботороев, д-р филол. наук, исследователь ономастики, топонимики, профессор кафедры бурятской филологии ИГУ А. Г. Митрошкина, д-р ист. наук, профессор М. Н. Халбаев, д-р филол. наук, профессор, Академик Петровской академии наук и искусств, крупнейший ученый, организатор науки, литературовед, театровед, литературный критик, заслуженный деятель науки Республики Бурятия и России, председатель Президиума Бурятского научного центра В. Ц. Найдаков, д-р филол. наук, профессор, театровед, театральный критик В. Ц. Найдакова, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМБиТ, зав. отделом фольклора М. И. Тулохонов, д-р филос. наук, профессор, бывший ректор ВСГАКИ Г. И. Балханов, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой этносоциологии восточного факультета ИРГТУ, В. Х. Харнохоев, профессор, ректор Бурятского государственного педагогического университета им. Д. Банзарова Г. Д. Басаев, профессор Н. К. Елаев и около 80 кандидатов наук, которые работают в БГУ, ВСГАКИ, ИГУ, ИРГТУ, ВСГТУ и учат молодое поколение главному: как жить полнокровно, честно служить народу, отдаваться избранной специальности до конца.

Бурятское филологическое отделение подготовило таких талантливых писателей, поэтов, как Ким Ильин, Владимир Петонов, Мэлс Самбуев, журналистов – зав. корреспондентским пунктом ТАСС в Монголии Кима Болдохонова, зав. программой всероссийского радио Хубисхала Цыренжапова, Арсения Бадиева, Бориса Хажеева, Валерия Ентаева – редактора газеты «Усть-Ордын Үнэн», Сергея Салдамаева – заведующий Усть-Ордынским окружным радио, редакторов, корреспондентов газет, телевидения: Аркадия Анхонова («Панорама округа» – Усть-Орда), Баира Батожапова («Агинская правда» – Агинское), Цыдендамбу Бадмацыренова («Толон», «Агинская правда» – Агинское), Сергея Потхоева, Светлану Степанову (Баргузин), Даши Гармаева, Туяну Самбялову, Ечигму Цыбенову («Буряад Үнэн» – Улан-Удэ), Баира Дамбаринчинова, Дашидондока Амоголонова, Баирму Шагдарову.

Бурятское отделение готовит не только педагогических, научных работников, но и является кузницей кадров будущих управленцев. Многие воспитанники нашего отделения занимали в разные годы и занимают в настоящее время ответственные руководящие должности, например, Э. И. Багадаева – первый заместитель главы Усть-Ордынской окружной администрации, Л. Б. Мантраков – начальник окружного отдела народного образования, А. П. Хоринов – член Законодательного собрания Усть-Ордынского округа, Председатель окружной Думы, Д. Р. Бальжинимаева – руководитель

Агинского центра занятости, А. Т. Мантагуев – работник аппарата Эхирит-Булагатской районной администрации, Л. Я. Санхядова – заместитель начальника ГУНО г. Улан-Удэ, К. Е. Бугдашкина – заведующий орготделом мэрии г. Улан-Удэ. Среди выпускников бурятского отделения немало директоров школ, завучей, педагогов-новаторов.

То, чего добились выпускники бурятского отделения, стало возможным лишь благодаря неустанной, кропотливой, целенаправленной работе всего профессорско-преподавательского коллектива факультета, сумевшего передать глубокие фундаментальные знания своим воспитанникам, научившим их работать добросовестно, честно выполнять свой долг, оставаться преданными своему делу.

Выпускники отделения с благодарностью вспоминают своих преподавателей: М. П. Хабаева, И. М. Манжигеева, Э. Р. Рыгдылона, Г. В. Тропина, В. И. Золхоева, Н. О. Шаракшинову, В. Ц. Найдакова, А. Г. Митрошкину, Р. Х. Харташкину, Е. Н. Петухову, А. П. Селявскую, А. Л. Рубанович, М. Л. Арутюнян, Р. И. Смирнова, В. П. отв. ред. В. И. Семенова, Э. А. Яманова отв. ред. В. И. Семенова, Э. А. Яманова Трушкина, Н. Г. Баканову, К. Б. Воронцову, Н. В. Баландину, Т. А. Чернышеву, Л. Ф. Ившину, Н. С. Тендитник, В. Ф. Мейерова, Н. В. Ковригину, В. Ф. Уляндру, Л. А. Азьмуко, В. П. Леонову, А. П. Леонтьева, С. С. Аксенову, Е. К. Шаракшинову, Л. Г. Рябову, И. И. Плеханову, С. Р. Смирнова, А. С. Собенникова, Т. Б. Тагарову, В. И. Семенову, Т. Б. Баларьеву, Л. В. Бабкинову, А. Д. Дармаеву и многих др.

В разное время на бурятском филологическом отделении работали ученые и педагоги канд. филол. наук, доцент Иван Матвеевич Манжигеев, доцент Эрдэмто Ринчинович Рыгдылон, д-р филол. наук, профессор Валентин Игнатьевич Золхоев, Василий Цыренович Найдаков, канд. филол. наук, доцент Роза Хадеевна Харташкина.

В 1989 году для эффективной организации учебного процесса и координации учебной и воспитательной работы была открыта кафедра бурятской филологии, где славные традиции отделения продолжаются и преумножаются и поныне. На кафедре работали д-р филол. наук, профессор Н. О. Шаракшинова, д-р филол. наук, профессор А. Г. Митрошкина, преподаватель Д. Ж. Алдарова, продолжают работать канд. филол. наук, доценты Е. К. Шаракшинова, Т. Б. Тагарова, В. И. Семенова, Т. Б. Баларьева, старший преподаватель Э. А. Яманова. Все они – выпускники бурятского отделения ИГУ.

С 1994 года кафедра начала готовить аспирантов по специальностям: «Монгольские языки» и «Фольклористика». Только за последние годы подготовили и защитили на кафедре докторскую дис-

сертацию Т. Б. Тагарова и кандидатские диссертаций: Ж. Д. Маюрова, И. А. Ламожанова, В. И. Семенова, Т. Б. Баларьева, Л. В. Бабкина, А. Д. Дармаева.

Студенты обучаются по новым учебным стандартам, которые предусматривают углубленное изучение дисциплин бурятоведческого профиля за счет введения новых предметов: «История и этнография бурятского народа», «Старомонгольский язык», «Древняя бурятская литература», «Основы культуры бурятской речи и стилистики», «История бурятского литературного языка», «Сравнительная грамматика русского и бурятского языков» и др. Так как факультет продолжает подготовку специалистов по двупрофильной специальности в новом учебном плане, соблюдается паритет дисциплин русского и бурятского профилей. Студентам стало значительно интереснее учиться, что повлияло на улучшение успеваемости, качество знаний. Наряду с учебной работой студенты, начиная со 2-го курса, активно включаются в научную работу. Ежегодно проводятся научные студенческие конференции, олимпиады, где студенты БО, продолжая и преумножая традиции своих предшественников, выступают с докладами по проблемам бурятского, монгольского фольклора, литературы, диалектологии, ономастики и топонимики. Только по итогам научных студенческих конференций в разные годы опубликованы статьи студентов Д. Нимаева, Л. Шулуновой, Е. Шаракшиновой, В. Семенович, Л. Баларьевой, Т. Цыденжаповой, Ю. Бадмаевой, Ц-Д. Цынгуйевой, З. Гудуевой, Н. Петровой, С. Батогалсановой, Д. Батомункуевой, Г. Дармаевой, Э. Нимаева, С. Намжиловой и др., доклады, которых были выдвинуты на региональную конференцию молодых ученых и получили высокую оценку.

Сегодняшнему студенту приходится очень трудно, но, несмотря на сложную экономическую ситуацию, сложившуюся в стране, студент во все времена остается студентом. Студенты БО живут полноценной бурной студенческой жизнью, успевают и в учебе, и в общественной жизни. На факультете ежегодно проводятся ставшие традиционными посвящение в студенты, национальный праздник Белого месяца, различные студенческие «капустники».

Как мы видим из вышесказанного, бурятское отделение Иркутского государственного университета имеет богатые традиции подготовки высококвалифицированных специалистов и является настоящей кузницей национальных кадров.

Что касается перспектив бурятского отделения, то, прежде всего, необходимо дальнейшее усовершенствование учебного процесса, разработка новых спецкурсов, спецсеминаров. Отделение с опти-

мизмом смотрит в будущее, в котором предусматривается установление и развитие контактов с коллегами из Монгольского государственного университета, Внутренней Монголии, Китая; Бурятского государственного университета; выполнение совместных проектов с сотрудниками Института повышения квалификации Иркутской области, ИМБиТ.

Список литературы

1. Андреев В. И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. Иркутск, 1957.
2. Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1952). Улан-Удэ, 1964.
3. Битуев В. П. История школы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Улан-Удэ, 1986.
4. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М., 1995.
5. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Краткий исторический очерк. Иркутск, 1978.
6. Иркутский государственный университет. Хроника событий. Иркутск, 1989.
7. Бурятоведческий сборник. Вып. 1–6. Иркутск, 1926–1930.
8. Архив кафедры бурятской филологии.

А. Г. Митрошкина

Бурят-монгольское отделение – первенец бурятской филологии в Иркутском университете¹

Первенцем вузовской науки Восточной Сибири был Иркутский государственный университет. После многолетних дискуссий и споров 27 октября 1918 г. в Белом доме в составе двух факультетов был открыт Иркутский государственный университет (Иргосун). Он стал первым высшим учебным заведением Восточной Сибири и Дальнего Востока. Первым ректором университета был М. М. Рубинштейн, профессор по кафедре философии и психологии, уроженец Забайкалья, доктор философии Фрайбургского университета, автор крупных монографий [1].

28 октября начались занятия на двух факультетах университета – историко-филологическом и юридическом. В октябре-ноябре на историко-филологическом факультете организованы кафедры: философии, сравнительного языкознания и санскрита, русской литературы и словесности, русской истории, славянской филологии.

¹ Из архива А. Г. Митрошкиной

В мае 1919 г. Совет министров утвердил положение об Иркутском университете. В состав университета, кроме предусмотренных общим законодательством положенных факультетов, могут входить сельскохозяйственный и технический, а на историко-филологическом факультете сверх установленных кафедр, учреждаются кафедры по востоковедению. Еще в сентябре ректор университета М. М. Рубинштейн известил общественность об открытии при университете восточного отделения «для всестороннего изучения языка, быта и экономических отношений Сибири и Дальнего Востока». 19 октября Б. Э. Петри избран секретарем историко-филологического факультета.

15 октября 1919 г. на заседании Совета, посвященного празднованию годовщины Иргосуна, ректор отметил, что «на историческом факультете открыты три отделения: славяно-русское, историческое и восточное». В. И. Огородников провел разработку плана восточного отделения. Здесь положено шесть разрядов: китаеведение, японоведение, монголоведение, маньчжуроведение, турковедение, индианистика. В этом году велось преподавание монголо-бурятского языка бывшим лектором Петроградского университета Ц. Ж. Жамцарано. В это время в Иркутске находится лектор японского языка Н. П. Мацонин и китайского Б. В. Пашков. Кроме того, историко-филологическим факультетом избран на должность экстраординарного профессора Г. Ц. Цыбиков, профессор Восточного института во Владивостоке. Имеется один стипендиат, готовящийся к профессорскому званию. Историко-филологическим факультетом объявлен конкурс медальных студенческих сочинений на следующие темы: 1) по русской истории: «Завоевание и заселение русскими юго-западной Сибири 17–18 веков»; 2) по истории первобытной культуры: «Элементы дохристианских верований современного старожилото населения Сибири»; 3) по русскому языку: «Описание одного из русских говоров Сибири».

В 1926 году, по ходатайству Бурят-Монгольского обкома партии и Совнаркома БМАССР, при Иркутском университете было открыто бурят-монгольское отделение (БМО). В связи с этим лингвистическая комиссия, предметная комиссия и правление университета в 1926 году единогласно вынесли решение избрать Г. Ц. Цыбикова на должность профессора бурят-монгольского языка. Г. Ц. Цыбиков был первым из бурят профессором ИГУ (Иргосуна). Профессор Г. Ц. Цыбиков вместе с заведующим М. П. Хабаевым проводил большую организационную, научно-методическую работу по совершенствованию учебного плана, организации учебного процесса,

подготовке учебных, методических пособий и программ специальных учебных дисциплин, мероприятия в целях улучшения структуры отделения. Так, при отделении было образовано два профиля специализации: литературно-лингвистический и обществоведческий – по истории и обществоведению.

На БМО преподавалось несколько дисциплин по научно-педагогическому профилю профессора Г. Ц. Цыбикова: монгольский язык, бурят-монгольский язык, диалектология бурят-монгольского языка, бурят-монгольская народная словесность, теория и методика преподавания, которые осуществлялись по вновь созданным программам. Примечательно, что была разработана программа по общему языкознанию (введение в языкознание на урало-алтайском языковом материале).

Профессор Г. Ц. Цыбиков уделял большое внимание творческой работе студентов. В 1929 году кабинет монголоведения начал издавать сборник работ студентов и преподавателей. Успешно работала бурят-монгольская секция в Восточно-Сибирском отделе Географического общества СССР (ВСОРГО). С 1926 года секция стала издавать свой печатный орган «Бурятоведческий сборник» (под редакцией Н. Н. Козьмина и П. П. Хороших). В этом сборнике были опубликованы первые студенческие работы впоследствии известных бурятских ученых П. Т. Хаптаева, Т. А. Бертагаева, Д. А. Абашеева, А. Н. Боржоновой, художника Р. С. Мэрдыеева и других. Эти публикации не утратили научной ценности и в наши дни. Так, было приятно видеть, когда патриарх советской ономастики В. А. Никон в Москве в библиотеке им. В. И. Ленина читает эти сборники, а в трудах выдающегося теоретика А. В. Суперанской встречаются ссылки на авторов указанного сборника. Студенты отделения совершали поездки по Восточной и Западной Бурятии, во время которых получали первые опыты самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Профессор Г. Ц. Цыбиков считал, что следует студентов командировать на места, чтобы заинтересовать к учебным дисциплинам. В то время действовало изданное Наркомпросом «Положение об институтах студентов-выдвиженцев для подготовки в аспирантуру». Руководителем выдвиженцев по кафедре монголоведения был профессор Г. Ц. Цыбиков. В числе выдвиженцев были И. Д. Ханташкеев, Т. А. Бертагаев, П. И. Малахинов, П. Т. Хаптаев и Г. П. Занданов. В 1930 году они зачислены в аспирантуру.

Для студентов жизненный путь учителя служил призывом к действию. Уроженец улуса Урдо-Ага Агинской степной думы

Г. Ц. Цыбиков в 1899 г. окончил китайско-монгольско-маньчжурское отделение Петербургского университета с дипломом 1-й степени и золотой медалью. В 1899–1902 гг. он совершил путешествие в Тибет, за что был награжден золотой медалью РГО «За блестящие результаты путешествия в Лхасу». Результаты путешествия наиболее полно раскрыты в книге «Буддист-паломник у святынь Тибета», которая принесла автору мировую известность. Огромно научное наследие Г. Ц. Цыбикова: изданных трудов – 35, переведенных и отредактированных работ – 4, списков рукописей – 33. Библиография литературы профессора Г. Ц. Цыбикова, опубликованная за период с 1903 по 1976 годы, составляет 133 единицы, и она продолжает пополняться в связи с «Цыбиковскими чтениями» [2].

И не удивительно, что БМО под руководством профессора Г. Ц. Цыбикова за четыре года сумело подготовить будущих крупных ученых. Среди них Т. А. Бертагаев. Т. А. Бертагаев родился в 1905 году в улусе Шагды-Булуса Иркутской области. Начальное образование Т. А. Бертагаев получил в местной Булусинской школе, затем он учился в Харазаргайской школе 2-й ступени. После прохождения годичных курсов по подготовке в высшее учебное заведение в 1926 году Т. А. Бертагаев поступил на физико-математический факультет Иркутского государственного университета. По уговору известного ученого-историка и сибиреведа профессора университета Н. Н. Козьмина, вскоре перевелся на открывшееся бурят-монгольское отделение педагогического факультета. После успешного окончания университета в 1930 году Т. А. Бертагаев рекомендован для подготовки к научной деятельности в аспирантуру Ленинградского института речевой культуры. Из-за отсутствия там специальности по монгольским языкам он перевелся в Ленинградский институт языка и мышления АН СССР, который возглавлялся Н. Я. Марром. Первая работа Т. А. Бертагаева была построена на полевом материале – «Западно-бурятский диалект на материалах лексики», которая Н. Я. Марру понравилась, и он назвал автора «молодой ученый». Кандидатская диссертация Т. А. Бертагаева «Опыт исследования терминотворчества в бурятском языке» получила высокую оценку. В 1935–1938 гг. Т. А. Бертагаев работал в качестве старшего научного сотрудника в Государственном научно-исследовательском институте языка, литературы и истории – ГИЯ-ЛИ (ранее Институт культуры), по совместительству работал в Бурят-Монгольском педагогическом институте преподавателем русского и бурят-монгольского языков, где ему было присвоено звание доцента. Затем Т. А. Бертагаев до 1943 г. работал доцентом, заведую-

щим кафедрой русского языка Магнитогорского педагогического института. В конце 1943 года правительство БМАССР пригласило Т. А. Бертагаева на работу в республику. Он работал в ГИЯЛИ и доцентом кафедры русского языка Бурят-Монгольского института. Т. А. Бертагаев стал первым доктором филологических наук из бурят, защитив в 1948 г. диссертацию «Лексика монгольских языков».

В 1952 году специальным решением Президиума АН СССР Т. А. Бертагаев был переведен в Институт языкознания АН СССР, где на него было возложено руководство группой монгольских языков в секторе алтаистики, в котором он и проработал до 1976 года. Т. А. Бертагаев опубликовал 150 работ, из них 7 монографий, несколько статей по русскому языку, по этнологии и др. Подготовил 19 аспирантов, два докторанта: из них по русскому языку – 5, по калмыцкому – 7, бурятскому – 2, монгольскому – 6, общему монголоведению – 1.

Доктор филологических наук, профессор Трофим Алексеевич Бертагаев за успешную и плодотворную научно-исследовательскую деятельность и подготовку научных и других кадров имеет звание Заслуженного деятеля науки Бурятской и Калмыцкой АССР, награжден медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне против фашистской Германии 1941–1945 гг.», почетными грамотами Бурятской АССР, Президиума АН СССР.

Для увековечения памяти выдающегося ученого одна из улиц пос. Усть-Ордынского Иркутской области названа его именем. Каждые пять лет в Бурятском государственном университете проводятся «Бертагаевские чтения» по проблемам монгольского языка, а также фольклора, культуры.

Обзор источников о деятельности БМО и его выпускников приводит к выводу о том, что в обучении молодежи в учебных заведениях любого ранга следует привлекать их к творческой работе. У деятелей, преподавателей и руководства БМО есть чему учиться. Не забываемы слова профессора Н. Н. Козьмина, посвященные первому выпуску бурят-монгольского отделения: «Наши товарищи выходят на работу в трудную пору, на работу, требующую величайшего напряжения. Нагрузка сверх головы. Но это и пора величайшего исторического значения, решающая судьбы культурно-национального будущего бурят-монголов... БМО имеет честь сформировать первый отряд бойцов великой армии трудящихся» [3]. Было выпущено 11 человек, в том числе для научной работы – 4 человека: по литературе и языку Т. А. Бертагаев и П. И. Малахинов, по истории

Г. П. Занданов и П. Т. Хаптаев. Т. А. Бертагаев стал ученым с мировым именем.

В 1930 г. БМО послужило основой открытия Бурятского педагогического института им. Доржи Банзарова, ныне Бурятского государственного университета.

Список литературы

1. Иркутский государственный университет: первенец вузовской науки Восточной Сибири. Хроника событий. Ректоры, деканы, профессора. Иркутск : Изд. ИГУ, 1998.
2. К столетию со дня рождения проф. Г.Ц. Цыбикова. Улан-Удэ : Изд. БНЦ СО РАН, 2002.
3. Бурятоведческий сборник. Вып. 7. Иркутск : ИГУ, 1930

Т. Б. Тагарова

Россия, Иркутск

Доктор филологических наук, профессор Надежда Осиповна Шаракшинова

Надежда Осиповна Шаракшинова (1915–2000) вошла в историю бурятской фольклористики как неутомимый собиратель и популяризатор устной народной поэзии, известный ученый, монголовед, крупнейший фольклорист, доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного университета, автор 15 монографий, учебников, свыше 150 научных статей.

В известной работе «Героический эпос бурят» [1968], где впервые дается исчерпывающая научная характеристика эпоса бурят, разработаны генезис, периодизация, классификация бурятских улигеров, выделены три основных группы героических сказаний: эхирит-булагатские, хоринские и унгинские, отличающиеся друг от друга по времени создания, сюжету, системе образов, композиции, языку. Подробно исследована поэтика эпических произведений, композиция, система художественно-изобразительных средств, особенности языка улигеров.

Монография 1969 г. «Героический эпос о Гэсэре», отмеченная Почетной грамотой и второй денежной премией на Выставке-смотре научных исследований вузов Восточной Сибири, отличается богатым источниковедческим материалом об истории изучения эпоса «Гэсэр» в России и за рубежом. Здесь характеризуются различные версии «Гэсэриады»: монгольская, тибетская, тюркская, отмечена

самобытность бурятской версии, ее архаичность и историзм, отличие по форме и по содержанию. Так, они созданы и бытуют в значительной части в стихотворной форме, в них обнаруживаются древние мифологические сюжеты и черты ранних религиозных представлений народа. В монографии представлен подстрочный перевод улигера «Абай Гэсэр хүбүүн», записанного Ц. Жамцарано в 1906 году в улусе Кукунут от сказителя Маншуда Эмегеева, осуществленный Н. О. Шаракшиновой.

В 1972 году защищена докторская диссертация по теме «Улигеры как памятник духовной культуры бурят». Монография «Героико-эпическая поэзия бурят» [1987] удостоена диплома и III премии Государственного комитета профсоюза работников народного образования и науки за лучшую научную работу в 1990 г. В книге представлен всесторонний анализ жанрового синкретизма, эпических сюжетов, идей и образов эпоса, культовых и эстетических воззрений, художественно-изобразительных средств и языковых особенностей улигеров. Бурятские улигеры исследованы в контексте эпоса тюркомонгольских народов, Внутренней Монголии и халхалмонголов.

«Бурятский фольклор» [1959], «Бурятское народное поэтическое творчество» [1975] фактически стали учебными пособиями для вузов и школ. «Лирические песни бурят» [1973], «Загадки» [1980], «Мифы бурят» [1981] до сего времени имеют большое значение в изучении бурятского фольклора. В 1990 году подготовлена рукопись монографии «Легенды, предания, мифы бурят» (22 п. л.), представляющая отдельный том в Своде фольклора серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В книге «Бурятские улигеры» [2000, 20 п. л.] представлена часть архивных записей Н. О. Шаракшиновой – ранее неизвестные улигеры – «Алтан шагай», «Амагалан Богдо», «Зээрдэй Мэргэн», «Хаан Сагта абхай», «Суутын долоон хулагша» (Нукутский район Иркутской области, сказители П. Дмитриев, И. А. Хангалов) с переводом на русский язык, с комментариями.

Благодаря Шаракшиновой Н. О. науке стали известны новые варианты героических сказаний о «Гэсэре», «Алтан Шагай», а также ранее неизвестные улигеры от П. Дмитриева, И. А. Хангалова, П. Тушемилова, А. Тороева, М. Шобонова и других.

Около 50 лет Надежда Осиповна работала в Иркутском государственном университете, читая лекции по фольклористике, бурятской литературе, создавая учебники, программы для средних школ, вузов по курсам бурятского фольклора, истории бурятской литературы.

Много сделано Н. О. Шаракшиновой для укрепления межнациональных научных связей своим участием в международных форумах, конгрессах. Труды Н. О. Шаракшиновой были высоко оценены не только на родине, но и за рубежом.

Н. О. Шаракшинова руководила аспирантами, была членом Специализированного Совета по защите диссертаций, выступала в роли оппонентов на защите докторских и кандидатских диссертаций. Она была одним из инициаторов и активных участников празднования 1000-летнего юбилея «Гэсэра» в 1995 году.

Основные труды Н. О. Шаракшиновой:

1. Бурятская литература : учеб.-хрестоматия для сред. шк. – Улан-Удэ, 1951. В соавт. Мижидон Д. М.
2. Бурятская литература : учеб. для сред. шк. – Улан-Удэ, 1954. В соавт.: Танятова А. Н., Мижидон Д. М., Балданжабон Ж.
3. Хоца Намсараев. Критико-библиографический очерк. – Улан-Удэ, 1958.
4. Бурятский фольклор. – Иркутск, 1959.
5. Героический эпос бурят. – Иркутск, 1968.
6. Героический эпос о Гэсэре, – Иркутск, 1969
7. Лирические песни бурят. – Иркутск, 1973.
8. Бурятское народное поэтическое творчество. – Иркутск, 1975, 2-е изд 2012.
9. Мифы бурят. – Иркутск, 1980.
10. Загадки. – Иркутск, 1981.
11. Героико-эпическая поэзия бурят. – Иркутск, 1987.
12. История древней бурятской литературы. – Иркутск, 1990.
13. Улигеры бурят. – Улан-Удэ, 2000.

Корифей ономастики Байкальского региона

Становление бурятской ономастической науки, развитие ее основных научных направлений было начато в 70 гг. XX в. деятельностью профессора Иркутского госуниверситета Анастасии Григорьевны Митрошкиной. В этом году корифею ономастики Байкальского региона – профессору А. Г. Митрошкиной исполнилось бы 99 лет со дня рождения. В течение всей своей жизни она непрерывно собирала и изучала бурятские имена, их происхождение и значение. Профессор А. Г. Митрошкина – автор более 100 научных работ по вопросам ономастики монгольских народов, в том числе и монографий: «Бурятская антропонимия» (Новосибирск : Наука, 1987. 222 с.); «Личные имена бурят» (Иркутск, 1995, 2007. 364 с.); «Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря». Ч. I (Иркутск, 2008. 383 с.) и др.

Это уникальный словарь, охватывающий более 5 тыс. бурятских имен, в котором даны подробные сведения о носителе имени, например, Марха – из *марха(гар)* большой, картошкой (о носе) – XII, XV, аларск., род Готол, с. Готол, Алар. р-н, эх.-бул., род Абаганатский, с. Алужино, Эхирит-Булагат. р-н Ирк. обл.

А. Г. Митрошкина – участник многих Международных симпозиумов, конгрессов, конференций по проблемам ономастики и социолингвистики. Кроме того, ею были разработаны для студентов бурятского филологического отделения Иркутского университета авторские спецкурсы по ономастике: «Введение в бурятскую ономастику», «Бурятская антропонимика», «Топонимика Прибайкалья», по языкознанию.

Монография А. Г. Митрошкиной «Бурятская антропонимия» (1987) посвящена анализу бурятских личных имен в лингвистическом и этнографическом аспектах. Впервые в монгольской антропонимике на обширном полевом и архивном материале рассмотрены и систематизированы мотивы выбора и сферы употребления бурятских антропонимических единиц, выявлены пути пополнения именника за счет собственных ресурсов и заимствований.

Самостоятельную ценность представляет также разработанная А. Г. Митрошкиной методика сбора полевых материалов, обобщенная в пособии для студентов университета «Методика сбора ономастического материала в Западном и Восточном Прибайкалье» (Ир-

кутск : ИГУ, 1971, 1977. 36 с.). В ее методике впервые введено понятие *рода* применительно к антропонимии; разработана антропонимическая родословная таблица со многими параметрами: антропонимическая эра (точка отсчета поколений), количество лет в поколениях, понятие антропонимического диалекта; сформулированы основные требования к записям полевого материала. Методика нацелена на сбор материалов для их комплексного этнолингвистического описания. Данной методикой активно пользуются не только ученики и последователи ономастической школы А. Г. Митрошкиной, но и ее зарубежные коллеги.

Большое значение для развития ономастических исследований в Байкальском регионе имела организация в Иркутском университете под руководством проф. А. Г. Митрошкиной регулярных научных конференций по проблемам ономастики Восточной Сибири и Центральной Азии, на которых наряду с учеными из других городов всегда принимали участие и студенты – члены ономастического кружка, руководимого А. Г. Митрошкиной. Благодаря научной и педагогической деятельности А. Г. Митрошкиной в Иркутском университете сформировалась своя ономастическая школа.

Впоследствии ее ученики сами стали руководителями научных направлений: в ономастике – д-р филол. наук, проф. Л. В. Шулунова, в области истории и этногенеза бурят – д-р ист. наук Д. Д. Нимаев.

Ученики А. Г. Митрошкиной, которым посчастливилось впервые приобщиться к научно-исследовательской работе в стенах Иркутского университета под ее руководством, всегда с благодарностью вспоминают уроки и наставления своего Учителя (канд. филол. наук Ц. Б. Базарова, д-р филол. наук Л. Б. Бадмаева, канд. филол. наук В. И. Семенова, канд. филол. наук Ж. Д. Маюрова, канд. филол. наук И. А. Ламожапова, канд. филол. наук Л. Ц. Халхарова и др.).

В монографии «Личные имена бурят» [2007], которая выдержала несколько изданий, впервые систематизирован и подвергнут тщательному анализу огромный языковой материал по антропонимике бурят, который по группам был собран автором в течение всей жизни. В работе проф. А. Г. Митрошкиной впервые исследована система именования бурят за большой период с XVII в. по настоящее время, описана типология ономастических значений личных имен, выявлены антропонимические категории и их сферы функционирования, описаны способы образования исконных личных имен бурят, определен корпус иноязычных элементов в бурятском именнике – выявлен пласт имен, восходящих к апеллятивам или именам тюркских, русского, тибетского, санскритского, китайского языков.

Автор убедительно показала в своей работе, что в именнике бурят активно сосуществуют исконные и новые категории, сформированные под влиянием русской антропонимии; что единицы каждой категории – личные имена, как имена по отцу, фамилии, отчества, прозвища – находятся между собою в отношениях взаимосвязанности на фоне однотипных морфологических, словообразовательных, лексико-семантических характеристик, что антропонимическая система в целом находится в оппозиции к обычной лексике как в семантическом, так морфологическом и словообразовательном отношении.

В главе «Антропонимы в системе бурятского языка» рассматриваются вопросы значения антропонимов, словообразовательной, морфологической и фонетической системы личных имен, категорий именования людей и сфер функционирования их единиц. Касаясь вопроса о соотношениях логических категорий (понятие, представление) с лингвистической семантикой слова, автор придерживается позиции, что значение словесного знака в момент его образования есть не что иное, как существенный признак – инвариант класса однородных объектов. Автор подчеркивает, что такое понимание природы значения полнозначных слов очень важно в изучении семантики онимических единиц, в частности антропонимов.

Автор пишет, что мотивы выбора имени новорожденному, а также имятворчество у бурят исторически менялись. Если до 30-х годов личные имена давались индивидам не только для дифференциации и идентификации, но и с целью охраны от «козней злых духов», то в современную эпоху эти же имена, а также заимствованные имена, являются утратившими семантику и имеют только структурно-языковое значение – личное имя вообще.

По мнению автора, бурятская антропонимическая система – это совокупность общеизвестных у бурят и диалектно ограниченных древних и новых имен, унифицированных под действием исторически сложившихся типов, упорядоченных в пределах исторически подвижных антропонимических категорий. Системообразующие антропонимические категории реализуются в формах тех или иных моделей. Компонентами этих моделей являются личные имена, состоящие из антропооснов и формантов. Все антропонимические категории находятся в иерархических отношениях между собой.

Далее автором выделяются антропонимические категории: личное имя, имя по отцу, имя по мужу (жене, детям), имя по названию рода, имя по названию села и прозвище; *групповые именованья*: генонимы, фамилии, родовые прозвища, семейные прозвища, внутрисемейные имена. А. Г. Митрошкина впервые подробно рассматрива-

ет *геноним* как единицу антропонимической категории, представляющей отыменное образование: «Генонимы – это традиционные, неофициальные названия родовых и подродовых группировок у бурят в прошлом, возрождающиеся в настоящее время. Они образовывались, как правило, от личных имен тех людей, которые считались родоначальниками» [с. 33]. Заметим, что генонимы функционируют в качестве традиционных родовых названий не только у бурят, но и у всех монгольских народов, например, во Внутренней Монголии Китая *генонимы* выступают в функции фамилии: Бодонгут Абида (букв. Абида из рода бодонгут), Галзут Тубшиннима (букв. Тубшиннима из рода галзут), Борджигин Баярмэнд (букв. Баярмэнд из рода борджигин), Борджигин Бадма-Одсар (букв. Бадма-Одсар из рода Борджигин), Хуасай Дугарджаб (букв. Дугарджаб из рода хуасай), Хурлат Оюна (букв. Оюна из рода хурлат), Хуйслэх Норжин (Норжин их рода хуйслэх) и т. д.

Как считает автор, многие апеллятивы личных имен могут оказаться универсальными для всех языков вообще. К таковым, прежде всего, относятся апеллятивы со значениями названий растений, птиц, животных, качественные слова со значением признака человека, масти животных, качественные слова со значением признака человека, масти животных, наименования домашней утвари.

В настоящее время в связи с возрождением национального самосознания бурят, с повышением языковой культуры носителей бурятского языка возрос интерес к исконным бурятским именам, стали активно употребляться благозвучные, емкие, краткие имена с положительной семантикой: Агван, Алдар, Амар, Амгалан, Ардан, Арюна, Арюхан, Аюна, Аюша, Аяна, Баир, Балдан, Барас, Бато, Батор, Баярма, Болот, Булат, Бэлиг, Бэлигма, Гунжит, Даба, Дамдин, Дандар, Дара, Дари, Данир, Дарима, Дарису, Даши, Димид, Довчин, Должин, Донир, Донит, Доржи, Дулма, Дугвэма, Есуна, Жалма, Жамьян(а), Жаргал, Зандра, Золто, Зориг, Зоригто, Лыгжима, Максар, Минжама, Мунко, Номин(а), Норжима, Оюна, Оэлун, Рабдан, Рампил, Ранжит, Ринчин, Саржана, Сарюна, Саян, Солмон, Субад, Сэржэн(а), Сэргэлэн, Тамир, Тимур, Тумэн, Туяна, Уржин, Уянга, Хэшэгтэ, Цокто, Цырема, Цырен, Цырма, Цыпилма, Цыцыгма, Элбэг(тэ), Эрдэм, Эрдэни, Эржэн, Эржена, Юмжана, Янжима и т. д.

Вместе с тем практика показывает, что в наречении детей современные буряты активно используют и имена из русского антропонимикона: Александра, Алексей, Алина, Анна, Арина, Борис, Валя, Галя, Дима, Елена, Ира, Инна, Катя, Люда, Наташа, Олег, Паша, Сергей, Слава, Эдуард, Юлия, Ярослав и т. д.

Научные исследования А. Г. Митрошкиной – большой вклад в развитие отечественной монголоведной науки. Они представляют собой классические труды по ономастике Байкальского региона.

А. Г. Митрошкина – труженик тыла. В годы войны работала инструктором райкома ВЛКСМ в Цаган-Усунской МТС, Первым секретарем Селенгинского райкома ВЛКСМ Бурят-Монгольской АССР. Примечателен тот факт, что в самые тяжелые годы войны в 1942–1943 гг. комсомольцы Селенгинского района на свои средства, заработанные на воскресниках во время уборки урожая, построили боевой самолет, который был назван «Селенгинский комсомолец» и отправлен на фронт. За этот трудовой подвиг комсомольцы Селенгинского района получили благодарственную телеграмму на имя Первого секретаря Селенгинского райкома ВЛКСМ А. Г. Митрошкиной от И. В. Сталина: «Боевой самолет «Селенгинский комсомолец» построен и бьет немецких фашистов!».

В нашей памяти Анастасия Григорьевна Митрошкина осталась как неутомимый труженик науки, талантливый педагог, замечательный гражданин России, ученый с мировым именем, внесший значительный вклад в развитие российской ономастической науки. Ее жизненный путь, общественная и научная деятельность снискали всеобщее признание и уважение всего научного сообщества монгольского мира.

УДК 81'27=512.31

Л. Б. Бадмаева

Россия, Улан-Удэ

К проблеме повышения функциональной мощности бурятского языка

Статья посвящена проблеме повышения функциональности современного бурятского языка в условиях билингвизма. Одной из актуальных задач в решении данной проблемы автору видится в усилении мотивации к изучению родного языка и осуществлении ряда мер на государственном уровне. Проводится идея о том, что язык является важным средством передачи кода национально-культурных ценностей. Вместе с тем язык – это управляемый феномен; поэтому он может меняться под воздействием целенаправленной языковой политики.

Ключевые слова: бурятский язык, функциональная мощность, идиом, языковая политика.

The article is devoted to the problem of increasing the functionality of the modern Buryat language in bilingualism. One of the urgent tasks in solving the problem for the author is seen in strengthening the motivation to learn the native language and implementing a number of measures at the state level. The idea that language is an important means of transmitting the code of national cultural values is being carried out. However, language is a controlled phenomenon; therefore, it can change under the influence of a focused language policy.

Keywords: the Buryat language, functional capacity, idiom, language policy.

Как известно, функциональная мощность идиома – это мощность, определяемая числом коммуникативных сфер, обслуживаемых данным идиомом, в отношении к общему числу таких сфер.

Условия для развития или наоборот уничтожения того или иного языка создает государство при помощи проводимой им языковой политики. «Под языковой политикой понимают совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [5, с. 616]. Эти меры, направленные на сохранение и развитие норм функционирования языка, могут повысить их до оптимального уровня или даже превышающего оптимальный уровень в ущерб каким-либо другим языкам. Либо

эта политика может осуществляться в противоположном направлении до полного исключения какого-либо языка из употребления.

В настоящее время в Бурятии в условиях национальной государственности и фактического доминирования инонационального (русского) большинства для бурятского народа чрезвычайно актуальной стала проблема самосохранения как этноса, а также проблема консервации и дальнейшего развития родного языка. Ибо родной язык для индивида является этническим символом, выражением его национального самосознания, мироощущения, отношения к жизни, уникальной картины мира, а также важным средством передачи кода национально-культурных ценностей.

Вместе с тем существует популярная теория о том, что образование единого российского государства с единым (русским) языком пойдет по американскому пути, при котором в Америке утратили исконные языки не только представители многих европейских наций, но и многомиллионные африканцы. Сейчас они различаются только по своему происхождению: афроамериканец – американец африканского происхождения, американец кубинского происхождения и т. д. Возможно, в России будет также: россиянин татарского происхождения, россиянин бурятского происхождения, россиянин чувашского происхождения и т. д. Но это произойдет не скоро, в течение 100–200 лет или раньше, если мы не будем сознательно влиять на развитие национальных языков и культур, если не будем проводить действенную языковую политику, как части государственной политики, ведь язык – это управляемый феномен. Хотя многие ученые к идее о возможности сознательного вмешательства в развитие языка и влиянии на процессы его эволюции относились весьма скептически, а нередко и прямо отрицательно, полагая, что язык есть система, развитие которой идет на основе внутренних, имманентных законов, не поддающихся влиянию извне. Упускалось из виду то, что язык – это не только субстанция, организованная на основе определенной системы, но что эта система обладает множеством разнообразных общественных функций, которые в значительной степени подвержены сознательному вмешательству общества. В настоящее время определено, что внутренняя структура языка способна изменяться в определенных границах под воздействием внешних факторов, особенно в результате сознательного вмешательства со стороны человека и общества. Среди различных приемов и способов воздействия общества на язык наиболее значимым является языковая политика как составная часть национальной политики.

Возникновение языковой политики обусловлено образованием государства: правящая элита провозглашала наиболее выгодный им язык государственным языком, т.е. язык выступал как орудие проведения политики подавления языков зависимых народов.

Если обратиться к фактам истории, все завоеватели, стремящиеся подчинить управляемые ими народы, понимали, что основой национального самосознания является язык и национальная культура, поэтому свое правление начинали именно с подавления национального самосознания путем ограничения языка – основного выразителя национального духа народа. Например, изучение истории письменности народов Центральной Азии показывает, что возникновение новой письменности было связано с образованием нового государства, что это было одним из основных проявлений идеи государственного суверенитета. Так, Чингисхан, вступив на престол, провозгласил монгольский язык государственным языком своей империи. В связи с этим все государственные дела, официальные документы, дипломатические послания, завещания и т. д. составлялись на монгольском языке [4, с. 14].

Таким образом, под языковой политикой следует также понимать, и совокупность мер, сознательно применяемых на уровне государства с целью: 1) изменения или сохранения внутривидовых и строевых особенностей языка (своего или чужого); 2) изменения или сохранения сфер функционирования языка (своего или чужого) [В. А. Аврорин, Л. В. Никольский, А. Д. Швейцер, Э. Г. Туманян и др.].

Из этого следует, что сознательные мероприятия могут носить прогрессивный характер с соблюдением принципов языкового и правового равенства, но могут носить и характер подавления одного языка другим, характер расово-национальной дискриминации и воинствующего шовинизма, что порождает межнациональные конфликты.

Бурятский язык является одним из национальных языков народов России, который 10 июня 1992 г. Законом Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» был провозглашен вторым государственным языком республики. Закон предполагает активное функционирование языка в разных сферах: политической, социальной, культурной и др. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время бурятский язык перестает выполнять функцию языка межкультурного общения.

Между тем следует признать, что Закон «О языках...», принятый на государственном уровне в Республике Бурятия, по существу не работает, ибо нет механизма его реализации, отсутствует контроль над выполнением Закона, самое главное, данный Закон не подкреплён финансовой поддержкой.

Во всем мире благополучие, уровень жизни, сохранность языка и культуры национальных меньшинств служат показателем прогрессивности, цивилизованности, уровня культуры общества той страны, где проживают малочисленные народы. Думается, что значимость судеб малочисленных народов Сибири, в том числе и бурят, несоизмеримо больше по сравнению с их численностью, составляющей всего 0,1 % от общего числа населения всей России.

Профессор Гилад Цукерман, руководитель отделения лингвистики и исчезающих языков Университета Аделаиды в Австралии, отмечает, что потеря языка – более серьезная утрата, чем потеря земли. А утрата языка – это потеря культурной автономии, духовного и интеллектуального суверенитета, потеря души [3].

По словам лингвиста, знание родного языка дает человеку личное, ментальное, духовное и физическое благополучие, чувство гордости и чувство собственного достоинства. Это своего рода лекарство от самоотрицания. А изучение родного языка дает человеку чувство свободы и наполняет жизнь смыслом. Важным аргументом в пользу билингвизма проф. Цукерман назвал познавательные преимущества людей, говорящих на двух языках: им легче удается сконцентрироваться на теме или на проекте, у них лучше развиты способности к многозадачности и к изучению иностранных языков. Согласно результатам исследования, люди, выросшие в двуязычной среде, меньше подвержены деменции. Сам он говорит на 11 языках, читает на 30 языках. Ученый уверен, что современный человек должен знать, как минимум, 4 языка: свой родной, государственный язык той страны, где он проживает, международный (английский – сегодня, завтра – китайский) и язык своего хобби [Там же].

По мнению Гилада Цукермана, государство должно поддерживать национальные языки, ибо для государства гораздо полезнее сохранять языки народов, так как: 1) люди, которые с детства говорят на двух языках, умнее; 2) люди, говорящие на своем родном языке, счастливее. А люди, которые видят, что их язык и культура уничтожаются, чувствуют себя несчастными, ущербными. По словам ученого, **лингвоцид** (уничтожение языка, когда игнорируется один из языков, не создаются условия для его применения, когда вам не позволяют говорить на своем родном языке) – есть одна из форм геноцида [Там же].

В плане усиления функциональной мощности бурятского языка (соотношения сфер общения) и повышения статуса второго государственного бурятского языка большой эффект имело бы введение в требования к претендентам на должность госслужащих пункта о

необходимости знания двух государственных языков народов Республики Бурятия. Как отмечает известный социолингвист В. Ю. Михальченко: «Чиновник обязан знать два государственных языка, а посетители должны сами выбирать, на каком языке к нему обращаться на приеме» (из устного выступления). Кроме того, важным аспектом языковой политики в республике нам представляется сознательное культивирование организованного (бытового, творческого, делового, учебного, научного) общения на бурятском языке.

Также важным аспектом языковой политики в республике представляется издание и переиздание памятников письменной культуры бурят на старописьменном монгольском письме (дидактические, летописные, литературные, буддийские сочинения и др.), так как старописьменный монгольский язык как основа письменного литературного языка бурят является одним из внутренних ресурсов обогащения современного бурятского языка. В связи с этим одним из путей ревитализации бурятского языка в условиях развивающегося русско-бурятского двуязычия нам видится в актуализации языковых средств из богатейшего фонда языка старописьменных памятников, из языка талантливых бурятских писателей, а также из бурятских диалектов.

Кроме того, для повышения функциональной мощности бурятского языка необходимой представляется поддержка на основе бюджетного финансирования сферы непрерывного образовательного процесса на родном языке, используя положительный опыт национальной политики в других странах. Например, в Китае с 2006 г. в монгольских школах за период обучения учащимся выплачивается стипендия, им предоставляется бесплатное питание, проживание, обмундирование. Как с удовлетворением отмечали монгольские коллеги, в результате подобных мероприятий число родителей, желающих обучать своих детей в монгольских школах, неуклонно растет (из устного сообщения проф. Даваадагбы).

Если молодое поколение стремится знать родной язык – это хороший признак, это значит, что у этого языка есть будущее. А наша молодежь хочет знать свой язык. Молодыми людьми разработаны различные сайты, посвященные бурятскому языку и культуре: сайт бурятского народа *‘буряад арадай сайт’* (<http://www.buryatia.org> – разработчик Е. Хамаганов), электронные учебники бурятского языка (<http://www.buryadxelen.org/> – под ред. Ж. Бадагарова, Ж. Дымчиковой; <http://uchebnik.netfirms.com> – под ред. У.-Ж. Дондукова и др.) [1, с. 122]. В последнее время интернет буквально взорвал *«буряад-хэлэнchallenge»*, который запустил студент из Томска Тимур Дашинаев. Молодыми людьми созданы более сотни роликов. Рефреном

в них звучит: «*Буряадууд, түрэл хэлэээ бү мартагты! Буряадаараа дуугараял!*» – ‘Буряты, не забывайте свой родной язык! Давайте говорить по-бурятски!’.

И я их горячо поддерживаю. Этническая Бурятия – это единственный регион в мире, где может сохраниться, должен развиваться и звучать чудо родного слога – бурятский язык.

Вместе с тем, как отмечают ученые, в эпоху глобализации языки народов России все же уходят из жизни. Но думается, что сознательное влияние общества, а именно целенаправленная языковая политика, в частности в Республике Бурятия, целевая государственная Программа по развитию бурятского языка, а, самое главное, желание и решимость самого народа сохранить свой язык в состоянии приостановить процесс утраты языка, более того, сохранить и возродить «функционально среднеразвитый» бурятский язык. В мире есть примеры ревитализации и успешного развития миноритарных языков: иврит в Израиле, кельтские языки в Европе, долганский язык в Сибири, язык сойотов в Бурятии возродил проф. В. И. Рассадин. Социолингвист В. Ю. Михальченко отмечает: «Конечно, необходимо особо поддерживать, сохранять, создавать условия для языков малочисленных народов, сокровища культуры которых, особый образ жизни, своеобразные языковые картины мира являются всемирным достоянием и должны сохраняться как часть общечеловеческой культуры» [2, с. 11].

Важно подчеркнуть, что без обеспечения контроля над выполнением закона «О языках народов Рспублики Бурятия», принятого в 1992 г. без повышения персональной ответственности за соблюдение законодательства РБ (глава IX, статьи 30, 31) и без финансовой поддержки данный закон останется только на бумаге и не будет иметь какого-либо значение для сохранения бурятского языка как национального достояния.

И нам представляется, что буряты, имеющие древнюю письменную культуру, богатое письменное наследие, не должны равнодушно покидать свою нишу, отведенную им историей. И вместе с другими народами бурятский народ может и должен внести свою лепту в развитие общечеловеческой культуры.

Список литературы

1. Дашибалова И. Н. Бурятский язык в интернет-коммуникации // Проблемы трансформации социальной структуры народов Байкальской Азии (на материале социологических и социолингвистических исследований) : сб. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 168 с.

2. Михальченко В. Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России // Языки в политическом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Улан-Удэ, 2019. 262 с.

3. Цукерман Г. Убийство и воскрешение языков: социальный смысл языкового возрождения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idelreal.org>

4. Чулуунбаатар Л. Письменность монгольских народов и ее культурно-историческое значение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 29 с.

5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.

УДК 809.423

Л. Б. Будажапова

Россия, Улан-Удэ

Способы образования составных сложных слов в бурятском языке: сложение с атрибутивным и объектным отношением исходных слов

В статье предпринята попытка выявить и описать способы образования составных сложных слов бурятского языка. Под составными сложными словами понимаются лексические единицы, состоящие из двух, трёх, устойчиво сочетающихся слов, обозначающих одно понятие, семантически и функционально равнозначных одному слову. Одним из распространенных способов образования составных сложных слов является сложение с подчинительным отношением компонентов, а именно сложение с атрибутивным и объектным отношением исходных слов: догшодой балин ‘балин докшитов’; зулын хурал ‘молебен лампы’; бумба нууха ‘совершить обряд закладки бумба’, буянта хэрэг ‘добродетель’ и т.д.

Ключевые слова: словообразование, способы образования слов, сложное слово, свободное словосочетание, бурятский язык;

The article attempts to identify and describe the methods of formation of compound compound words of the Buryat language. Compound compound words are understood to be lexical units consisting of two, three, stably combining words denoting one concept, semantically and functionally equivalent to one word. One of the common ways to form compound compound words is addition with a subordinate relation of components, namely addition with an attributive and object relation of the source words: dogshody Balin ‘Balin Dokshitov’; zulyen khural ‘moleben of the lamp’; bumba nuuha ‘perform the rite of laying the bumbas, buyanta harag’ virtue’s, etc.

Keywords: word formation, word formation methods, compound word, free phrase, Buryat language.

В бурятском языке имеется значительное количество составных сложных слов. Под составными сложными словами понимаются лексические единицы, состоящие из двух, редко трёх, устойчиво сочетающихся слов, обозначающих одно понятие, основы которых соединяются посредством подчинительной связи: *жабты табюулха* ‘исполнять обряд отпущения грехов, болезней’, *догшодой балин* ‘ба-

лин докшитов»; *зулын хурал* ‘молебен лампы»; *бумба нюуха* ‘совершить обряд закладки бумба’, *буянта хэрэг* ‘добродетель’ и т. д. Компоненты в этих сочетаниях пишутся отдельно и функционируют отдельно как один член предложения.

Целью данной статьи является выявление составных сложных слов с атрибутивным и объектным отношением компонентов. Нами было обнаружено, что самым распространенным способом образования составных сложных слов являются сложные слова, компоненты которых связаны атрибутивным отношением.

Мы выявили следующие модели атрибутивных сложносоставных существительных: 1) модель имя существительное в родительном падеже + имя существительное, например, *шойрын хургуули* ‘школа (ламаистской) эристики’ (т. е. способность вести спор, полемику); *Отошын дуган* ‘Дуган – Оточи’ (Дуган посвящен Будде Медицины); *Манзашэрын дуган* ‘Дуган Манджушри (Дуган посвящен Бодхисаттве Мудрости)’; *Намсарайн дуган* ‘Дуган Вайшравана’ (Дуган посвящен покровителю богатства); 2) модель имя существительное в совместном падеже + имя существительное, например, *гуутай бурхан* ‘ладанка с изображением божества’; 3) имя прилагательное + имя существительное, например, *гэгээн багша* ‘святой учитель’, *шара шажан* ‘желтая вера, ламаизм’; 4) имя числительное + имя существительное, например: *долоон эрдэни* ‘семь драгоценностей’; *найман тахил* ‘восемь драгоценностей’ и т. д.

В бурятском языке наряду с составными атрибутивными сложными словами, наличествуют множество свободных словосочетаний, образованных с этими же словами: *алтан ганжар* ‘золотой, позолоченный ганжир’ (ганжир – шпиль или золоченый металлический шарик, венчающий крышу дацанов), *сагаан бүрээ* ‘белая раковина’ (буре – духовой музыкальный инструмент), *нангин худар* ‘священная книга’, *гэгээн хүн* ‘святой человек’.

По этому поводу исследователи предлагают ряд приемов разграничения сложного существительного и свободного словосочетания.

Одним из критериев, которые предлагают ученые, является проверка на сказуемость. В частности, В. М. Надеяев пишет: «Проверка на сказуемость позволяет отличить прилагательное от атрибутивного компонента в сложном имени существительном, близкого семантически к прилагательному, который как часть слова не может переставляться без полного искажения семантики сложного слова» [5, с. 89].

Например, сочетание *үхэр бүрээ* ‘длинная (два, три метра) труба’ (досл. ‘бык труба’) является сложным существительным, потому

что перестановка *Энэ бүрээ үхэр* с использованием *үхэр* в роли сказуемого при подлежащем *бүрээ* 'труба' дает бессмысленное содержание 'Это труба бык' или *луу гутал* 'вид ламской обуви' (досл. 'дракон, обувь') при перестановке слов *энэ гутал луу* преобразуется в значение 'эта обувь дракон'. Таким способом, определены следующие составные атрибутивные сложные существительные: *боди модон* 'дерево бодхи', *гандан бүрээ* 'гандан, труба', *мунтан эрхи* 'черные блестящие четки', *суман эрхи* 'четки из красного дерева', *луу шэрээ* 'столик с изображением драконов', *хамба торгон* 'узорчатый китайский шелк', *хамба дээгэл* 'шуба, крытая китайским шелком и др.

В настоящее время, пишет В. М. Надеяев, «сложные основы атрибутивного основосложения, как и сложные основы парного основосложения, не имеют в монгольском языке четких внешних признаков, которые послужили бы критериями отличия их от соответствующих по моделям конкретных синтаксических словосочетаний, кроме внутреннего семантического признака, проявляемого в последующем словообразовании» [5, с. 37].

Следующий критерий, который можно использовать для разграничения атрибутивных сложных слов и свободных синтаксических сочетаний слов, остается семантическое единство сложной основы, которое проявляется в использовании её в качестве исходной основы при словообразовании, например: *шара шажан* 'желтая вера' – *шара шажантан* 'желтошапочники, последователи ламаизма', *дээдэ зиндаа* 'высшая степень' – *дээдэ зиндаатан* 'обладатели высшей степени', *дунда манжа* 'чаепитие во время хурала' – *дунда манжашан* 'подающие чай во время хурала' и т. д.

Сочетание слов *нюуса тарни* 'магические тантры' является свободным словосочетанием, потому как можно сказать: *энэ тарни нюуса* 'эти тантры магические'. Таким образом, мы обнаружили следующие свободные словосочетания: *нангин ном* 'священная книга', ибо возможно сказать: *Энэ ном нангин* 'Эта книга священная'; а сочетание *шулуун мунхан* 'каменная часовня' является, по нашему мнению, несвободной лексикализованной единицей, потому как не говорят: *Энэ мунхан шулуун* (букв. 'Это часовня камень').

По типу дополнительных словосочетаний нами обнаружены следующие составные основы: имя существительное в винительном падеже + отглагольное существительное, например: *хадаг табилга* 'сватанье'; *абарал эрилгэ* 'обращение к ламе с просьбой избавления от физических или душевных страданий'; *адис табилга* 'получение благословения', *буян хурялга* 'накопление заслуг', *зула барилга* 'подношение лампадки', *шоо табилга* 'гадание при помощи косто-

чек', *буян үйлэдэлгэ* 'совершение благодеяния', *зутан намаралга* 'приготовление ритуальной пищи', *адис хуртэлгэ* 'удостаивание благословления', *хунажа мүргэлгэ* 'простираание', *тахил табилга* 'подношение даров' *хүнэнэ дуудалга* 'обряд призывания души' и т. д.

В современном монгольском языке считаются номинативными сочетания, состоящие из существительного и глагола. В них первый компонент представлен в форме винительного падежа существительного, особенно винительным падежом. Г. Ц. Пюрбеев считает, что второй компонент такого сочетания является глаголом-инфинитивом, совпадающим с причастной формой на -х. «В отличие от последней инфинитив в составе термина, являющегося номинативной единицей, не имеет значения времени и склонения. Обозначая действие не определенное с точки зрения лица и времени, инфинитив на -х передается на русский язык отглагольным существительным: *зээл олгох* 'кредитование' досл. 'кредит выдавать, предоставлять'; *бетон цутгах* 'укладка бетона' досл. 'бетон лить' и т. д.» [6, с. 90].

В буддийской лексике бурятского языка встречается значительное количество номинативных сочетаний, состоящих из существительного и глагола, например: *хэшэг дуудаха* 'призывание изобилия' (досл. милости, щедроты призывать); *далга абаха* 'призывание достатка' (досл. 'жертвенная снедь брать'), *зула бадарааха* 'подношение лампады' (досл. 'лампаду зажигать'); *бурханда мүргэхэ* 'поклонение божеству' (досл. 'бурхану поклониться'), *хүнэнэ дуудаха* 'обряд призывания души' (досл. 'душу звать'), *буян үйлэдэхэ* 'совершать благодеяния' (досл. 'благодеяние совершать'), *зутан намарха* 'готовить ритуальную пищу' (досл. молочное блюдо перемешивать), *адис хуртэхэ* 'удостоиться благословления' (досл. 'благословление удостоиться'), *хунажа мүргэхэ* 'простирааться' (досл. 'растягиваясь молиться'), *тахил табиха* 'подносить дары' (досл. 'подношение ставить') и другие. Однако в таких глагольных сочетаниях второй компонент часто преобразуется в отглагольное существительное посредством суффиксов -лга, -лта. Например: *адис абалга* 'получение благословления', *буян хурялга* 'накопление заслуг', *зула барилга* 'подношение лампадки', *хүнэнэ дуудалга* 'обряд призывания души', *тахил табилга* 'подношение даров' и др.

Однако в бурятском языке, в частности, в языке конкретных произведений, эти отглагольные сочетания встречаются значительно реже, чем глагольные. Например: *Энэ хөөрлэдөөнэй хүүлээр хара үнгэрөөд байхада, худа урагууд хадаг табихаяа буубад* 'Через месяц после этой встречи сваты прибыли проводить сватание' [2, Жимбиев Урасхал 1976]. *Мүнөөмнай бүһэ андалдаха, хадаг табиха үе саг*

болёо гээшэ ааб даа, — гээд, абяагүй болошобо ‘К сожалению, сейчас не те времена для обмена кушаками и сватания’ [2, Хамаев Шэнэ гэрэй хуури 1978]. Самбуу лама бурханайнь урда байһан томо голто соо дүүрэн шара тоһо хэжэ, зула бадарааха зуураа Жалма тээшэ түргэн эрьэжэ... ‘Самбуу лама налил полную чашку масла в светильник, и, зажигая его, быстро повернулся к Жалме...’ [2, Батожабай Төөригдэһэн хуби заяан 1965]. Эндэ сугларһан зон гурба мүргэһэнэйнгөө һүүлээр һубарилдан зогсоод, хамба ламаһаа адис абаха ёһотой юм ‘Собравшиеся люди, после трех раз поклонения, встают друг за другом, чтобы получить благословление у хамболы’ [2, Батожабай Төөригдэһэн хуби заяан 1965].

Отглагольные сочетания, образованные посредством суффикса – лга, например: хадаг табилга ‘сватание’, адис хуртэлгэ ‘удостаивание благословления’, һунажа мүргэлгэ ‘простираие’, тахил табилга ‘подношение даров’ һүнэһэ дуудалга ‘обряд призывания души’, и другие гораздо реже используются в устной речи, так и в письменной, потому как производят впечатление искусственности, и поэтому им предпочитают глагольные сочетания.

Таким образом, в словообразовании бурятского языка одним из распространенных способов образования составных сложных слов является сложение с атрибутивным и объектным отношением исходных слов. Подавляющее большинство составных сложных слов образуются сложением имени существительного в родительном падеже с существительным, имени существительного в винительном падеже с отглагольным существительным, а также встречается значительное количество номинативных сочетаний, состоящих из существительного и глагола.

Список литературы

1. Будажапова Л. Б. К проблеме сложносоставных слов в бурятском языке (на материале буддийской лексики // Вестн. БГУ. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2. С. 3–9.
2. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/interface_language=ru (дата обращения: 01.11.2018)
3. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1: А – Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2010. 636 с.
4. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2: О – Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2010. 708 с.
5. Наделяев В. М. Современный монгольский язык: морфология. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1988. 113с.
6. Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология. М., 1984. 120 с.
7. Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999. 273 х.
8. Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелоги, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

**Исследования языка баргутов (новых, старых)
Внутренней Монголии в контексте других монгольских
языков и диалектов Китая (XIX – первая половина XX в.)
в работах отечественных исследователей**

*Работа выполнена в рамках государственного задания
по проекту «Памятники письменности народов Внутренней Азии:
исследование, перевод и презентация»*

В статье рассматриваются классификации монгольских языков и диалектов Внутренней Монголии Китая в работах отечественных исследователей (XIX – первая половина XX в.), а также прослеживается степень изученности языка новых и старых баргутов.

Ключевые слова: новые, старые баргуты, монгольские языки, классификация, монголоеды, диалекты, Внутренняя Монголия КНР, баргу-бурятская общность, наречие, говор, исследования, монголоведение.

The article deals with the classification of Mongolian languages and dialects of Inner Mongolia of China in the works of domestic researchers (XIX – first half of XX century) and along with them, the level of knowledge of the language of new and old barguts is traced.

Keywords: New, old barguts, Mongolian languages, classification, mongologologists, dialects, Inner Mongolia, China, bargu-Buryat community, dialect, dialect, research, Mongolian studies.

На сегодняшний день монгольские языки в целом мало изучены и описаны в неполной мере, к сожалению, даже некоторая часть из них плохо освещена в науке, именно по этой причине степень изученности монгольских языков Китая в монголоведении до сих пор не теряет свою актуальность. Нужно подчеркнуть, что язык рассматриваемых нами групп баргутов (новых и старых) также требует полного и тщательного изучения.

Многие исследователи отмечают, что монгольские языки Китая сильно отличаются от остальных из-за многовековых и интенсивных контактов с тибетским, китайским или тюркскими языками, т.е. в их языке наблюдается большое количество заимствований, которые мы отдельно рассмотрим в своей дальнейшей работе.

Впервые изучением говоров и диалектов Восточной Монголии начал заниматься известный русский монголовед А. Д. Руднев. Автор в своем труде «Материалы по говорам Восточной Монголии», изданном в 1911 г. дает описание основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет-бэйсэ, горлосов и ару хорчин,

джасту, узумчинов, ордосцев, тумутов проживающих на окраине северо-восточной части Внутренней Монголии, а также материал по фольклору ордосцев и краткий словарь. Он делит монголов на 3 группы:

1) к восточным монголам примыкают южные (ордосцы, чахары, суниты, тумуты и др.); северо-восточные (халха: восточные, западные); юго-восточные: (хорчинский, харачинский и другие);

2) северные (добайкальские буряты, забайкальские буряты, баргу-буряты, дагуры);

3) западные (ойраты, торгуты, волжские калмыки, дербеты, олеты, хошуты, хойты). Ученый помимо трех групп отдельно выделяет четвертую группу, названную им как неопределенная, сюда включил донских, терских и др. калмыков.

При этом он упускает из вида основную часть монголов (часть хорчин, Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шилингольского, Улан-цабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии.

Автор, описывая восточных монголов, говорит, что «они все окитаены и забыли свой язык», однако при этом отмечает, что, «несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски» [15, с. 229].

Среди его работ для нас особый интерес представляет «Баргу-бурятская сказка, записанная Рудневым», изданная в 1902 г. в г. Иркутске в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества». Эта сказка о двух братьях Гончике и Гонгоре, которые, играя камнями, случайно убивают мать и, после изгнания из дома отцом, идут странствовать, по дороге встречаются разные персонажи. В произведении оба героя представлены положительными, несмотря на убийство матери. В заключение помогают избавиться от ханши, у которой после смерти хана, умирают новые мужья, воссевшие на престол, избличают ханшу при помощи шапки-невидимки и разговаривающей дверной задвижки Хайминчу в преступном сговоре с Лусуд-ханом. Сказка записана А. Д. Рудневым 20–8 сентября 1899 года недалеко от Габжи Ламын Сумэ (к югу от города Ганжур) со слов ламы Лобсана баргу-буряты, принадлежащего хошуну белого знамени (гул цаган). Текст дан без транскрипции, на старописьменном монгольском языке с авторским переводом на русский язык [3, с. 53–60].

Ученый Г. И. Рамстедт говорил, что язык восточных монголов богат наречиями, и поэтому из-за отсутствия существенных различий в языке они хорошо понимают друг друга. Автор относил внешних и внутренних монголов к восточным монголам, классифицирует путем деления их на три группы:

- 1) южномонгольскую (чахары, ордосцы, тумуты и др.);
- 2) северо-восточную (хорчины, оннюты, узумчины, а также горлосы и дурбут-бэйсэ, проживающие на границе Маньчжурии);
- 3) халхаское наречие [13, с. 6].

Невозможно обойти вниманием труды известного ученого-монголиста, бельгийского миссионера А. Мостарта, который с 1906 по 1925 г. в Китае изучил ордосский диалект монгольского языка и опубликовал следующие работы: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» [8–10]. А. Мостарт баргутов не изучал.

А. Д. Руднев говорил о том, что бурятским исследователем Ц. Ж. Жамцарано была проведена большая работа по сбору материала по восточным говорам, но не опубликована. Он писал, что «из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбен хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» [15, с. VI]

После А. Д. Руднева бурятский ученый Ц. Ж. Жамцарано в 1909–1910 гг. (за 13 месяцев) исследовал восточные говоры Внутренней Монголии Китая: чахар, халха, ордосцев, кешихтен, халхадурхан-бэйлэ, сунит, абага, удзумчин, баргутов, горлос. Он определяет три наречия:

- 1) чахарское (чахары, узумчины);
- 2) халхасское (халхасцы, суниты, абага, хучиты);
- 3) бурятское (барга-буряты).

Исследования по баргутам представлена в виде тетради №17 на 29 страницах (песенный материал), тетрадь №18 на 93 страницах (пословицы, 90 загадок, 2 рассказа). Ц. Ж. Жамцарано отмечает, что большинство ордосцев, тумэты Хух хото, ураты, дурбеты по интонации, манере говорения, а также по употреблению частиц близки к бурятскому наречию [7, с. 50]. На сегодняшний день работа Ц. Ж. Жамцарано хранится в ГАРБ в фонде 62, оп. I, ед. ХР №18, который состоит из «Материалов путешествия по Восточной и Южной Монголии в 1909–1910 гг.». Об этих материалах современники Ц. Жамцарано писали, что эти «единственные в своем роде материалы по художественному фольклору и диалектологии внутренних монголов представляют огромную научную ценность». Информационный отчет по этой поездке был опубликован в «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 2, СПб., 1913. [4, с. 73–74]

Новый подход к классификации монгольских наречий и говоров выдвинул выпускник факультета восточных языков Петербургского университета – Б. Я. Владимирцов. Ученый полагал, что общемонгольского языка не существует, а имеется несколько наречий и говоров. Он условно делил говоры на две ветви:

- 1) западную (ойратское наречие, наречие афганских моголов);
- 2) восточную (бурятское, баргу-бурятское, дагурское, южно-монгольское, халхаское).

В свою очередь, южномонгольское наречие представлено следующими говорами: восточным, харачинским, чахарским и ордосским. К восточной группе, по Б. Я. Владимирцову, примыкают говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (носители Джиримского и Джоудаского сеймов). Здесь, как А. Д. Руднев, он также видел в ней две подгруппы:

- 1) северо-восточную (говоры дурбут-бэйсэ, северных горлосов и джалайт);
- 2) юго-восточную (остальные говоры).

Говор монголов (харачинов и тумутов) Джостуского аймака определяет в харачинскую группу. Говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков относит к чахарской группе. В ордосскую группу им включены говоры Иехе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Узумчинский говор считается переходным к восточной группе. Про баргутский говор автор пишет, что из-за недостаточного исследования и отсутствия данных не имеет возможности судить о нем. Б. Я. Владимирцов определяет его, как особое наречие, занимающее посредствующее место между южно-бурятской группой с одной стороны и группой халхаских и южномонгольских говоров [5, с. 8–9].

Н. Н. Поппе в своей классификации монгольских языков выделяет две основные ветви:

- 1) восточномонгольская (дагурский, монгорский, восточномонгольский (по другому язык халха и диалекты Внутренней Монголии и бурятский (западное, восточное, селенгинское, баргу-бурятское);
- 2) западномонгольская (могольский, ойратский, калмыцкий языки).

К восточномонгольской ветви он относит все говоры Внутренней Монголии (халха, уланцаб, ордос, чахар, монголы Шилингольского аймака, харчин, джоуда (найман, ару хорчин, джарут, кешиктен, барин, аохан, чохор халха и оннют, хорчин, джалайт, дурбут и горло и т. д.), называя диалектами одного языка [12, с. 20–21].

По поводу баргутского говора мы обнаруживаем, что мнение Н. Н. Поппе совпадает со взглядом Б. Я. Владимирцова, ученый пи-

шет, что он является «с одной стороны, переходным от восточно-бурятского к халхаскому, а с другой примыкает к группе южно-монгольских наречий» [11, с. 18]. Он в своей работе, дальше не уточняя название и содержание работы о баргутах, пишет, что «сам он, находясь в Монголии, имел возможность изучать наречие баргу-бурят Хулун-Буирского округа, представителей которого он встретил в Монголии. Материалы 1929 г. остались по причинам финансового характера неопубликованными, несмотря на их большое значение» [11, с. 55].

На основе обширных экспедиционных материалов предложила новую классификацию Б. Х. Тодаева, разделяя язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия на три диалекта:

1) восточный (говоры: а) хорчинский (подговоры: джасагтуский, джалайт-дурбетский б) харчин-гуметский; в) ару-хорчин-баринский (подговоры: оннют-найманский, их мянганский);

2) центральный (говоры: а) чахарский (подговоры: хешиктенский), б) шилингольский);

3) южный: ордосский диалект

Она в комментариях пишет, что «баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки бурятам, проживающим в СССР» [18, с. 13]. Б. Х. Тодаева считает, что баргу-бурятский диалект состоит из 1) хучин-баргутского, 2) шинэ баргутского, 3) бурятского говоров [19, с. 22].

Классификация у Г. Д. Санжеева перекликается со взглядом А. Д. Руднева, он выделяет три основные ветви:

1) северную (бурятский, баргутский);

2) восточную или центральную (халха и ордосский);

3) западную (ойратские языки). Отдельную группу языков составляют дагурский, могольский и монгорский языки [16, с. 30–125].

Исследователь утверждает, что «в конце XII и начале XIII в. различные монгольские диалекты составляли известное единство, представляя племенные ответвления единого монгольского языка, на которых говорили разные группы монгольских родов и племен». Автор голословно, без указания на источники, анализирует записи ученых, зафиксировавших устную речь монголов в период завоевательных походов XIII-XIV вв. в Восточную Европу, Ближний, Средний Восток и Китай, что существовали диалекты единого монгольского языка, «различия между которыми были значительно меньшими, нежели те, какие существуют теперь между современными монгольскими языками». Санжеев Г. Д. утверждает, что с падением

империи Чингисхана распался единый язык монголов, диалекты которого еще не полностью сформировались и с XIV-XVII в. они (диалекты) оживая, положили начало образованию ряда самостоятельных монгольских языков [17, с. 5].

Известна фраза Санжеева Г. Д. что «бурятский язык в диалектном отношении является пестрым». Эхиритский и хоринский диалекты, являющимися частью бурятского языка он относит к северомонгольским племенным диалектам, существовавшим еще в XII-XIII вв. Той же участи подвергается изучаемый нами говор баргутов, «издавна обитающих на месте нынешнего их расселения в Северо-Восточном Китае, поскольку это касается так называемых хуучин барга 'старых баргутов', к которым впоследствии присоединились шинэ барга 'новые баргуты'. В территориальном отношении эхириты, хоринцы и баргуты были расселены таким образом, что они, в общем, мало были затронуты процессом различных межплеменных смешений, издавна занимая северо-восточные окраинные места монгольского и затем бурятского этнолингвистического мира. Родовой состав этих бурятских племен таков, что среди них не обнаруживаются иноплеменные элементы в сколько-нибудь заметной степени» [17, с. 51].

Известный ученый монголовед, наш учитель, проф. В. И. Рассадин впервые выдвинул гипотезу о существовании баргу-бурятской языковой общности [14, с. 173–176]. Проведенные специальные экспедиционные исследования сотрудников ИМБТ СО РАН языка баргутов, дагуров, шэнээнских бурят, проживающих во Внутренней Монголии КНР в сравнительно-сопоставительном рассмотрении их с языками бурят в полной подтверждают данную гипотезу.

Монография Э. В. Афанасьевой посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию связи языка старых баргутов с баргузинским, байкало-кударинским говорами, новых баргутов с хоринским говором бурятского языка. На языковом материале, добытом в ходе экспедиции, автор приходит к выводу о реальности существования баргу-бурятской языковой общности, которую в свое время определили ученые-монголоведы [1, с. 136].

Исследователь Л. Б. Бадмаева, в своей статье, посвященной баргу-бурятской языковой общности, подкрепляя лексическими примерами, пишет, что «языковой материал шэнэ-баргутов показывает, что их язык во многих отношениях стоит ближе к хоринскому диалекту бурятского языка» и утверждает о древних исторических связях баргутов и бурят на основе выявленных лексических параллелей в языке, общих элементов в их традиционной культуре и верований. Исследователь также предполагает, что «хуучин-баргуты и байкало-

кударинские буряты являются отдаленными потомками солонбаргутов, часть которых откочевала во Внутреннюю Монголию еще в начале XVII в., и в настоящее время обитает в Китае под именем «хуучин-баргуты» ‘старые баргуты’, а потомки оставшихся солонбаргутов присоединились к эхиритскому племени и ныне известны как «байкало-кударинские буряты» [2, с. 158, 161, 162].

Особый интерес представляет обширная статья И. А. Грунтова, О. М. Мазо, где авторы предлагают новую классификацию монгольских языков на основе лексических изоглосс в рамках 110-словного списка базисной лексики. «В этой классификации учитываются данные среднемонгольских памятников, монгольских языков Китая и Афганистана, а также целого ряда монгольских языков и диалектов, материалы которых были собраны авторами в ходе полевой работы в Монголии, Китае и России». Авторы 110-словный список базовой лексики для монгольских языков делят на три части:

- 1) свехустойчивая часть (55 слов);
- 2) устойчивая часть (27 слов);
- 3) неустойчивая часть (28 слов) [6, с. 212].

На основе этих данных исследователи вывели следующую уточненную классификацию:

- 1) северно-монгольские 1.1.1 хамниганский 1.1.2 бурятский 1.2.1 новобаргутский и старобаргутский 1.2.2 халха 1.2.3 олетьский 1.2.4.1 ордосский 1.2.4.2 ойратский и калмыцкий 1.2.5 хошутский;
- 2) дагурский;
- 3) «архаичные» языки 3.1. языки среднемонгольских памятников (ССМ, МА, ХЮ) 3.2 могольский 3.4 баоаньская подгруппа 3.4.1. баоаньский 3.4.2 дунсянский 3.4.3 шира-югурский 3.4.4.1 минхэ 3.4.4.1.1 хуцзу 3.4.4.1.2 канцзя.

Далее авторы пишут, что «не имеют расхождений в стословнике и по лексическим критериям должны считаться диалектами одного языка:

- а) новобаргутский и старобаргутский;
- б) калмыцкий и синцзян-ойратский;
- в) языки среднемонгольских памятников»

Они отмечают, что бурятско-хамниганская ветвь, относящаяся к северной группе, отличается от халхаско-ойратско-ордосской. «Два баргутских диалекта находятся в промежуточном состоянии, показывая специфические изоглоссы, связывающие их как с бурятско-хамниганской подгруппой, так и с ойратско-халхаской» [6, с. 214].

Таким образом, соглашаясь с классификациями Н. Н. Поппе [1933], Б. Я. Владимирцова [1929], И. А. Грунтова, О. Мазо [2015],

мы предполагаем, что языки новых и старых баргутов являются диалектами бурятского языка, которую в свое время В. И. Рассадин назвал «баргу-бурятской языковой общностью» [1989], и которые, с одной стороны, являются переходными от восточно-бурятского к халхаскому, а с другой примыкают к группе южно-монгольских наречий.

Список литературы

1. Афанасьева Э. В. Исторические связи бурятского и баргутского языков. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 136 с.
2. Бадмаева Л. Б. О баргу-бурятской языковой общности // Сибирский филологический журнал. Языкознание. 2012. С. 158, 161, 162.
3. «Баргу-бурятская сказка, записанная Рудневым» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1900. Т. 3, вып. 2–3. С. 53–60.
4. Бураев И. Д. Архивные материалы по бурятским диалектам. // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири. Улан-Удэ, 2004. С. 73–74.
5. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. С. 8–9.
6. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. Языкознание. 2015. С. 205–255.
7. Жамцарано Ц. Ж. Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. СПб.: 1913. 50 с.
8. Mostaert A. Textes oraux ordos, recueillis et publiés avec introduction, notes morphologiques, commentaries et glossaire. Pei'ping, H. Vetch, 1937.
9. Mostaert A. Folklore ordos. Peking, Catholic University, 1947.
10. Mostaert A. Dictionnaire ordos. New York, London, 1968.
11. Поппе Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. Л. : Акад. наук СССР. Ин-т культуры БМАССР, 1933 (тип. Акад. наук СССР). 18, 55 с.
12. Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 20, 21 с.
13. Рамstedт Г. И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб. 1908. 6 с.
14. Рассадин В. И. Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. Улан-Удэ, 1989. С. 173–176.
15. Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911. VI с, 229 с.
16. Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты. Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. IV, 1952. 5, 51 с.
17. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерки диалектов. М. : Наука, 1985. 13 с.
18. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 22 с.

Глаголы устойчивого словарного фонда монгольских языков

В статье выявлены глаголы устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list). Фонд представлен в виде глоссария и не является реконструкцией. Глаголы представлены из общемонгольского (Common Mongolic) списка М. Эрдала, из работ А. М. Щербака, Дж. Клосона и А. В. Дыбо. В дальнейшем необходимо продолжить исследование и попытаться установить распределение глаголов устойчивого словарного фонда в монгольских языках в целях установления соотношения последних.

Ключевые слова: монгольские языки, глаголы, устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list).

The article reveals the verbs of the Leipzig-Jakarta list. The fund is presented in the form of a glossary and is not a reconstruction. Verbs are presented from the Common Mongolic list of M. Erdal, from the works of A.M. Scherbak, G. Clauson and A.V. Dybo. In the future, it is necessary to continue research in this direction and to establish the verbs of the Mongolian languages in order to reveal their relationship.

Keywords: Mongolian languages, verbs, the Leipzig-Jakarta list.

Существуют различные классификации монгольских языков [10, с. 23; 5, с. 10].

Н. С. Яхонтова выделяет три группы монгольских языков: 1) монгольский, бурятский, калмыцкий, ойратский; 2) дунсянский, монгорский, баоаньский, язык шира югуров; 3) могольский. Дагурский стоит ближе к первой группе, но обладает признаками второй. Лингвист распределяет монгольские языки на основе учета фонетических признаков: сохранение или исчезновение начального спиранта *φ*- (> *x*, *h*), полного или частичного соблюдения сингармонизма или его отсутствия и перелома или сохранения гласного **i* в первом слого.

Н. Н. Поппе распределяет монгольские языки на две группы: 1) восточная монгольская ветвь: дагурский, монгорский, восточно монгольский (монгольский), бурятский; 2) западная монгольская ветвь: могольский, ойратский, калмыцкий. Филолог выделяет три периода в развитии монгольских языков: древнемонгольский или общемонгольский, до XII века; среднемонгольский, который вероятно продолжался до XVI века; современный, начинающийся с XVI века; в каждом периоде выделяются свои фонетические особенности [10, с. 15–16].

Для установления действительного соотношения монгольских языков, на мой взгляд, необходимо обратиться к изучению устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list).

Устойчивый словарный фонд это инструмент, состоящий из списка 100 наиболее устойчивых к заимствованию слов, используемый в целях установления соотношения языков мира по такому признаку, как схожесть (resp. расхождение). Устойчивый словарный фонд был выделен лингвистами на основе изучения 41 языка мира в рамках проекта «Типология заимствования» (The Loanword Typology Project) [8].

100-словный устойчивый словарный фонд выявлен из 18 тематических групп: 1) the physical world/физический мир, 2) kinship/родство, 3) animals/животный мир, 4) the body/части тела, 5) food and drink/еда и питье, 7) the house/дом, 8) agriculture and vegetation/с/х и растительность, 9) basic actions and technology/ основные действия и технология, 10) motion/движение, 11) possession/обладание, 12) spatial relations/пространственные отношения, 13) quantity/количество, 14) time/время, 15) sense perception/чувственное восприятие, 16) emotions and values/эмоции и ценности, 17) cognition/познание, 18) speech and language/язык и речь, 24) miscellaneous function words / различные функциональные слова.

Как пишут авторы в книге «Loanwords in the World's languages», при создании этого списка слова выделялись по критериям: устойчивость к заимствованию (unborrowed score), всеобщность (representation score), доступность для восприятия (simplicity score), степень архаичности (age score), совокупность указанных данных (composite score) [8, с. 68].

В целом этот список из ста слов представлен в виде таблицы с учетом указанных критериев [8, с. 69–70].

Методика определения классификационного статуса в языках, которые относятся к смешанному типу, применялась мной в отношении чулымского языка, рассматриваемый как уральский кыпчакский язык, а не смешанный [9]. Целесообразно распространение данной методики в исследовании происхождения и эволюции различных языковых идиом.

Далее, интерес представляет изучение глаголов. Обращение к глаголам предопределено тем, что они заимствуются редко [3, с. 169]. В этой связи глаголы представляют интерес для изучения соотношения языков.

К монгольским языкам относятся: среднемонгольский (XIII век), монгольский письменный, баоаньский, бурятский, дагурский, дунсянский, калмыцкий, могольский, монгольский, монгорский, ойратский, шира югурский языки. По-видимому, до XII века монгольских письменных памятников не было вообще [4, с. 13].

Н. Н. Поппе предпринял попытку реконструкции фонетики монгольских языков [10]. Ученый восстанавливает как односложные корни: **qo* ‘два’, **ʒi* ‘два’, **ʒu* ‘три’, **dal* ‘семь’ [10, сс. 243, 244, 245, 246], так и многосложные: **niken* ‘один’, **podun* ‘звезда’, **pulayan* ‘красный’ и т.д. [10, сс. 97, 145].

Что касается монгольской прародины, то, на мой взгляд, прав Дж. Клосон, который локализует монгольскую прародину в восточно-сибирской тайге и Маньчжурии в бронзовом веке [6, с. 10, 246].

В статье сделана попытка выявления глаголов устойчивого словарного фонда монгольских языков относящегося к XII веку в Монголии. Представлен монгольский глоссарий, который не является реконструкцией. Данная идея была представлена А. М. Щербаком в изучении тюркско-монгольских языковых связей [4, с. 65]. Также представлены монгольские глаголы из списка М. Эрдала, который был назван автором общемонгольским (Common Mongolic) [7]. Кроме того, в работе использованы материалы из работ Дж. Клосона и А. В. Дыбо [2; 1].

Перед презентацией исследования следует указать, что цифра 7 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; ‘to bite’ – значением пункта на английском языке; ‘кусать’ – значением слова на русском языке; 4.58 – идентификационным номером списка из тематической базы данных «World loan word», которая доступна по адресу [<http://wold.clld.org/meaning>]; *ʒayu-* – форма монгольского глагола.

Подача материала устойчивого словарного фонда осуществляется согласно английского алфавита.

7. ‘to bite’, ‘кусать’, 4.58, *ʒayu-*, также имеется синоним *qaʒa-* [2, с. 34, № 82; 4, с. 76; 7, №46; 1, с. 162].

11 ‘to blow (intransitive)’, ‘The wind is blowing hard (здесь и далее представлен авторский английский контекст [<http://wold.clld.org/meaning>], раскрывающий значение глагола)’, ‘дуть (о ветре)’, 10.38, *hüile-* ~ *hülie-* ‘дуть’ [7, №79], также имеется словоформа *salkila-* ‘дуть (о ветре)’.

В монгольских языках представлены глаголы: м.-п. *ülije-* ‘дуть’, бур. *үлэхэ* ‘дуть’, калм. *үлэх* ‘дуть’, монг. *үлээх* ‘дуть’. Монгольская форма возможно обнаруживается в каракалпакском языке в виде заимствования: *hüöleö* ‘дуть (о ветре)’.

Другой монгольский глагол обнаруживается в виде форм: м.-п. *salkila-* ‘дуть (о ветре)’, монг. *салхилах* ‘дуть (о ветре)’, калм. *sälkilxö* ‘дуть (о ветре)’ < мо. *salkin* ‘ветер’ > як. *салгын* ‘ветерок’, ‘воздух’ > як. *салгый-* ‘веять, дуть’. Монгольский глагол *salkila-* ‘дуть (о ветре)’

возник путём присоединения аффикса *la-* к основе *salkin* ‘ветер’. Производный монгольский глагол *salkila-* ‘дуть (о ветре)’ проник в якутский язык в виде словоформы *салгылаа-* ‘поветриваться’.

14 ‘to burn (intransitive)’, ‘be on fire, be consumed by fire. Our house is burning! Call the fire fighters!’, ‘гореть’, 1.852, *suta-* [7, №53] или *sita-* [4, с. 87].

15 ‘to carry’, ‘She carried her baby home’, ‘нести’, 10.61, *jöe-* [7, №70] или *jöge-* [4, с. 77].

17. ‘to come’ ‘приходить’ 10.48, *ire-* [4, с. 75; 2, с. 34, № 84; 7, № 11].

18 ‘to crush/to grind’, ‘press [grain] in order to break it into very small pieces or powder’, ‘давить; дробить/ молотъ’ 5.56 *hürü-* ‘тереть руками, растереть’ [7, № 100], имеется и другой глагол *nüde-* ‘толочь, измельчать’ [4, с. 82].

19 ‘to cry/to weep’, ‘плакать’, 16.37, *uyula-* (*kaila-* более общее значение) ‘плакать’ [7, № 87], *ujila-* ‘плакать’ [4, с. 89], ср. як. *ыҕылаа-* ‘визжать (о собаке, лошади)’, ‘выть’ < як. *ыҕы, ыҕыы* ‘визжание собаки или лошади’ < як. *ыый* междометие подражательное плачу, ср. тел., кирг. *ыйла-* ‘плакать’.

20. ‘to do/to make’, ‘делать’ 9.11 *ki-* [4, с. 77; 7, № 25] и *žasa-* [4, с. 76].

22. ‘to drink’, ‘пить’, 5.13 *уҕу-* ‘пить’ [2, с. 34, № 86; 4, с. 89; 7, №42].

24 ‘to eat’, ‘есть’, 5.11, *ide-* [2, с. 34, № 87; 4, с. 75; 7, №75].

27 ‘to fall’, ‘The ripe coconut fell on the ground’, ‘падать’, 10.23, *уна-* [7, №81; 4, с. 89].

33. ‘to give’, ‘давать’, 11.21 *оҕу-* ‘давать’ [2, с. 34, № 98; 4, с. 83; 7, №53].

34 ‘to go’, ‘Sometimes I go to school by car, sometimes on foot’, ‘идти, ходить’, 10.47, *yabu-, eči-, ile-* [7, №3]; *od-, jabu-* [4, сс. 75, 82].

39 ‘to hear’, ‘I heard the sound of rain splashing on the window’, ‘слышать’, 15.41, *sonos-* [2, с. 34, № 90; 7, №53]; *sonus-* [4, с. 87].

Кроме указанного глагола в монгольских языках имеется и глагол *duyul-* ‘слушать’, ‘слышать’: м.-п. *duyul-* ‘слушать’, ‘слушать’, монг. *дуулах* ‘внять’, ‘узнавать, слышать, слушать’, бур. *дуулаха* ‘слушать; слышать’, калм. *dūlxəxə* ‘слушать’, ‘сообщать’.

41 ‘to hide’, ‘conceal’ (transitive), ‘Hide your money here, so no one can find it’, ‘прятать’, 12.27, *ниу-* ‘прятать’ [7, №67]; *ниҕу-* [4, с. 81].

42 ‘to hit/to beat’, ‘ударять, бить’, 9.21 *högi-* [7, №36]; *čoki-, ded-* [4, сс. 70, 71].

М.-п. *čoki-* ‘ударять, бить’, монг. *цохих* ‘бить, ударять’, калм. *tsokxv* ‘бить’, бур. *сохихо* ‘бить, ударять’ является тюркизмом, ср. др.-тюрк. *čoq-* ‘бить, забивать’, *soq-* ‘бить, ударять’. Примечательно, что из монгольских языков указанный глагол был обратно заимствован тюркскими языками, ср. як. *чокуй-* ‘бить, побить’.

48 ‘to know’, ‘знать’, 17.17, *mede-* ‘знать’ [2, с. 35, № 92; 4, с. 79; 7, №58].

49 ‘to laugh’, ‘смеяться’, 16.25, *hinie-* [7, №61]; *inege-*, *sinege-* [4, сс. 75, 86].

Монгольский глагол *inege-* ‘смеяться’ был заимствован тунгусо-маньчжурами: эвенк. *ин'э-*, ма. *инžэ-* ‘смеяться’.

69 ‘to run (intransitive)’, ‘They ran all the way to school’, ‘бежать’, 10.46, *güi-*; *haul-* (о животных) [7, № 81]; *güji-* [4, с. 75].

72 ‘to say’, ‘She said she'd be late’, ‘говорить’, 18.22, *kee-* (WM *keme-*) [7, № 28]; *ke'e-*, *ügele-*, *kelele-* [2, с. 35, № 94] и *ge-*, *kele-* [4, с. 74, 77].

73. ‘to see’ ‘видеть’, 15.51 *üže-* ‘видеть’ [2, с. 35, № 95; 4, с. 90; 7, № 89].

79. ‘to stand’, ‘стоять’, 12.15, *žoyso-*, *baj-* [2, с. 35, № 98; 4, с. 77; 7, № 45].

82 ‘to suck’, ‘сосать’, 5.16, *köke-* (*simi-*); *sora-* (глагол не относится к доклассическому периоду) [7, №67], *sime-* [4, с. 86].

Монгольский глагол *sora-* ‘сосать’ является тюркизмом, ср. др.-тюрк. *sor-* ‘сосать, высасывать’.

85 ‘to take’, ‘брать’, 11.13, *ab-* [7, №71], *abu-* [4, с. 66].

89 ‘to tie’, ‘He tied his dog to a tree’, ‘связать’, 9.16, *küli-*, *huya-*, *jaᅅgid-* / *jaᅅgıla-*, *čugla-* [7, №88], *uja-* [4, с. 89].

В статье выявлены глаголы устойчивого словарного фонда монгольских языков.

Особенностью фонда является наличие синонимии. Её происхождение связано с морфологическими процессами и процессами заимствования. В последнем случае установлены факты заимствования монголами тюркских глаголов, а также обнаружено влияние монгольских языков на тюркские и тунгусо-маньчжурские.

В дальнейшем необходимо продолжить исследование и попытаться установить распределение глаголов устойчивого словарного фонда в монгольских языках в целях установления соотношения последних.

Список литературы

1. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (доп.). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, Prosper Print, 2013. 616 с.
2. Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. Вопросы языкознания, 1969, №5. Стр. 22–41.
3. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. Ответственный редактор Л. А. Покровская. СПб, Наука, 1994. 192 с.
4. Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
5. Яхонтова Н.С. Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М. : Индрик, 1997. 408 с.
6. Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1962. 261 p.
7. Erdal, M. The Turkic-Mongolic relationship in view of the Leipzig-Jakarta list. In: Novgorodov, I. (eds.) Unpublished Proceedings of 2016 International Symposium “The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages as a source of the interdisciplinary comprehensive studies” (2016)
8. Loanwords in the world’s languages: a comparative handbook / ed. by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Walter de Gruyter GmbH & Co. Berlin. 2009. 1081 p.
9. Novgorodov I., Gadzhiakhmedov N., Ketenchiev M., Kropotova N., Lemskaya V. Chulym Turkic is a Uralian Kipchak language according to the Leipzig – Jakarta list. In: Zhanna Anikina (ed.). Proceedings of the 2nd international conference Going Global through Social Sciences and Humanities, held in Tomsk, Russia, 27–28 February 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, Springer Nature Switzerland AG, 2019, vol. 907, p. 411–419.
10. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalais-Ugtiläinen Seura, 1955. 300 p.

Сокращения

- бур. – бурятский язык
др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской письменности
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
ма. – маньчжурский язык
мо. – монгольская языковая семья
м.-п. – монгольский письменный язык
монг. – монгольский язык
тел. – телеутский язык
эвенк. – эвенкийский язык
як. – якутский язык

К вопросу отражения монгольской культуры во фразеологии

Статья посвящена исследованию монгольских фразеологизмов и отражению во фразеологии национальной культуры. Актуальность темы определяется ее недостаточной изученностью.

Ключевые слова: фразеологизм, язык и культура, значение слова, этническая культура.

Language is not only communication instrument but it is a main device to deliver cultural information, to create national culture and to express that. Idioms are unique part that has been created for many centuries and characterized by the life, the environment, the customs, the culture and the minds of the people. As the unique phrase (idioms) reflects on the life and culture of the people, it is not easy to translate it to the other language directly, so it tends to be translated by corresponding the meaning.

Keywords: idioms, culture, language, ethnic culture.

Хэл соёлын харилцааны асуудлыг Э. Сепир (E. Sapir, 1884–1939), Л. Уорф (E. LWhorf, 1897–1941) нар хэлшинжлэлийн харьцангуй онолынхоо хүрээнд боловсруулсан бөгөөд энэ тухайд “Хэл бол оюуны агуу үйлийн үр дүнд болохын хувьд ард түмний соёлыг тодорхойлдог, хэл нь соёл, өөрөөр хэлбэл тухайн ард түмний амьдрал ахуйн хэв маяг, дадал заншил, үзэл бодлын үеэс үед дамжих нийгмийн цогцоос гадна байх боломжгүй хэмээжээ. Английн эрт судлаач Б. Е. Тайлор (Edward Burnett Tylor, 1832- 1917)” Хэл бол харилцааны тэмдгийн тогтолцоо, хүн төрөлхтөний сэтгэхүйн хувьсал, хөгжил, агуулга, цар хүрээ, тодорхой соёл, хэлт үндэстэн угсаатны сэтгэлгээний онцлог, ертөнцийг үзэх үзэл, түүнийг таньсан байдлынх нь тусгал юм” (Ж. Баянсан, Соёл, хэл, үндэсний сэтгэлгээ, 2000) хэмээсэн байна. Тэгэхээр хэл нь соёлын тусгал, мэдээллийг дамжуулагч болж буй хэлний олон үзэгдэл, судлагдахууны нэг хэсэг нь өвөрмөц хэллэг, хэлц зайлшгүй мөн юм. Энэ тухайд Монгол хэлний их тайлбар толиноо “Бусдаас ялгагдах өөр, онцгой шинж чанар бүхий тусгай, энгийн бус, өвөрмөц хэллэг бий” хэмээгээд утга салаа үг гэжээ. Харин академич Ц. Дамдинсүрэн, А. Лувсандэндэв нарын зохиосон тольд өвөрмөц хэллэгийг “өөр хэлэнд үгчлэн орчуулж болохгүй хэллэг” гэжээ. Олон улс орон өөрийн хэлцээр баялаг байдгийн адил Монгол хэлний тухайд хэлцээр маш баялаг бөгөөд Монгол хэлний хэлц үгийн бүтэц, утга, үүрэг, хэрэглээний талаар нилээдгүй бүтээлүүд хэвлэгдэн гадаад хүн монгол хэл, соёл

судлах, суралцахад ашиглагдаж байна. Судлаач Аким” Өвөрмөц хэлц гэдэг бол гагцхүү тухайн үндэстний хэлэн дэх бүрэлдүүлсэн үгийн нь утга алдагдаад нэгэн нэгдмэл эрга гаргах болсон тогтвортой нийлэмж үг юм. [Аким, 1999; 3], эрдэмтэн М. Базаррагчаа «Хоёр буюу түүнээс дээш үгс нийлж өвөрмөц утга илтгэнэ» [Базаррагчаа 2000:14] гэсэн бол профессор Ж. Баянсан “идиом үүсэхдээ хэлний үгийн сангийн бэлэн нэгж, түүнийг холбож, нийлмэл дохио үүсгэх хэлзүйн бэлэн загварыг ашигладаг ч гэсэн дүр дүрслэлийг сэдэлийн үндэс болгодгоороо өвөрмөц ажээ.” [Ж. Баянсан, 2004; 76] гэж бичжээ. Хэл бол үндэстний соёлыг баталгаажуулан хуримтлуулах, дамжуулах, мэдээлэн үлдээх үүрэгтэй ба Монгол хэлний өвөрмөц хэллэг нь нүүдэлчдийн сэтгэлгээний өвөрмөц хэв шинж, тэдгээрийн уламжлалт соёл, зан үйлээс үүдэлтэй байх нь зайлшгүй юм. Хэлээр дамжуулан соёлоо сурч эзэмшин хөгжүүлж, өөрчилж, хойч үедээ дамжигдан ирсээр байдаг.иймд хэл бол соёлын оршин тогтнох, ертөнцийг хэрхэн үзэж, яаж ойлгосон, харилцаанд яаж илэрч байдгийг хэлнийх нь баримтаас харагддаг. Үүнд хэлний бүтэц хэсэг өвөрмөц хэллэг соёлоо илэрхийлсэн томоохон илэрхийлэл болдог байна. Монголын олон эрдэмтэн судлаачид өвөрмөц хэлцийн талаар түүний утга, үүрэг, үүсэл, хэрэглээ талаас нь олон судалгаа хийсний нэг нь Чой. Лувсанжавын “Орос-Монгол өвөрмөц хэллэгийн толь” 1970 он бүтээлдээ монгол хэлний өвөрмөц хэллэгийг Орос хэлнээ утга дүйцүүлэн орчуулж хийснээс харахад нүүдэлчин монгол түмний ахуй, соёлын тод илэрхийлэл болж буй талаас нь судлах нь ач холбогдол их байна.

Өвөрмөц хэлцийг хэл зүй, утга зүй, үгийн сан, орчуулга судлалын үүднээс судалсан гадаад, дотоодын олон эрдэмтдийн судалгааны арвин баян туршлага хуримтлагдсан. Харин тэдгээртэй харьцуулахад өвөрмөц хэлц үүсэх хүчин зүйл, өвөрмөц хэлцийн орчуулгын асуудлыг үндэсний соёлын тусгал болох талаас нь нарийвчлан үзсэн нь хангалттай биш байгаа юм гэж эрдэмтэн судлаачид цөөнгүй тэмдэглэгсэн байна.

Ер нь хэлний тогтвортой нийлэмжийн судалгаанд швейцарийн эрдэмтэн Ш. Балли (Ch. Bally), оросын эрдэмтэн В. В. Виноградов нар онцгой хувь нэмэр оруулснаас гадна К. Бругманн (K. Brugmann), Г. Пауль (H. Paul), Ш. Сеше (A. Sechehaye), О. Есперсен (O. Jespersen), И. А. Бодуэн Де Куртенэ (Baudouin de Courtenay), А. А. Потенбя, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов нарын бүтээл чухал байр суурь эзэлдэг бөгөөд тэдний оруулсан хувь нэмэр их. Оросын эрдэмтэн В. В. Виноградовын “Хэл шинжлэлийн салбар

ухаан болох хэлц судлалын үндсэн ойлголтууд” (Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины), “Орос хэлний хэлцийн үндсэн төрлүүд” (“Об основных типах фразеологических единиц в русском языке”) зэрэг бүтээл 1940, 1950-аад оны үед гарч хэлц судлал хэл шинжлэлийн бие даасан салбар болж хөгжихөд чухал үүрэг гүйцэтгэсэн. В. В. Виноградов хэлцийн бүрдүүлбэрүүдийн хоорондын холбоо хамаарлыг тогтоож, “фразеологические сочетания (нийлэмж хэлц), фразеологические единства (нэгдмэл хэлц), фразеологические сращения (холимог хэлц) гэсэн гурван бүлэгт хуваасан бөгөөд энэ ангиллыг монгол хэлний хэлц судлалд баримталж ирсэн тухай Д. Дашдаваа дурдсан байдаг (Дашдаваа Д. 1974, х. 57).

В. В. Виноградов хэлц судлалын салбарын үндсэн суурийг тавьсны дараах Өвөрмөц хэлц судлалын хурдацтай хөгжлийн шатанд судалгааны хэрэглэгдэхүүн нь зөвхөн орос хэл байсангүй, хуучнаар ЗХУ-ын олон үндэстний төрөл бүрийн хэв шинжтэй хэл, бусад хэлний баримтууд байлаа. Зөвлөлт, оросын хэл шинжээчид өвөрмөц хэлцийн тухай судалгаа хийхдээ монгол хэлний хэлцийг ч мөн судалсан. Тухайлбал Т. А. Бертагаев, Г. Д. Санжеев, Г. Ц. Пюрбеев, Ц. Б. Будаев, Ш-Н. Р. Цыденжапов зэрэг эрдэмтэд монгол хэлний өвөрмөц хэлцийн судалгааны бүтээлүүд бичсэн.

Б. Ринчен 1950 онд “Шинжлэх ухаан” сэтгүүл (№2)-д хэвлүүлсэн “Үгийн утга учир” эрдэм шинжилгээний өгүүлэлдээ монгол хэлний өвөрмөц хэлцийн асуудлыг гаргаж тавьсан. Өвөрмөц хэлц үндэсний соёлын тусгал болох тухай, мөн өвөрмөц хэлц үүсэх хүчин зүйл, өвөрмөц хэлцэд илрэх үндэсний соёлын бүрдүүлбэр талаар өгүүлж, өвөрмөц хэлцийн соёлын бүрдүүлбэрийг Монголчуудын ахуйн талаас нь хэрэглэгдэж буй хэлцийн түүвэр хийж, Орос хэл рүү утга дүйн орчуулга хийсэн бүтээл нь аливаа хэлний өвөрмөц хэлц шууд орчуулга хийгдэхгүйг батлан хийсэн бүтээл болж, олны хүртээл болгосон бүтээлүүдийг нэг нь Чой. Лувсанжавын “Орос-монгол өвөрмөц хэлцийн толь” бүтээл юм.

Аливаа хэлний өвөрмөц хэлцийн жишээгээр баримтжуулж “бурхадын судраас гаралтай байх юм хэмээсэн байхад, нийгэм түүх, ёс заншилтай холбоотой”, “хүн, түүний аж амьдралтай холбоотой”, “байгаль дэлхийн юм үзэгдэлтэй холбоотой” гэсэн гурван үндсэн хүрээнд судалсан бүтээл байх хэмээн Солонгос өвөрмөц хэлтэй харьцуулан судалгаа хийсэн судлаач Мөнхжаргал Т. (2012) дурьджээ. Үүнээс харахад “Үндэсний онцлогтой өвөрмөц хэлцийн орчуулга”д өвөрмөц хэлцийн орчуулгын онцлог, тавигдах шаардлага, орчуулгын аргын тухай тоймлон оруулж, орос хэлнээс

МОНГОЛ ХЭЛЭНД ОРЧУУЛСАН ЗАРИМ ЗОХИОЛЫН ӨВӨРМӨЦ ХЭЛЦИЙН ОРЧУУЛГАД ДҮН ШИНЖИЛГЭЭ ХИЙЖ, ОНОВЧТОЙ ОРЧУУЛАХ АРГА ЗАМ, БОЛОМЖИЙГ ТОДОРХОЙЛОХ ОРОЛДЛОГО ХИЙСЭЭР ИРСЭН НЬ УЛС, ҮНДЭСТНИЙ АХУЙ СОЁЛЫГ ТЭЭСЭН ӨВӨРМӨЦ ХЭЛЦ НЬ ШУУД БУС УТГАЧЛАН ОРЧУУЛАГДСААР ОЛНЫ ХҮРТЭЭЛ БОЛСООР БАЙНА.

Список литературы

1. Аким Г. Монгол өвөрмөц хэлцийн тайлбар толь, 1999 он.
2. Баянсан Ж. Тогтвортой хэллэгийн утгын когнитив шинж, Монгол судлал // МУИС-ийн МХСС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. № 23. Х. 23–31.
3. Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний хэвшмэл хэллэг дэх хэлц үгийн бүтэц, утга, хэрэглээ // Proceeding of Second International Conference “Past and Present of the Mongolic People”, Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Agrica, TUFS, pp. 369–372.
4. Чой Лувсанжав. Орос-Монгол өвөрмөц хэллэгийн толь, 1970 он, Улаанбаатар хот.
5. Мөнхжаргал Т. Солонгос хэлний өвөрмөц хэлцийг хэл, соёлын шүтэлцээнд судлах нь // ШУТИС-ийн Эрдэм шинжилгээний бичиг. Х. 12
6. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

УДК 811.512

Л. Э. Рупышева

Россия, Улан-Удэ

Наименования растений в традиционной пище бурят

Цель данной статьи заключается в изучении наименований растений, использующихся в традиционной пище бурят. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: систематизировать все зафиксированные в языке варианты наименований растений, связанных с традиционной пищей бурят и выявить особенности их репрезентации. Была произведена выборка бурятских наименований, относящихся к данной группе лексики. В результате анализа было зафиксировано 82 бурятских названия, что легло в основу сводной таблицы. В ней представлены научные названия растений на русском, латинском и бурятском языках, используемые части растений в пище.

Ключевые слова: бурятский язык, наименования растений, репрезентация, традиционная пища, традиционное хозяйство.

The purpose of this article is to study the names of plants used in the traditional food of Buryats. To achieve this goal, the following tasks were identified: to systematize all variants of plant names fixed in the language, associated with traditional food of Buryats and to identify the features of their representation. A selection of Buryat items related to this group of vocabulary was made. As a result of the analysis, 82 Buryat names were recorded, which formed the basis of the summary table. It presents the scientific names of plants in Russian, Latin and Buryat languages, used parts of plants in food.

Keywords: Buryat language, names of plants, representation, traditional activity, traditional food.

Цель данной статьи заключается в изучении наименований растений, используемых в традиционной пище бурят. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: систематизировать все зафиксированные в языке варианты наименований растений, связанных с традиционной пищей бурят и выявить особенности их репрезентации. Фактический материал был извлечен из различных источников: словарей, научной литературы, художественных произведений. Была произведена выборка бурятских наименований, относящихся к данной группе лексики. В результате анализа было зафиксировано 82 бурятских названия, что легло в основу сводной таблицы. В ней представлены научные названия растений на русском, латинском и бурятском языках, используемые части растений в пище. Не имея возможности в силу ограниченного объема статьи остановиться на анализе всего зафиксированного нами материала, прокомментируем отдельные исторические факты использования растений, заслуживающие, как нам представляется, внимания.

Собирательство имело важное значение в жизни кочевников с древности.

Человек постоянно использовал «дары природы»: некоторые растения, злаки, грибы, плоды, ягоды и корни, которые являлись дополнительным источником пропитания.

Особенно появлялась необходимость в восполнении организма человека белками и углеводами в период истощения зимних запасов.

Так, в «Сокровенном сказании монголов» приводятся названия некоторых съедобных растений, раскрывающие важную роль собирательства в жизни монголоязычных народов и характеризующие юношеские годы Чингисхана: «Вдова Оэлун-учжин после гибели мужа, покинутая своим народом, выкручивалась как могла, чтобы прокормить малых детишек и собирала растения в степи: «Мудрой женой родилась Оэлун. / Малых детей своих вот как растила: / Буденную шапочку покрепче приладит, / Поясом платье повыше подберет, / По Онон-реке вниз и вверх пробежит, / По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет / и день и ночь своих деток пестует.» / «С лыковым лукошком в степь уйдет, / на варево деткам корней накопает, корней судун да корней кичигана.» / Черемухой да луком вскормленные / доросли до ханского величия. / Корнем чжаухасуна вспоенные / праведной матери дети / стали правосудными и мудрыми. / Голым чесноком у матери вскормлены / поднялись отважными сынами, / вознеслись высокими сайдами-сановниками, / из всех выдались мужеством и отвагою» [1, с. 89]. Исследователи Ю. И. Дробышев и С.-Х. Д. Сыртыпова указывают на дополнительный харак-

тер собирательства и искусство ведения хозяйства матерью будущего правителя, подчеркивают бедность семьи без отца и скудость питания, преодолеваемые исключительными качествами Оэлуна [2, с. 95].

Собирательством занимались не только женщины и дети, но и герои эпических произведений: «Абай Гэсэр-хан / вещего гнедого коня / в кремень обратил / и в карман положил, / сам стариком-странником стал, / идет, выкапывая разную сарану / своим черным острым копьём, / и питается ею» [3, с. 142–143].

Подтверждением тому, что в древности народы занимались собирательством, является найденный артефакт – примитивная копалка для выкапывания кореньев, которая впоследствии изготавливалась с уступом для нажима ногой (*гасана / гахана или гадахан*) [4, с. 62].

Некоторые части растения, такие как корни горлеца живородящего, луковицы сараны, семена проса и конопли люди собирали, разоряя мышинные норы, что в какой-то степени упрощал сбор, но тем не менее, требовались знания поведения животных.

В бурятских сказаниях мышь представляется не как жертва людского насилия, а как чудесная спасительница. Она как бы исполняет миссию, накормить людей. При этом она радуется, тому что люди пользуются ее кладовыми: ее труд не пропал даром или наоборот, печалится, если ее запасов никто не находит.

Повсеместно буряты употребляли и употребляют в пищу луковицы лилии (сараны), горного и полевого лука, дикий чеснок, дикий тмин, ревень.

Некоторые растения, такие как дикий полевой лук, дикий чеснок, позже черемшу сушили для использования в качестве заправки супа зимой, другие – луковицы сараны, гусиной лапчатки – применялись для приготовления разных блюд, их варили и тушили с молочными продуктами.

Как отмечает А. А. Бадмаев [5, с. 101], количество компонентов в повседневной пище варьировало в зависимости от зоны проживания. На рацион влиял и переход части бурят к таким хозяйственным занятиям, как земледелие и огородничество. На рубеже XIX–XX вв. наиболее культивируемым была лесостепная зона Предбайкалье (скотоводство сочеталось с земледелием), менее культивируемыми – Селенгинская долина (отгонное скотоводство), степная (Агинская степь – скотоводство), горно-таежная (Присяянье, которое имело скотоводческо-охотничий промысел) зоны.

Особенно у предбайкальских бурят был рост доли зерново-овощных продуктов в пище, сопровождаемый уменьшением потребления дикоросов. Предбайкальские буряты в раннем средневековье

сеяли просо, пшеницу, ячмень и коноплю [6, с. 140]. По документам XVIII-XIX вв., в бассейне Байкала сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, просо, коноплю, в западной части - лен, больше разводили картофель [7, с. 74]. Пшеница считалась наиболее ценной качественной культурой, наименее – ячмень и овес, которые сеяли преимущественно для прокорма скота.

Потребление хлебно-зерновых продуктов также зависело от типа традиционного хозяйства, от особенностей географического места произрастания растения. В Предбайкалье хлеб, зерно присутствовали в рационе в течение всего календарного года, в Присяжные – в зависимости от типа хозяйства, натурального обмена продуктами скотоводства на зерно, в Селенгинской долине и Агинской степи покупали готовый хлеб у русских посредством натурального обмена или за деньги на ярмарках.

Овощеводством в основном занимались в XIX–XX вв. предбайкальские буряты и часть крещеных тункинских и селенгинских бурят, которые выращивали в своих огородах картофель, свеклу, капусту, репу, редьку и морковь.

Таким образом, зафиксированные указанные наименования растений, использующиеся в традиционной пище бурят, свидетельствуют о широком применении растений и дают возможность для продолжения исследования номинаций лексики с самых разных позиций.

Таблица 1

Наименования растений в традиционной кухне бурят

№	Названия растений	Используемая часть
1	багульник сибирский – <i>Ledum palustre</i> L. – <i>тэрэнги</i> ; <i>сурагар</i> ; <i>үхэр арса</i>	листья
2	бадан толстолистный – <i>Bergenia crassifolia</i> (L.) Fritsch – <i>бадан</i>	прошлогодние черные листья
3	богородская трава, чабрец ползучий, тимьян густоволосистый – <i>Thymus serpyllum</i> L. – <i>ганга</i> , <i>ая ганга</i> , <i>сайн өбөхөн</i>	цветы
4	боярышник кроваво-красный (сибирский) – <i>Crataegus sanguinea</i> Pall. – <i>долоогоно</i> , <i>шүбгэтэй</i> , букв. ‘с иглами’	иглы
5	брусника – <i>Vaccinium vitis-idaea</i> L. – <i>алирхан</i> ; <i>алирха жэмэс</i> , букв. ‘брусника ягода’	листья и плоды
6	гречиха посевная <i>Fagopyrum esculentum</i> Moench. – <i>гэршүүхэ</i> , <i>грэчихэ</i>	зерно
7	зверобой продырявленный – <i>Hypericum perforatum</i> L. – <i>дэгдэ</i>	побеги во время цветения

№	Названия растений	Используемая часть
8	змеевик живородящий – <i>Bistorta vivipara</i> (L.) Delarbre) – <i>мэхээр</i>	корни во время цветения
9	капуста огородная (<i>Brassica oleracea</i> L. – <i>ханууса, капуста</i>).	листья
10	картофель – <i>Solanum tuberosum</i> L. – <i>хартаабха</i> лит., <i>ябалха</i> ехир-булаг., тунк., <i>хортообхо</i> аг., <i>ябал</i> качуг., <i>бүүльбэ</i> мух.-шиб., <i>бэдьхэ</i> бох., <i>мондоруухай</i> тунк., <i>уһата сэндэгэр</i> тунк.	плод
11	конопля посевная – <i>Cannabis sativa</i> L. <i>хара тамхи, уһан, үлтэнэг</i> зап., <i>хоноплео</i>	семена
12	кровохлебка лекарственная – <i>Sanquisorba officinalis</i> L. – <i>һүдэн; һүдэ; һөдө; һүдэ гэшэгэнээн</i>	корень
13	лапчатка гусиная – <i>Potentilla anserina</i> L. – <i>гэшигэнээн</i>	корень
14	лилия ланцетолистная (кудреватая или мартагон) – <i>Lilium lancifolium</i> Thunb.; <i>Lilium martagon</i> – <i>шара харана, буржагар</i> <i>һараана, хаанай буржагар, һамган һараана</i> унг., <i>һэмбэгэр, хохолзоо</i>	луковица
15	лилия – саранка – <i>Lilium pilosiusculum</i> (Freyn) Miscz. – <i>саган харана, хорхинсог, аранга тибһэн, аранга төмс</i>	луковица
16	лук – <i>Allium</i> L. – <i>һонгино</i>	листья, луковицы
17	лук дикий, чеснок дикий – <i>Allium</i> – <i>гоогол</i>	листья, луковицы
18	лук душистый – <i>Allium</i> L. – <i>унхэ сур</i>	листья, луковицы
19	лук стареющий – <i>Allium senescens</i> . – <i>мангир зап., мангирһан, мангихан</i>	листья, луковицы
20	просо посевное (<i>Panicum miliaceum</i> L. s. str. – <i>шара будаа, будай, улаан будаа, хитад будаа, гаолян, поросо</i>).	зерно
21	пшеница (<i>Triticum</i> L. – <i>тэниисэ</i> зап., <i>улаан тарьян, шэниисэ</i>).	зерно
22	ревень – <i>Rheum</i> L. – <i>эшүүнэ, гэшүүнэ, гэшүүгэнэ, тарнаан</i>	корень
23	рододендрон Адамса – <i>Rhododendron adamsii</i> Rehder – <i>сагаан дали</i>	листья и стебли
24	рожь посевная (<i>Secale cereale</i> L. – <i>ороһон</i>).	зерно
25	свекла обыкновенная (<i>Beta vulgaris</i> L. – <i>свекло, тэжээлэй свекло</i>).	плод
26	сосна сибирская, кедр сибирский – <i>Pinus sibirica</i> Du Tour – <i>хуша, сибиршин хуша</i>	орехи
27	тмин – <i>Carum</i> L. – <i>тмин</i>	семена

№	Названия растений	Используемая часть
28	черный березовый гриб (чага) – <i>Inonotus obliquus</i> (Ach. ex Pers.) Pil. – <i>шултэ</i>	нарост на березе
29	шиповник – <i>Rosa L.</i> – <i>хадхаляатай үбһэн</i> киж.	плод
30	щавель обыкновенный – <i>Rosa acicularis</i> Lindley – <i>мури өбөхөн, хурьган шэхэн</i> хорин., <i>дааган шэхэн, хулганан шихэн</i>	верхушки растения
31	ячмень (<i>Hordeum L.</i> – <i>ешмээн, арбай, арбай таряан, үхэр арбай</i> еравн., <i>халтар арбай</i> мух.-шиб., <i>будаан</i> качуг.)	зерно

Список литературы

1. Козин С. А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. 619 с.
2. Дробышев Ю. И., Сыртыпова С.-Х. Д. Дополнительные источники жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии // Аридные экосистемы. 2016. Т. 22, № 3 (68). С. 92–98.
3. Абай Гэсэр. 1960.
4. Дамдинов Д. Г. К истории изучения языка хори-бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 146 с.
5. Бадмаев А. А. Будничное питание в конце XIX-начале XX века. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1(37). С. 101–109.
6. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
7. История Бурятии. В 3 т. Т. 2. XVII–XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

УДК 809.423-08

В. И. Семенова

Россия, Иркутск

Принципы сбора диалектного материала (на примере говоров бурятского языка)

В основе методологического принципа сбора полевого материала должно лежать положение о родоплеменном подразделении бурятского народа. Наблюдения показывают, что внутри территориальных диалектов (говоров) обнаруживается дробление языковых данностей в соответствии с родовым составом населения.

Ключевые слова: территориальные диалекты, этногенез бурят, социальные отношения.

The methodological principle of collecting field materials should be based on the provision of the tribal division of the Buryat people. Observations show that within the territorial dialects some fragmentation of linguistic data is found in accordance with the tribal composition of the population.

Keywords: territorial dialects, the ethnogenesis of the Buryats, social relations.

Диалекты представляют собой неоценимый источник для изучения закономерностей развития языка и являются первоосновой становления литературного языка. Бурятские диалекты не составляют исключения в этом плане.

История исследования бурятских диалектов началась еще в 40-х гг. XIX в. Подробный анализ диалектологических и общезыковых работ тех времен произвел Ц. Б. Будаев [1]. Большинство дореволюционных исследований построены на диалектном материале с уклоном общей характеристики разговорного бурятского языка в целом. Первой работой, посвященной конкретному говору, стал труд А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор» [2].

Систематическое исследование бурятских говоров началось с 50–60-х гг. XX столетия. Традиционно выделяют три группы говоров: западные, восточные и южные. Если относительно территориального деления бурятских диалектов принципиальных возражений не было, то в отношении определения количества диалектов исследователи не могли прийти к единому мнению.

Ц. Б. Цыдендамбаев в работе «К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят», говоря о классификации этих говоров, отметил, что «говоры добайкальских бурят... существенно отличаются от других по ряду лексических, фонетических и морфологических признаков; особенно значительными являются лексические расхождения» [3, с. 164]. Автор приходит к выводу: «Итак, западно-бурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижнеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры» [3, с. 173]. Далее Ц. Б. Цыдендамбаев пишет: «Чем объяснить предложение объединить некоторые говоры в один говор и многие говоры в одно наречие? По нашему мнению, это объясняется довольно просто. Раньше тот или иной исследователь брал заранее заданный, нередко в административном, географическом или в каком-либо другом отношении очерченный участок, исследовал его, часто не зная и не имея возможности знать, что лежит за этим кругом» [3, с. 173]. Уровень изученности говоров в то время не позволял сравнивать смежные говоры, поскольку большинство из них еще не были описаны. Согласно тогдашнему требованию к диалектологическим работам описания говоров строились на сравнительном рассмотрении с бурятским литературным языком.

Чрезвычайно важными нам представляются следующие слова Ц. Б. Цыдендамбаева: «Бурятские диалекты сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сло-

жились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из них уходят своими корнями в далекое прошлое, другие – обусловлены поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов... возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству...; с другой – подгруппы, находящиеся в составе тех или иных говоров... Есть основания говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах. Но имеется ли такое же основание говорить о родстве хонгодорского и цонголо-сартульского диалектов?» [3, с. 174].

Т. А. Бертагаев считал классификацию говоров с точки зрения этнического деления научно неверной [4, с. 11]. Но, обнаруживая те или иные расхождения в словарном составе диалекта, он все же признавал, что «... нельзя полностью пренебрегать этнической принадлежностью данного говора» [4, с. 13].

Мысли Ц. Б. Цыдендамбаева о классификации бурятских говоров по родству нашли воплощение в исследовании В. И. Рассадина, который на большом фактическом материале показал, что действительно существует язык хонгодоров (говор по родству). В. И. Рассадин пишет: «Все отмеченные факты свидетельствуют, что язык хонгодоров, или присаянских бурят, представляет собой своеобразный бурятский диалект, издавна занимающий промежуточное положение между западным и восточным бурятскими диалектами» [5, с. 156].

Ц. Б. Цыдендамбаев справедливо отметил: «... надо признать, что изучение бурятских говоров идет не столько вглубь, сколько вширь. Для того чтобы диалектологические работы стали более содержательными, необходимо улучшить как методы записи, так и методы исследования диалектных материалов... Нам представляется, что предыдущие исследования, проведенные бурятскими диалектологами, вполне подготовили условия для лингвогеографического изучения очень интересного в диалектологическом отношении языка бурят... цель такого исследования – создать диалектологический атлас бурятского языка» [3, с. 174–175].

Сказанное Ц. Б. Цыдендамбаевым заслуживает реализации в практике дальнейшего исследования бурятских диалектов, поскольку применение методики лингвистической географии предполагает значительные ареалы. Первоочередным в исследовании диалектов в ключе лингвистической географии и приемов ареальной лингвистики является сбор полевого материала.

В основе методологического принципа сбора полевого материала должно лежать положение о родоплеменном подразделении бурятского народа. Например, внутри территориальных диалектов (го-

воров) обнаруживается дробление языковых данностей в соответствии с родовым составом населения.

В 1970 г. вышла работа Б. В. Матхеева «О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья» [6]. Примечательно то, что автор обращается к фонетической стороне диалектов. В языкознании признано, что фонетическая система языковых структур представляет важный уровень, так как он пронизывает как лексический, так морфологический и синтаксический уровни языка.

В «Очерках эхирит-булагатского говора» [7] Б. В. Матхеев опирается на административно-территориальный принцип, в этой же работе он полностью переходит на этнографо-территориальное деление бурятских говоров. Так, Б. В. Матхеев указывает, что по соответствию звуков x' – $c'/t'/ш$ j-акающий диалект подразделяется на *эхиритскую* и *булагатскую* группы диалектов. «Эти две группы названы нами по их этнонимам, так как в данном случае лингвистические ареалы в общем-то совпадают с этнической территорией эхиритских и булагатских родов: представители эхиритской группы диалектов живут к северу и востоку от географической линии, соединяющей населенные пункты Байтог – Гахан (Бажехан) – Бозой – Олой – Корсук – Мурин; а говорящие на булагатском диалекте располагаются юго-западнее линии бурятских улусов Кукунут – Харазаргай – Идыга – Булуса – Кулункун – Капсал» [6, с. 56]. Следовательно, эхирит-булагатского говора как такового не существует, так как в нынешнем Баяндаевском районе с более полутора десятками родовых групп, расселенных в более 100 улусах, функционируют эхиритские говоры. Примечательно то, что об этом свидетельствует автор «Очерков эхирит-булагатского говора» [7]

Далее приведены фонетические сведения по эхиритскому и булагатскому диалектам.

«Для эхиритского диалекта характерно архаическое произношение заднеязычного, мягкого, предвокального звука [x'], который в булагатских диалектных группах реализуется в виде [$ш$ – c' – t']. Примеры: *тах'аа* (*тас'аа* – *там'аа*) ‘курица’; *арх'и* (*арши* – *арс'и* – *арт'и*) ‘вино’; *зах'аа* (*зашаа* – *зас'аа* – *зат'аа*) ‘заказал’» [6, с. 56].

Далее «б. $ш'$ – c' – t' ; д – h. По этим признакам общебулагатский диалект подразделяется на южно-булагатскую и северно-булагатскую группы. К первой группе относится речь той части общебулагатского диалекта, которая находится на территории административного Эхирит-Булагатского района... Вторая группа охватывает территорию нынешнего Боханского района. Южно-булагатский диалект характеризуется тем, что в нем общебурятский заднеязыч-

ный, щелевой предвокальный [xʰ] реализуется как переднеязычный, щелевой, двухфокусный, относительно мягкий [ш], которому в северно-булагатском соответствуют мягкий свистящий [сʰ] или мягкий [тʰ]. Примеры: *дашин* (*дас'ин – дат'ин*) 'снова'; *тамшиан* (*тамс'ин – тамт'ин*) 'табак'; *урбааша* (*армаас'и – армаат'и*) 'рубашка'; *үмшээрхэ* (*үмс'ирхэ – үмт'ирхэ*) 'гнить'.

Указанному признаку сопутствует признак д – һ, т.е. южно-булагатскому интервокальному [д] в северно-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука [һ]. Например, *садаад – саһаад* 'насытившись', *бодоод – боһоод* 'стоя', *моридоо – моруһоо* 'лошадей' [6, с. 58].

Теоретическое объяснение данных типов соответствий дали Л. Д. Шагдаров [8, с. 23] и В. И. Рассадин [9, с. 101]. «Исторический [*к] в положении перед гласным [*i] отражается в восточных и южных говорах в виде [xʰ], в хамниганском – [кʰ], [xʰ], в западном – [сʰ], [тʰ], [xʰ], [ш]...» [8, с. 23].

«Таким образом, модификация [*к] под палатазирующим влиянием [*i] тоже имеет, как и само развитие [*к] либо в щелевой [xʰ], либо в смычный [к], двоякий характер, а именно: в одних говорах [к] в этой позиции перешел в смычный палатализованный [тʰ], в других – в щелевые палатализованные [сʰ], [xʰ], [шʰ]...»

Смычный палатализованный [тʰ] < [*ki] на месте литературного [xʰ'i] нам приходилось слышать и у некоторых групп булагатов Иркутской области, например: *сот'и* 'бей' вместо *сох'и*, *барт'ирна* 'кричит' вместо *барх'ирна*, *манаэт'и* 'наш' вместо *манайх'и* [Рассадин, 1982, с. 101].

Таким образом, различие [xʰ], [сʰ], [тʰ], [шʰ] или [ш] представляет собой основополагающую черту между эхиритскими и булагатскими диалектами.

К сожалению, эта работа Б. В. Матхеева [6] не нашла отклика у диалектологов Бурятии. Так, И. Д. Бураев [10, с. 14] полагает: «Эхирит-булагатское наречие. Это собственно эхирит-булагатский говор, боханский и ольонский говоры, а также говоры баргузинских и байкало-кударинских бурят». Качугский говор не упоминается даже в ранге «подчиненного», как у Ц. Б. Цыдендамбаева.

Укажем, что В. И. Рассадин об этой работе И. Д. Бураева заметил следующее: «...и эта классификация не может считаться окончательной, поскольку для двух говоров в ней не нашлось места, хотя, в общем, классификация не плохая» [5, с. 8].

На некоторые фонетические, а также морфологические и лексические различия между качугским и эхирит-булагатским (по Матхе-

еву Б. В., южно-булагатским) обратила внимание А. Г. Митрошкина, заметив, в частности: «...говор качугских бурят своеобразен в фонетическом отношении не только в сравнении с литературным языком, но и со смежным эхирит-булагатским говором» [11, с. 55].

Изучение бурятских говоров сопряжено с рядом трудностей.

Семейно-брачные взаимоотношения в связи с законом экзогамии привносят много инодиалектных элементов в те или иные диалекты, говоры. Так, например, в улусе Шетхалун Баяндаевского района встречаются формы типа *тамт'ин* 'табак', *тат'аахай* 'курица', *хант'инаха* 'звенеть'. Оказалось, шетхалунцы брали жен из Осинского района, в частности, из улуса Каха. Еще пример. В улусе Олой Эхирит-Булагатского района (род Отоонхойн Ишин булагатского племени) бытует частушка со словом *шоогой* 'коза', характерное для эхиритцев Качугского района: Шоогтоймнай шоогойтой... 'Шогтой (наш) имеет козу...'. Оказалось, эту песню сочинили поселенцы из улуса Басай Качугского района.

В Баяндаевском районе среди эхиритов и булагатов проживают потомки рода Хурамша. В фонетическом составе их речи сосуществуют как эхиритские, так и булагатские элементы, например: *тамишан* – *тамхин* 'табак', *шидага* – *хидага* 'деревянная продолговатая миска (для мяса)', но *хилар* 'косоглазый', *дахин* 'снова', *хируу* 'иней'. Встречается и явление монофтонгизации исконных дифтонгов, характерное для булагатского диалекта: *тэрэ бэе* – *тэрэ биш* 'та сторона', *хиш* 'ночь', *хишндөө* 'ночью' вместо *һүи*, но *һүиндээ* как в качугском, *хамсуи* – *хамсы*, употребление [өө] вместо [ээ]: *үхөө* вместо *үхээ*. В лексике бытуют качугские формы *мугуй* 'деревянная колотушка' и *мугуйдаха* 'бить колотушкой', южно-булагатское *холтоо* вместо качугского *хултаа* 'клоп'.

В улусе Олой Эхирит-Булагатского района, где соседствуют басаевцы, переехавшие из Качугского района, также параллельно существуют эхиритские и южно-булагатские элементы: юж.-бул. *ургы* вм. кач. *ургуй* 'подснежник', *мандагар* 'крепкий, большой' вм. кач. *ехэ*, *гоожуурга* 'блины' вм. кач. *билишнэ*; но *бэе* = *биш* 'сторона'; *бээжэ* вм. *пээсэ* 'печь', *тура* 'дом' вм. кач. *махтар* (<бага тура 'маленькая крепость'; ср. др.-тюрк. *туга* 'укрепленная крепость'). *Тура* в качугском говоре означает 'город' [11, с. 66].

В улусе Баазай (род Бүүбэй булагатского племени) наблюдается аналогичное явление: *һүи* 'ночь', *харанхы һүи* 'темной ночью', но *һүни* 'ночью'; *хиш* морин 'вороная лошадь', ср. кач. *хээр морин* 'гнедая'; *хируу* 'иней' вм. кач. *хируу*, бул. *шируу*, *тамхин* 'табак', но и *тамишан*, наряду с *тамишин*, *хамсы* 'рукава, рукав' вм. кач. *хамсуй*.

Приведем примеры соответствия звуков смежных эхиритского (качугского эхиритского) и булагатского (южно-булагатского) говоров, взятые нами из работ А. Г. Митрошкиной [11] и Б. В. Матхеева [7].

М/н, б/м: кач., лит. *шэбэнэхэ* – юж.-бул. *шэмнэхэ* ‘шептать’, *үмдэн* – *өндөн* ‘брюки’; **г/ј:** *гэрхи, жэрхи* – *јэрхи* ‘бурундук’; **л’/г/ј:** *зал’аха, залгиха* – *зал’јаха* ‘глотать’; **н/ј:** *гуннинаха, гоншохо* – *гонјонохо* ‘гнусавить’; **ј/д:** *јэбдэхэ, дэбдихэ* – *дэбдэхэ* ‘постлать’; **д/һ:** *дуудаха* – лит., юж.-бул. *дууһаха* ‘исчерпывать’; **д/ш:** *абаадаха* – лит., юж.-бул. *абаашаха* ‘унести, увезти’; **с/ш:** *сархи* – лит., юж.-бул. *шархи* ‘лапоть’.

Общеизвестно, что для западных диалектов характерно наличие в них самостоятельной гласной фонемы [ø]. Однако в реализации этой фонемы в словах характерна большая частотность в южно-булагатском говоре по сравнению с качугским. Например: кач. *зэмэлхэ* – юж.-бул. *зөмөлхө* ‘обвинять’, *эмдэхэ*, лит. *эбдэхэ* – *өндөхө* ‘ломать’, *зэмһэн* – *зөмһөн* ‘гостинец’, *сэмэ*, лит. *сэмбэ* – *сөмө* ‘сукно’. Различия в частотности фонемы [ø] наблюдаются в одном и том же говоре. Как свидетельствует М. П. Хомонов [12, с. 41], в каждом говоре «в известной мере проявляется былое племенное деление... Буряты по долине реки Оса говорят больше ø, а по долине Иды – ү».

Другие соответствия гласных: **ү/һ:** *үһэн* – *һүн* ‘молоко’, *э/һ:* *эһэгээ*, лит. *һэеы, һэјээ* ‘войлок’, *э/ү:* *гэдэргээ* – *гүдэргэ* ‘назад’, **а/аа:** *шаэнаг* – *шаанаг* ‘чайник’, **оо/оэ:** *мохоо* – *мохээ* ‘тупой’, **а/и:** *арьха* – лит., юж.-бул. *ираха* ‘листая (страницы)’, **а’/о:** *наданда* – *н’одондо* ‘в прошлом году’, **а/уу:** *бульжамар* – *булжамуур* ‘жаворонок’, **у/уу:** *мухай* – лит., юж.-бул. *муухай* ‘некрасивый’ – от *муу* ‘плохой, дурной, скверный’, **уй/ии, ы:** *харгуй* – *харгии, харгы*, лит. *харгы* ‘дорога’, **ј/ии:** кач., лит. *тэрэ бэјэ* ‘та сторона’ – *тэрэ биш*, *эјэ/ии:* *хэјэр* (морин) ‘гнедая (лошадь)’ – *хишр* (морин) ‘вороная (лошадь)’.

Беглый обзор фонетических систем южно-булагатского и качугского говоров свидетельствует о том, что их различия обнаруживаются как в корпусе гласных, так и составе согласных. В области согласных – это, прежде всего, своеобразные рефлексы исторического [*к] перед [*i] в южно-булагатском говоре в виде [с’], [т’], [ш], который в качугском однозначно реализуется как заднеязычный [х’]. Многочисленны соответствия гласных и согласных. Все это говорит о том, что звуковые системы сравниваемых говоров отличаются в правилах функционирования их единиц в словах. Приведенного достаточно для вывода о том, что перед нами фонологические системы разных диалектов – эхиритского качугского и булагатского (южно-булагатского). Звуковая система качугского говора гораздо ближе к

таковой литературного языка, главным образом в рефлексе исторического *ki, тенденции к монофтонгизации дифтонгов южно-булагатского. Много случаев, когда вместо [ə] южно-булагатского в качугском реализуется [э], как и в литературном языке. В южно-булагатском частотна долгая фонема [өө], ср. ухөө вм. ухээ. Немало различий и внутри южно-булагатского говора, обусловленных смежным проживанием эхиритцев и булагатцев. В языке хурамчинцев наблюдается смешение качугского и южно-булагатского говоров.

Такого рода расхождения могут быть обусловлены подродовыми подразделениями, а также законом экзогамии, т. е. влиянием женского языка, языка невест из других родов. Известно, что семейно-брачные отношения при экзогамии также сказываются в изменении системы говоров. Науке известно, что «здесь сказывается подразделение родов в пределах племени, а также семейно-брачные отношения между родами разных племен в связи с экзогамией. Очень четкое совпадение этнических и диалектных границ наблюдается только при эндогамии» [13, с. 83].

Диалектология интересуется качественными характеристиками систем языка, а это значит, что диалектолог не может пренебрегать речью даже отдельно взятой семьи, носителя былого говора (подговора). Количество потомков рода необходимо для выявления результатов конкуренции тех или иных форм диалекта – всегда ли победившая форма принадлежит языку большинства населения? Если нет, то выявить причины такого результата.

Учитывать родовые, подродовые подразделения необходимо еще и в связи с обычаем табу и эвфемизма, которые дифференцированы в отдельных социумах.

Работа собирателя должна начинаться с предварительного изучения истории, этнографии, культуры, религиозных верований бурят исследуемого региона, с тщательного знакомства с фонетическими, морфологическими особенностями конкретного говора (диалекта) по историческим (архивным) источникам и научной литературе по теме.

Важным моментом в подготовке собирательской деятельности является подбор информантов. Следует иметь по три информанта от каждого рода, подрода. Если род представлен одной семьей, то она является информантом по данному роду. В составе информантов должен быть и представитель молодежи, так как изменения в системе языка происходят при смене поколений. Желательно иметь информантов из состава невесток, если они из другого рода, так как их язык оказывает влияние на речевую практику детей. В силу этого у детей образуются диалектные синонимические ряды, изменение звукового, морфологического строя исконного говора.

Собирание диалектизмов с учетом родовых подразделений является одной из методологических основ бурятского языкознания.

Список литературы

1. Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты: опыт диахронического исследования. Новосибирск : Наука, 1992. 216 с.
2. Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: Опыт исследования, тексты: пер. и примечания. Пг., 1913–1914. Вып. 1. 120 с.; Вып. 2. 129 с.; Вып. 3. 137 с.
3. Цыдендамбаев Ц. Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 164–175.
4. Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ, 1961. 160 с.
5. Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996. 215 с.
6. Матхеев Б. В. О фонетической дифференциации бурятских диалектов Предбайкалья // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та им. Доржи Банзарова. 1970. Вып. 37. С. 52–59.
7. Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып.2. С. 3–46.
8. Шагдаров Л. Д. Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 10–28.
9. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука, 1982. 198 с.
10. Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 3–16.
11. Митрошкина А. Г. Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С.47–73.
12. Хомонов М. П. Боханский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1. С. 35–70.
13. Соколова З. П. Выявление этнических ареалов на основе анализа брачных связей населения и языковых данных (на материале обских угров) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). Л. : Наука, 1983.

Нямсүрэн Сэлэнгэ

Монголия, Эрдэнэт

Эрдэнэт хотын гудамж, талбайн нэрийн асуудал *(Эрдэнэт хотын баг, гудамж, талбайн нэрийн жишээн дээр)*

Хураангуй. Хорьдугаар зууны хэл шинжлэлд “Нэр зүй” гэдэг шинэ салбар бий болон хөгжиж, урьд өмнө судалгаанд төдийлөн өртөлгүй хоцорч байсан олон мянган оноосон нэрийг нарийвчлан судалж тэдгээрийн утга учир, зүй тогтлыг нь нээн илрүүлэх болсноор хүн төрөлхтөний хэл, түүх, соёл, сэтгэл зүй, зан заншлыг бүх талаас нь бүрэн дүүрэн судалж, танин мэдэх бас нэгэн шинэ бололцоо нээгдсэн юм. Үүний зэрэгцээ хотын нэр зүй буюу /urbanonym/ гэх нэр томьёо ихээхэн дэлгэрч хотын барилга байгууламж, гудамж, талбай, цэцэрлэгт хүрээлэнгийн нэрийг судлах ажил нилээдгүй хийгдээд байна. Эрдэнэт хотын баг, гудамж, талбайн нэрийн онцлог, үүсэл гарал, өөрчлөлтийг хэл шинжлэлийн үүднээс судлан хотын түүх болон ард түмний сэтгэлгээний онцлог байдал нэрэнд хэрхэн тусгалаа олсоныг судалсан болно.

Түлхүүр үг: түүх, үүрэг, хаяг.

Нэр зүй нь аливаа хэлний оноосон нэр болоод түүний гарал бүтэц, түүхэн өөрчлөлт, нийгмийн үүргийг нь судалдаг шинжлэх ухаан юм. Оноосон нэр гэдэг нь нэгэн төрлийн олон зүйлийг бие биеэс нь ялгах зорилгоор нэгж зүйлд оноож өгсөн нэрийг хэлдэг бөгөөд дотроо хүний нэр, газар нутгийн нэр, од гаригийн нэр, бурхан тэнгэрийн нэр, хот тосгон, суурийн газрын нэр, угсаатны зүйн, үйлдвэр аж ахуйн байгууллагын нэр гэх мэт олон төрөлд хуваагдана. Оноосон нэрийн эдгээр төрөл тус бүрийг нэрзүйн тусгай салбар ухаанууд судалж байна. Үгийн сангийн бүх үгийг нэрийтгэл нэр, оноосон нэр гэж 2 хуваадаг. Нэрийтгэл нэр гэдэг нь үгийн сангийн үндсэн үг буюу бүх үг юм. Харин нэг төрлийн олон зүйлийг ялгаж өгсөн нэрийг оноосон нэр гэнэ. Оноосон нэр нь ард түмний ахуй амьдрал, зан заншил, соёл, ертөнцийг үзэх үзэл, шашин шүтлэгээс хамаарч өөр өөр байдаг. Монголчуудын хувьд бэлгэдэл хамгийн гол зарчим болно. Аливаа оноосон нэрийн бүтэц, гарал үүсэл, түүхэн өөрчлөлт, хэрэглээ, нийгмийн үүргийг судалдаг шинжлэх ухааныг нэр зүй (ономастика) буюу нэр судлал (ономасиология) гэнэ. Хотын гудамж, талбай, хотын бүх барилга байгууламжийн нэрийг урбоним буюу хотын нэр зүй судална.

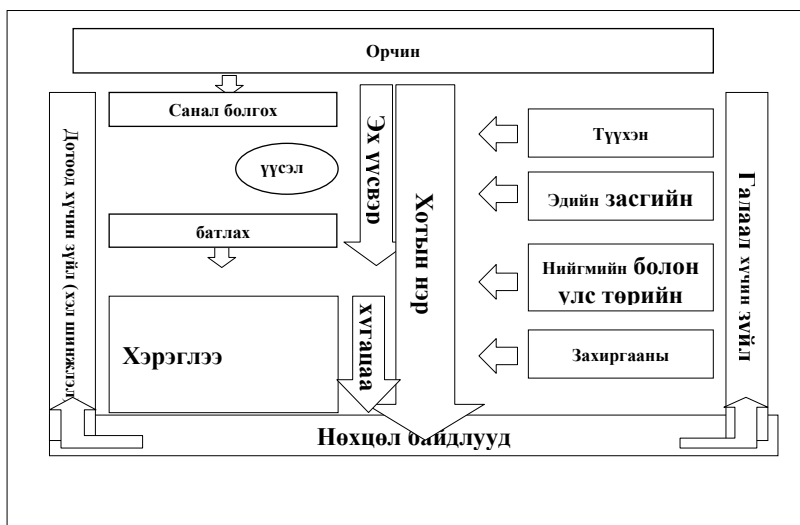
Судалгааны ажлын зорилго: Эрдэнэт хотын гудамж, талбайн нэрийн тогтолцоог судлах, нэрэнд нөлөөлөх дотоод болон гадаад хүчин зүйлийн нөлөө, монгол хүмүүсийн танихуй болон сэтгэлгээний хэв маягийн онцлог нэр зүйд хэрхэн тусгалаа олсоныг судлах явдал юм.

Сэдвийн судлагдсан байдал: Монгол улсад оноосон нэрийн судалгаа 1960 оноос эхэлсэн бөгөөд анх 1964 онд Ч.Содномын “Монгол хүний нэрийн тухай” томоохон хэмжээний өгүүлэл гарчээ. Доктор Ч.Сэржээ 1970-аад оноос эхлэн оноосон нэрийн судалгаа эхлүүлэн хүний нэр судлалаар олон бүтээл туурвижээ. Газар усны нэрийн судалгааг 2009 онд хийсэн байдаг. Гадаадын эрдэмтэн судлаачдаас Оросын эрдэмтэн Т. В. Шмелово “Ономастика” буюу “Нэр судлал” гэсэн томоохон бүтээлийг туурвижээ. Монголд Урбаним буюу хотын нэр зүйн судалгаа хараахан хийгдээгүй байна.

Хотын нэр судлал (лат. Urbanus – урбоним) нэртомьёо хотын гудамж, талбай, тээврийн хэрэгслийн зогсоол, цэцэрлэгт хүрээлэн болон хот доторх бүх барилга, байгууламжийн нэр зэрэг хот доторх бүсчлэл, орон зай, барилга байгууламжийн нэрийг бүхэлд нь цогцоор нь нэрлэдэг хэл шинжлэлийн нэр судлалын бие даасан салбар ухааны ерөнхий нэр томьёо болж энэ салбар ухаан ХХ зуунд идэвхтэй хөгжих болжээ.

Эрдэнэтийн их бүтээн байгуулалт “Эрдэнэтийн Овоо”-ны ар хөндийд 1964 оноос эхэлсэн бөгөөд 1974 онд Булган аймгийн Эрдэнэт хороо нэртэйгээр анх байгуулагдаж, улмаар хорооны хөгжил, хүн амын өсөлтийг харгалзан 1976 онд “Эрдэнэт” хот болгон өөрчилсөн түүхтэй. Эрдэнэт хотын 22 баг, 21 гудамж, 4 талбай нийт 49 нэрийн онцлогийг судалсан болно.

Эдгээр нэрийн онцлогийг судлахдаа хотын нэрд нөлөөлөх дотоод ба гадаад хүчин зүйлүүдийг тодорхойлон судалсан Чехийн судлаач David Vaculik-ийн гаргасан бүдүүвчийг үндэслэв.



Хотын гудамж талбайн нэрд нөлөөлөх дотоод хүчин зүйл.

Хотын гудамж, талбайн нэрд нөлөөлөх дотоод хүчин зүйлд тухайн нэрийг хэл, хэл шинжлэлийн тогтолцоотой холбон авч үздэг.

Нэрийн бүтэц: үүнд тухайн үгийн үүслийн хэв шинж, нэрийн үүсэл болон хэлбэр бүтэц зэрэг хамаарна. Үгийн бүтцийг тухайн нэр нь нэг үгээр үү, эсвэл нийлэмж үгээр, эсвэл ерийн нэр үү, оноосон нэр үү гэдэг нь нэрийн бүтцийн хамаарах асуудал юм. Хотын гудамж, талбайг дахин нэрлэх, нэрийн товчлол, тохиромжгүй нэр, албан ба албан бус нэр, нэрийн тогтвортой бус байдал, нэрийн өөрчлөлт хийгдсэн эсэхийг тогтмол судлан тодорхойлох хэрэгтэй байдаг.

Дээрх бүдүүвч зурганд үндэслэн Эрдэнэт хотын гудамж, талбайн нэрд нөлөөлөх дотоод хүчин зүйлийг судлахад дараах дүр зураг буух юм.

Оноосон нэр үүсэхдээ нэг үгээр эсвэл нийлэмж үгээр нэрлэх гэсэн хоёр үндсэн аргаар үүсдэг. Рашаант, Булаг, Шанд, Нацагдорж, Магсаржав, Найрамдал зэрэг нэг үгээр нэрлэсэн гудамж, талбайн нэр нийлэмж үгээр нэрлэсэн нэрээс их байна. Нийлэмж үгээр нэрлэсэн нэрэнд: Цагаан-чулуут, Улаан-Үд, Монгол ажилчдын гудамж, “Бүтээн байгуулалтын” талбай зэрэг нэрийг хамааруулж болно. Хэлзүйн үүднээс судлавал Улаан-Үдийн гудамж, Баян-Өндөрийн гудамж, Бүтээн-байгуулалтын талбай гэх мэт харьяалахын тийн ялгалын нөхцлөөр хэлбэржсэн байна.

Монголчууд ямар нэг зүйлийг нэрлэхдээ бэлэгдлийн зарчмыг голлодог нь Зэст, Эрдэнэ, Оюут зэрэг нэрүүдээр илэрч байна.

Оноосон нэр нь тухайн ард түмний зан заншил, шашин шүтлэг, үнэт зүйл зэргээс хамаарч өөр өөр байдаг. Монголчуудын ахуй нь байгаль дэлхийтэйгээ ойр, түүнийгээ шүтэн амьдарч, нутаг усаа хайрлан дээдэлж, хүндэтгэх үүднээс уул, усны нэрээр нэрлэх нь их байдаг. Тоон баримтаар үзүүлбэл: нийт 49 гудамж, талбайн нэрнээс 17-г Эрдэнэт хотынхоо уул, усны нэрээр нэрлэсэн байна. Жнь: Цагаанчулуут, Булаг, Рашаант, Их залуу, Баян-Өндөр, Хантай гэх мэт.

Нэрийн дотоод хүчин зүйлийн нэг хэсэг бол хотын барилга байгууламж, гудамж, талбайд бичигдсэн нэрэнд тогтмол хяналт тавих явдал юм. Эдгээрийг судлан үзэхэд:

Буруу бичсэн, товчилсон нэр байхгүй, харин хуучин нэртэй, баларч бүдгэрсэн /дээрээс нь будсан/ нэрнүүд их байна. Үүнд: Нэрийг нь өөрчлөөгүй гудамж 1–21 Лениний өргөн чөлөө, 2–10 Д. Сүхбаатарын өргөн чөлөө, 5–23 Барилгачдын гудамж, 5–1 Барилгачдын гудамж, 5–1 Сүхбаатарын гудамж, ДГТ – хүүхэлдэйн театр – Д. Сүхбаатарын гудамж 2–1, 4–10, ДГТ, 6–1 зэрэг байрнууд дээр бичигдсэн нэр бүдгэрсэн, уншихад төвөгтэй болсон. 2016 онд шинээр нэрлэсэн гудамжнуудад нэр хаяг тавьсан газар одоогоор байхгүй байна.

1991 оны Хотын Ардын Хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоолоор нийт 9 гудамж, 2 талбайг, 2016 оны 5-р сарын 5-ны өдрийн Орхон аймгийн Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын тэргүүлэгчдийн тогтоолоор 4 гудамж, 2 талбайг тус тус баталжээ.

Албан ба албан бус нэрний судалгаанд дараах гудамж, талбайн нэрийг авч судалсан. Албан ёсоор батлагдсан гудамж, талбайн нэрнээс “Барилгачдын талбай”, “Найрамдал талбай” зэргийг нэрлэж

хэвшсэн бол бусад гудамж, талбайн нэрийг тэр бүр хэрэглэж хэвшээгүй. Орон сууцны хороололд амьдарч байгаа иргэд бичил хорооллоор микрээр, харин гэр хороололд амьдардаг иргэд албан ёсны хаяг болох багийнхаа нэрийг хэрэглэж хэвшжээ.

Ард олны дунд нэрлэгдсэн нэрээр зарим гудамж талбайг одоо хүртэл нэрлэж байна. Тухайлбал, хотын орон сууцны хорооллыг “город”, Баянцагаан багийг Эрдэнэтийн Овоонд анх судалгаа явуулж байсан геологичдын амьдарч байсан газар геологичдын тосгон байсан тул “тосгон”, мэргэжил сургалтын төв байсан газрыг “ПТУ” хэмээн нэрлэж заншжээ.

Хотын нэрэнд тухайн нутаг дэвсгэрт амьдарч байсан алдартай хүмүүсийн ажил үйлсийг нь хүндэтгэн, хотын түүхэнд нэр алдрыг нь дурсан мөнхжүүлэх зорилгоор гудамж, талбайн нэрийг нэрлэсэн байдаг нь дараах нэрээс харагдана. Үүнд: 1911 оны үндэсний хувьсгалын удирдагчдын нэг, дипломатч Чин ван Ханддорж, монгол цэргийн нэрт жанжин, тусгаар тогтнолын төлөө тууштай тэмцэгч Хатанбаатар Магсаржав, Ерөнхий сайд асан Амар нар нь Булган аймгийн уугуул бөгөөд өнөөдөр тэдгээр түүхэн хүмүүсийн нэрийг мөнхжүүлэн нэрлэсэн байна.

Хотын гудамж талбайн нэрд нөлөөлөх гадаад хүчин зүйл. Үүнд түүх, эдийн засаг, засаг захиргаа, нийгэм улс төрийн нөхцлүүд багтана. Эдгээр хүчин зүйл өөр хоорондоо зайлшгүй хамааралтай байдаг.

Хотын жинхэнэ түүхийг харуулах түүхийн хүчин зүйлийг тодорхойлохын тулд нэрийн үүсэл, өөрчлөлт, хөгжил нь тухайн газрынхаа үе үеийн түүхийг өөртөө агуулсан байдаг хот доторх жижиг газруудын нэрээс эхлэн балгас болсон барилга байгууламжийг хүртэл судална. Дурсгалт болон түүхийн онцлог үйл явдлууд ч мөн үүнд хамаатай.

Эдийн засгийн хүчин зүйл: Хотын хөгжил хөдөлгөөн, үйлдвэржилт зэргийг нэрийн утгаас харж болно. Тухайн үйлдвэр газрыг удирдаж байсан удирдагч, эрдэмтэн, зохион бүтээгчдийн ажил үйлсийг мөнхжүүлэх зорилгоор нэрлэсэн байдаг, түүнээс гадна үйлдвэрийн барилга байгууламж, уул уурхай болон бусад үйлчилгээний газруудын нэрийг судласнаар эдийн засгийн хүчин зүйлийг тодорхойлох боломжтой. Хотын хүн амын өсөлт хөгжилтийг ч бас эндээс харах боломжтой.

Засаг захиргааны хүчин зүйл нь хотын нэрд засаг захиргааны оролцоог тодорхойлно. Хотын гудамж, талбай болон бусад объектын нэрийн үүсэл, нэр өөрчлөх, дахин нэрлэх зэргийг хууль эрх зүйгээр зохицуулж стандартжуулах нь засаг захиргааны чухал зүйл болно.

Хотын нэрийн тогтолцоонд үзүүлэх гол үүрэг нь хотын нэршилтэй холбоотой бүх өөрчлөлтийг мэдээлэх, шинэ нэрийг батлах, нэгтгэх зэрэг юм.

Нийгмийн болон улс төрийн хүчин зүйл: Хотын нэрд улс хоорондын харилцаа, хамтын ажиллагаа, түүнчлэн тэдгээрийн хамтын ажиллагааг мөнхжүүлэн дурсах зорилготой байдаг. Нийгэм хөгжил болон улс төрийн өөрчлөлтүүд хотын нэрд тусгалаа олсон байдаг.

Эрдэнэт хотын гудамж, талбайн нэрд нөлөөлөх гадаад хүчин зүйлийг дараах байдлаар тайлбарлах боломжтой гэж үзлээ. Гадаад хүчин зүйлүүдэд түүх, эдийн засаг, засаг захиргааны болон нийгэм, улс төрийн нөлөөллийг хамааруулж үздэг. Түүхийн хүчин зүйлийн нөлөөлөл нэрэнд хэрхэн нөлөөлж байсныг судалж үзэхэд 1980 оны 1-р сарын 9-ны өдрийн “Орон сууц гудамжны хороодыг шинэчлэн зохион байгуулах тухай” Эрдэнэт хотын Ардын депутатуудын хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоолд ОСГ-ны 1-р хороог Найрамдал хороо, мөн 1991 оны 4-р сарын 24-ны өдрийн “Гудамж талбай нэрлэх тухай” Хотын Ардын Хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоолд бүх хороололын дундуур орших гудамжыг “Д. Сүхбаатарын өргөн чөлөө” гэж нэрлэж байсан нь түүхийн нэгэн сурвалж болно.

Эдийн засгийн хүчин зүйл нэрэнд хэрхэн туссаныг дараах нэрээс харж болно. Эрдэнэт хот нь уул уурхайн салбарыг түшиглэн байгуулагдсан хот учраас энэ салбартай холбоотой Уурхайчин баг, Уурхайчдын гудамж, Бүтээн байгуулагчдын талбай, Монгол ажилчдын гудамж зэрэг баг, гудамж, талбайн нэр байна.

Тухайн газар нутагт үйл ажиллагаагаа явуулж буй үйлдвэр, аж ахуйн газруудын удирдагчдын гавьяаг мөнхлөх зорилгоор гудамж, талбайг нэрлэх нь эдийн засгийн хүчин зүйлийн нэг хэсэг юм. Эрдэнэт үйлдвэрийн бүтээн байгуулалтад хүч, хөдөлмөрөө зориулсан нийгэм, улс төрийн зүтгэлтэн Ш.Отгонбилэг, Орос мэргэжилтэн Тюряков зэрэг алдартнуудын гудамж байна. 2016 оны 11 дүгээр сар 23-нд Эрдэнэт Үйлдвэрийг “Цэдэнбалын” нэрэмжит үйлдвэр болгосон.

Хотын хүн амын өсөлт, хөгжил нь хотын нэрэнд ч мөн нөлөөлж болох ба энэ нь эдийн засгийн хүчин зүйлийн бас нэг хэсэг болдог.

Эрдэнэт хотын хүн амын өсөлт, хөгжилтийн байдлыг дараах баг, гудамжний нэрээс харж болно. 1976 оны 1-р сарын 1 -ний өдөр Эрдэнэт хотод анх удаа Орон Сууц Гудамжны ”Найрамдал” нэртэй 1-р хороо байгуулагдаж, 1979 он гэхэд хот хүрээгээ тэлж ОСГ-ны нийт 8 хороотой болж, улмаар хороодыг нэгтгэн Баян-Өндөр,

Жаргалант, Найрамдал, Хялганат гэсэн 4 хороо бүхий засаг захиргааны бүтэцтэй болсон байдаг. 1994 онд Монгол Улсын Их Хурлын 32-р тогтоолоор Орхон аймаг, Баян-Өндөр сумыг байгуулах шийдвэр гарчээ. Энэ үед хот нийт 13 багтай байсан бол өнөөдөр 22 багтай болсон нь хот маань хэрхэн хөгжиж байгааг харуулах нэгэн баталгаа болно.

Хүн амын өсөлт болон засаг захиргааны нэгжийн хөгжлийг хүснэгтээр үзүүлэв.



Хотын нэршилд засаг захиргааны оролцооны үзүүлэлт ямар байгааг дараах тогтоол, хурлын протокол, шийдвэрээс харах боломжтой. 1976 онд “Хотын гудамжинд нэр тогтоох тухай” тогтоол, 1980 онд “Орон сууц гудамжны хороодыг шинэчлэн зохион байгуулах тухай” тогтоол, 1982 онд “Орон сууц гудамжны хороо байгуулах тухай” тогтоол, 1991 онд “Гудамж, талбай нэрлэн тухай” тогтоол, 2016 онд “ Гудамж, талбайд нэршил олгох тухай” тогтоолууд тус тус гарчээ. 2016 онд гарсан тогтоолоор “Аялагчдын”, “Хивсчдийн”, “Монгол ажилчдын”, “Худалдааны”, “Бүтээн байгуулалтын талбай” зэрэг гудамж, талбайн нэрийг шинээр нэрлэн баталжээ.

Нийгэм, улс төрийн хүчин зүйлийн нөлөөлөл, улс хоорондын харилцаа холбоог дараах нэрс тодорхойлж чадах юм. Эрдэнэт хотын гадаад харилцаа, хамтын үйл ажиллагааг “Кувейтын” гудамж, “Эрээний гудамж”, “Улаан-Үдийн гудамж”, “Найрамдал” зэрэг гудамж талбайн нэр тодорхойлох бол нийгмийн хөгжил, улс төрийн өөрчлөлтүүд нэрэнд хэрхэн нөлөө үзүүлдгийг 1976 оны “Хотын гудамжинд нэр тогтоох тухай” тогтоолоос харах боломжтой. Үүнд:

Ардын хувьсгалын 55 жилийн ойг тохиолдуулан бүх хороололын дундуур өнгөрөх төв гудамжийг дэлхийн хувьсгалын их багш В. И. Лениний өргөн чөлөө, мөн 1976 онд ОСГ-ны анхны хороог “Найрамдал” хороо хэмээн тус тус нэрлэсэн байдаг. 1991 онд Лениний өргөн чөлөөг “Сүхбаатарын өргөн чөлөө”, 2000 оноос “Эрх чөлөөний өргөн чөлөө” болгон тус тус өөрчилжээ.

Дүгнэлт. Хотын нэрд нөлөөлөх гадаад болон дотоод хүчин зүйлийг өөрийн судалгааны санд буй гудамж, талбайн 49 нэрэнд тулгуурлан ажиглалт хийлээ. Нэрд нөлөөлөх дотоод хүчин зүйлийн судалгаанаас гудамж, талбайг нэрлэсэн оноосон нэр ихэвчлэн нэг үгээс бүтсэн, бэлгэдлийн чанартай, тухайн ард түмний зан заншил, ертөнцийг үзэх үзэл болон харь хэлний нөлөө тухайн нэрэнд тусгалаа олсон нь харагдаж байна.

Гадаад хүчин зүйл болох түүх, нийгэм, улс төр, засаг захиргааны оролцоо хотын нэрэнд хэрхэн туссаныг судлахад хотын нэр гэдэг нь хотын түүхийн нэгэн баталгаа болохыг, мөн нийгэм, улс төрийн өөрчлөлт бүр нэрээр илэрч байгааг олж тодорхойллоо. Хотын нэршилд засаг захиргааны үүрэг их ба нэр өөрчлөх, дахин нэрлэх, шинээр нэр өгөх, хаягжуулах зэрэг ажлыг зохион байгуулах нь хотын цаашдын хөгжилд ихээхэн ач холбогдолтой болох нь харагдаж байна.

Судалгаанаас дүгнэхэд нэр нь ард түмний ёс заншил, уламжлал, тухайн хэлний тогтолцооны өвөрмөц онцлог, харь хэлний нөлөө, нийгэм, эдийн засгийн хэвшил, болон хөгжлийн түүхийг өөртөө тусгаж байна.

Зөвлөмж. Эрдэнэт хотын орон сууцны хороолол болон зарим барилга байгууламж дээр бичсэн нэр баларч бүдгэрсэн, шинээр нэрлэсэн гудамж, талбайд хаяг хийгээгүй учир албан ёсоор баталсан 22 гудамж, 4 талбайг шинэчлэн хаягжуулж олон нийгэд таниулах нь хотын соёл, хөгжил, түүхэнд ихээхэн ач холбогдолтой юм.

Ном зүй

1. Ганболд, Х. (2006). *Эрдэнэтийн түүхийн он цагийн бичээс -1.*
2. Ганболд, Х. (2006). *Эрдэнэтийн түүхийн он цагийн бичээс -2.*
3. Лхагважав, И. Чулуунцэрэн, С. (1980). *Илгээлтийн эзэд Эрдэнэтэд.*
4. Нансалмаа, Н. (2012). *Ерөнхий хэл шинжлэл.*
5. Орхон аймаг Баян-Өндөр сумын ЗДТГ, (2014). *Баян-Өндөрийнхөн*
6. David Vaculik, (2010). *The past and current state of urbanonamy.*
7. Качалкова, Ю.А.(2013). *Урбанним.*
8. Шмелева, Т.В. (2013). *Ономастика.*
9. Орхон аймгийн Иргэдийн Төлөөлөгчдийн хурлын тэргүүлэгчдийн тогтоол, (2016). *Гудамж, талбайд нэршил олгох тухай.*
10. Эрдэнэт хотын Ардын Депутатуудын хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоол, (1976 он 7-р сарын 10). *Хотын гудамжинд нэг тогтоох тухай.*

11. Эрдэнэт хотын Ардын Депутатуудын хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоол, (1980 он 01-р сарын 09). *Орон сууц ,гудамжны хороодыг шинэчлэн зохион байгуулах тухай.*

12. Эрдэнэт хотын Ардын Депутатуудын хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоол, (1982 он 04-р сарын 09). *Орон сууц,гудамж хороо байгуулах тухай.*

13. Эрдэнэт хотын Ардын Депутатуудын хурлын гүйцэтгэх захиргааны тогтоол, (1991 он 04-р сарын 24). *Гудамж талбай нэрлэх тухай*

УДК 809.423-06

Т. Б. Тагарова

Россия, Иркутск

К вопросу о символе как проявлении бурятской лингвокультуры

На материале лексических и фразеологических единиц описываются символы бурятского языка как единицы лингвокультуры, обозначающие проявления жизни. Выявляются универсальные и специфично национальные символы, их отличия от метафоры, в то же время размытость границ между данными тропами, полисемантичесность и образность символов.

Ключевые слова: бурятский язык, лингвокультура, символ, полисемантичесность, фразеологическая единица, универсалия, национальная специфика, языковая картина мира.

On the material of lexical and phraseological units describes the characters of the Buryat language as a unit of culture, representing the manifestations of life. Identifies the generic and specific national symbols and their difference from the metaphors, at the same time blurring the boundaries between the data tracks, presemanticist and imagery of the characters.

Keywords: Buriat language, linguistic culture, symbol, polysemy, phraseological unit, universal, national identity, language picture of the world.

Лингвокультурология – лингвистическая дисциплина, оформившаяся в 90-е годы XX века. Областью исследования данной науки стали взаимоотношения понятий «язык – культура», которые получают воплощение в идеях языковой и концептуальной картин мира, а также национальных лингвокультур. Как известно, человек погружен в культурную среду знаковым способом, а язык признается подлинным хранителем культуры. Своевременность и новизна настоящей статьи определяются предпринятой попыткой представить и проанализировать еще не изученный ряд единиц бурятской лингвокультуры и их основные свойства.

В данной статье делается попытка описать такую единицу бурятской лингвокультуры, как символ (бурятский термин *һүлдэ тэмдэг*, халха-монгольский – *бэлгэ тэмдэг*) в языковом выражении с точки зрения семантики. В монгольской лингвокультурологии, ко-

торая в настоящее время переживает бурное развитие, уже имеются значимые труды Г. Ц. Пюрбеева, Н. Л. Жуковской, Л. Г. Скородумовой, Е. А. Бардамовой, М. М. Содномпиловой, Т. С. Есеновой, Г. А. Дырхеевой, Д. Д. Дондоковой, Н. П. Дондоковой и др. Монгольскую лингвокультуру представляют Ж. Баянсан, С. Дулам и др. Наряду с многообразными концептами проблемы символа также получают там своё освещение, но, все же, символы требуют специального рассмотрения, как объекты лингвокультурологии. Несомненно, монгольские языки богаты символами, получившими языковую репрезентацию. Мы рассмотрим небольшую часть наиболее значимых, часто встречающихся символов бурятского языка, означающих жизнь в широком значении, её проявления.

Таковыми отечественными лингвистами, как Ю. Д. Апресян, В. Н. Топоров, Г. В. Колшанский, А. Д. Шмелев, В. А. Маслова, Н. И. Толстой, С. Е. Никитина, Т. В. Цивьян, Н. Д. Арутюнова, В. А. Звягинцев, Ю. С. Степанов, А. В. Кравченко, М. Л. Ковшова и др. уже давно отмечена необходимость изучения фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами-символами. Фразеологизмы, сохраняя свою языковую функцию и собственно языковое значение, развивают в семантике символичный компонент, т. е. передают культурную идею с присущим ей ценностным содержанием. Ещё Ю. М. Лотман ставил вопрос о значении символического компонента. Он полагал, что наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое в свою очередь служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания [4, с. 147].

Как одну из важнейших функций символа, семиотическую, подчёркивает Е. С. Кубрякова. Всему существующему в мире человек присваивает в процессе освоения и познания семиотический смысл. Так, материальные объекты, став символами, приобретают знаковую функцию идеального. «Готовое» тело (объект, лицо, ситуация) используется в новых смыслах и функциях; «такое использование предполагает как бы определенную «идеализацию» объекта, его «трансляцию» из мира материального в мир идеальный» [3, с. 96].

Как отмечается лингвистами, включенное во фразеологизм в качестве компонента, имя-символ инкорпорирует свои смыслы в семантику фразеологизма, создает культурную коннотацию, обуславливая особую роль фразеологизма – воплощать в себе символическое значение. О символическости должны свидетельствовать факты культуры: ритуалы, обряды, обычаи, поверья, приметы, предписания культуры, фольклорные, библейские, литературные тексты, в которых

устойчивое значение той или иной реалии получило свое глубокое отражение [2, с. 29].

В отличие от метафоры символ может выполнять семиотическую функцию, являясь означающим некоторого смысла. В символе устойчив образ, выполняющий функцию означающего. Символ может быть не только назван, но и изображён. Например, символ *ГАЛ* ‘огонь’ в образе трёх языков пламени, отражающий жизнь в прошлом, настоящем и будущем, имеется в знаке Соёмбо, гербе монгольских народов, утверждённом в 1924 г. в МНР. Огонь у монголов означает продолжение семьи, рода, расцвет народа. Знак огня вместе с солнцем и месяцем символизирует расцвет и движение вперёд [1, с. 66].

Монгольский герб, как известно, содержит изображение двух рыб. В архаичной монгольской картине мира *ЗАГАЪАН*, *ЗАГАС* (старомонгольское *juγasun*) ‘рыбы’ являлись символом бдительности (*сонор соргог*), так как всегда бодрствуют, по представлению монголов. Рыбы символизируют мужское и женское начала (шире *инь* и *янь* – взаимодействие крайних противоположностей), равенство мужчин и женщин, которые способствуют процветанию страны в равной мере и т. д.

ЛЁНХОБО СЭСЭГ или *БАДМА СЭСЭГ* ‘лотос’ представляет собой буддийский символ чистоты, целомудрия и т. д.

Важное свойство символа – это его мотивированность, которая устанавливается между конкретным и абстрактным элементами символического содержания. Мотивированность символа объясняется аналогией, которая составляет основу такой семантической транспозиции, как, например, метафора, метонимия и синекдоха.

От символов метафору отличает отсутствие прямой адресации, регулятивной (прескриптивной) функции.

Замечено, что символ выполняет функцию передачи целых текстов в свёрнутом виде. Так, часто в названии произведения заключается лейтмотив, который в свою очередь строится на образе-символе.

Например, в повести бурятского писателя Ц. Дона «Хиртэһэн һара» (1939) («Затмение луны») образ *ҺАРА* ‘луны’ в затмении – это символ смятенного состояния души героя, который переживает сложную ситуацию: по наущению врагов коммуны он должен сжечь стога сена, но ему мучительно больно делать это, так как это был его труд и труд односельчан. Это природное явление, происходящее как раз в момент его принятия решения, символизирует и светлые и тёмные стороны души героя. В названии романа «Үүрэй толон»

(1950) («На утренней заре») Х. Намсараева *ҮҮР* ‘рассвет’, ‘заря’ – символ начала новой светлой счастливой жизни и т. д.

Символ имеет различный смысл в различных культурах, но всегда соотносится с содержанием передаваемой им культурной информации. Символ может быть универсальным и национально-специфичным для разных языков. Рассмотрим самые распространённые в бурятском языке символы-компоненты ФЕ.

Солнце относится к универсальным символам. Согласно европейской символике, солнце – «один из двенадцати символов власти, основной символ созидательной энергии. В качестве источника тепла Солнце представляет собой жизненную силу, страсть, храбрость и вечную молодость. Как источник света оно символизирует знания, интеллект. В большинстве традиций Солнце – символ мужского начала.

Солнце также – это жизнь, живучесть, воплощенный характер личности, сердце и его устремления» [10]. По бытованию лексемы *НАРАН* ‘солнце’ в бурятском языке, значение символа несколько отличается.

Солнце как символ широко употребляется в бурятских паремиях, фразеологических единицах.

НАРАН ‘солнце’ – символ многозначный, это символ красоты, любви, веселья, жизни, удачи. Признак «свет», «наполненность светом» несет положительную коннотацию: бур. *досоо наран гараба* внутри солнце взойшло, т. е. появился свет, несущий положительную коннотацию.

Наглядно представлено *НАРАН* ‘солнце’ в качестве символа удачи, счастья в словарной статье нашего фразеологического словаря [9, с. 202–203]. Данный символ связан с проявлением этнической культуры – ритуалом-состязанием, что говорит о древности образования и бытования данного символа:

нара буляаха. Бувк. Солнце отбирать. 1. Дорогу пересекать (перед кем-нибудь). 2. Перехватить удачу, счастье. Урагууднай угтамжа дээрэмнай тулажа ерээд, наана саана хоёрһоо нара буляалдажа эхилээд, нэгэ хурдан буурал моритой хүбүүн хиш халхин шэнгээр хорёо дээгүүр тэмгэ тэмгэ харайлгажа гараад, нара буляажархибал. Тиймэ нара буляалдаан гээшэ жаргалай түлөө залуу үеын тэмсэл гэйэн удхатай юм [9, с. 203]. – Сваты наши прибыли на место встречи, начали с двух сторон состязаться, кто кому дорогу пересечёт, один парень на быстром сивом коне, словно ветер перемахнул через забор, и выиграл победу. Такие состязания называются «Захват солнца» и имеют значение борьбы молодого поколения за счастье.

Новое значение – ‘выигрывать спортивное состязание’ (в современном понимании): *Алтан медаль адхажа халабалиш даа, Виля. Грузденин «бэрхэсээлые» дабааш, нараяа буляагааш* [9, с. 203]. – Смог же отхватить ты свою золотую медаль, Виля. Одоле л «трудности» Грузденя, выиграл победу («отобрал солнце»). (*Пер. здесь и далее наш – ТТБ*).

Солнце, несущее свет, тепло, символизирует радость жизни, счастье в составе парного слова с компонентом *ногоо* ‘зелень, трава’ в ФЕ:

нара ногоо татаха. Букв. Солнце зелень притягивать. Светло, весело (смеяться). Тэрэ эхэнэр нара ногоо татуулан энеэбхилээд <...> [9, с. 204]. – Та женщина светло и весело засмеялась <...>.

Аюур эхынгээ зол жаргалын, замын гэрэлтүүлхэн наранин байгаа. Хүршэнэрэйнгөө хүбууен магтахадань <...> энхэрэг хайхан шарайгаар харахадань, эхын досоо нара ногоо татадаг хэн [9, с. 204]. – Аюр был её счастьем, солнцем, освещающим её путь. Когда соседи хвалили её сына <...>, глядя по-доброму, нежно, в душу матери словно притягивались солнце и свет.

Ногоо(н) ‘зелень’, ‘трава’ также несёт положительную коннотацию, так как связана с тёплым временем года, ассоциируется с благополучной жизнью.

Бур. ФЕ *эръехэ наран, ээлжээлхэ түрэ* ≈ будет и на моей улице праздник (букв. возвращающееся солнце, очередная свадьба) отражает уверенность в наступлении лучшего будущего [9, с. 544–545], она антонимична ФЕ *өөдэ нара харахагүй* ≈ света белого не видеть (букв. вверху солнца не видеть) [9, с. 254], которая связана с мифологическим восприятием низа как средоточия всего плохого, а верха – как хорошего. Таким образом, метафора здесь, осложняясь культурными коннотациями, превращается в символ. Но чаще несколько метафор, переплетаясь, создают символ. ФЕ *өөдэ нара хараха* ‘видеть солнце вверху’ равноценно понятию «жить»; ср. в тюркских языках, во многом близких монгольским, напр., в каз. *күн көр* = ‘жить’ (букв. солнце видеть).

С солнцем связан общей семантикой *ГАЛ* ‘огонь’ – блеск, жар одинаково характерны для них. Как пишет Л.Г. Скородумова, огонь, как олицетворение жизни, связан с прародительницей рода человеческого, всего живого на земле, богиней Умай <...> [7, с. 254].

Бур. ФЕ *галда уна адхаха, гуламтада уна адхаха* ‘погасить, разрушить очаг’ (букв. в огонь воды плеснуть, в очаг воды вылить) [9, с. 99–100], образована путём метонимизации, развившейся в метафоризацию значения ‘лишить жизни людей’, так как без огня нет

жизни. Общеизвестно, что очаг является символом дома, семьи. В русском языке у слова ‘очаг’ также имеется значение ‘источника чего-либо’, ‘средоточия чего-нибудь’, например, ‘очаг войны’, ‘очаг пожара’, ‘очаг инфекции’ [5, с. 445] и т. д. В бурятском языке встречается словосочетание, появившееся под влиянием русского языка, – *гэгээрэлэй гуламта* ‘очаг просвещения’ и т. д. Символа, несущего отрицательную коннотацию, данное слово не представляет, как показывают наблюдения над фразеологическим материалом.

Огонь – символ внутренней энергетики человека, жизненной силы: ср. бур. *нюдэндөө галтай* ‘с огоньком в глазах’ [9, с. 235] и т. д.

ГАЛ ‘огонь’ у монголов символизирует жизнь. Интересно авторское видение *ГАЛ* огня, символа жизни, способной обжигать и нести страдание: *Галда тэгүүлэн / эрбээхэйдэл ажабайдалһаа / шатаадише зоболойб*. Г. Раднаева. Талын булаг. – К огню устремлённой / бабочке подобно о жизнь / обожглась, страдала. Ср.: её же строчки: *Галда тэгүүлэн эрбээхэй мэтэ / залуу наһам, аюултай байнаш* [9, с. 99] – Слово бабочка, устремившаяся к огню, / молодость моя, ты опасна.

Д. Улзытуев неоднократно использует словосочетание *галта юртэмсэ* ‘огненная вселенная’ [8, с. 67, 72], где эпитет, как можно предположить, отражает и прямое описание состояния космоса, звёзд, в огне, и значение бурного движения космических тел. Поэт традиционно опасается огненной стихии в степи: *Гасуур үедэ гал аюул аймшагтай* [8, с. 30], сравнивает огонь с любовью: *Дүлэн мэтээр / Дурани ялагас гээ...* [8, с. 260], где *дүлэн* ‘пламя’ синоним *гал* и т. д. Традиционным, на наш взгляд, является характеристика времени войны как огненного у Д. Улзытуева. В провидческих строках поэта, прожившего, к сожалению, короткую жизнь, «*Өөрымни гал / Өөдэтэй удаан носоогүй, / Бадаржа байхадань, / Бардам хүжюу үбгэндэл, / Дулаасахаа ерэнэн / Дууша залуу хүбүүды / Утан һуудаг һэм / Урматай, золтой, баяртай!*» [8, с. 14] содержится символ *ГАЛ* в том же значении – значении жизни. Перевод: Мой огонь / Не долго горел ввысь, / Когда он распускался, / Я, словно горделивый веселый старик, / Пришедших погреться / Певучих молодых ребят / Встречая сидел, / Довольный, счастливый, радостный!

Полисемантическая символа ‘огонь’ подтверждается значением ФЕ *гал дээрэ тоһо адхаха* ≈ в огонь масла подлить, усилить какой-либо процесс. Конкретное значение стихии огня абстрагировалось до значения некоего большого, бурно развивающегося процесса, например, революционного движения, сравниваемого с огнём у

Х. Намсараева в «Үүрэй толон». См. контекст: *Россиин центртэ аһаагдаһан революциин ошон хаа ханагүй таража, <...> гал дээрэ тоһо адхаһан шэнги, улам хүртэ ехэ дүлэн боложо <...>* [9, с. 96] – Зажженная в центре России искра революции распространилась повсюду, словно от масла, пролитого на огонь, становилась устрашающим пламенем. Ср. <...> «*хубилган шэнэдхэлгын түүдэгтэ*» *тад ондоо тоһо хаяжархихаяа һанадаг хүнүүд <...>* [Там же] – Люди, желающие бросить совершенно другое масло в костер перестройки... Этим же словосочетанием передаётся психологическое состояние человека: *Тезд нүгөөдэнь гал дээрэ тоһо адхаһан шэнгээр гомдол, гажаралыень бүришье ехээр шатаажархиба* [Там же] – Но тот, словно масла в огонь подлил, еще сильнее разжег его обиду и т. д.

Таким образом, символы в бурятском языке являются яркими, образными элементами языковой картины мира, национально специфичны. Национально-культурная специфика символов заключается в отражении элементов культуры кочевого образа жизни. Символы являются стереотипизированным явлением культуры монгольских народов, основанным на мифах, архетипах, ритуалах и т. д. В то же время имеются универсальные для русской и бурятской лингвокультуры символы. Наблюдается расплывчатость границ между символами, метафорами. Один и тот же концепт может выступать в роли метафоры и в роли символа. Символы полисемантичны. Важную роль в идентификации символа играет контекст, в частности, фразеологическая единица как минимальный контекст. Символ, компонент ФЕ, способствует образованию символьного значения ФЕ. Связь слова-символа с фразеологическим значением основана на наивной картине мира, например, об этом свидетельствуют ФЕ с компонентом 'небо' и 'земля', 'верх' и 'низ', восходящие к мифу о строении мира из трёх уровней – небес (*нирвана* 'рай'), наземной части (*газар дээрэхи* – промежуточной) и подземного царства с ханом Эрликом (*тама* 'ад'). Очевидно, что данные компоненты-символы демонстрируют универсальную картину мира.

Символы часто используются в бурятской литературе в качестве лейтмотивов произведения. Символическое значение получают те явления, предметы, которые в наибольшей степени являются жизненно важными, жизнеутверждающими, без которых немислима жизнь человека. Процесс образования или создания символов есть показатель способности к абстрактному мышлению человека, к обобщению. Отмечается возможность создания окказиональных символов в художественных произведениях, особенно в поэзии, что связано с их ёмкостью семантики, функциональностью. Несомнен-

но, символы в языковой репрезентации в монгольских языках представляют собой ещё не до конца изученную сферу и требуют углубления исследования. Национальная самобытность символов может быть выявлена при сопоставлении с другими языками.

Список литературы

1. БНМАУ. Сүлд. Далбаа. Дуулал.Соёмбо. Нийслэл. Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1986. 94 х.
2. Ковшова М. Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация / Ин-т языкознания РАН. 2009. № 1. С. 27–31
3. Кубрякова Е. С. Осемантически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство : сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 95–101
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 10-е, стер. М. : Советская энциклопедия, 1973. 847 с.
6. Раднаева Г. Талын булаг. Уянгата шүлэгүүд. Закаменск : Закаменскын типографии, 1994. 127 н.
8. Скородумова Л. Г. Монгольский язык: образы мира. Улан-Батор : Бемби сан, 2004. 328 с.
9. Улзытуев Д. Зохёолнуудай суглуулбари (Ш боти) (=Собрание сочинений : в 3 т.) / Дондок Улзытуев ; [отв. ред. Л.С. Дампилова]. Улан-Удэ : Новапринт, 2016. 472 с.
10. Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
11. Энциклопедия символов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lmbf.org/>

УДК 81=512.31

Б. Ц. Цыренов

Россия, Улан-Удэ

Хүнийн хайн ба муу талааа зураглаан зарим тэмдэгэй нэрэнүүд

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310266-8)

В статье рассмотрены прилагательные бурятского языка, характеризующие человека с хорошей и плохой стороны. Отмечается что данные слова находятся в антонимических и синонимических отношениях в том числе и с фразеологизмами и пословицами, поговорками. Данные прилагательные отражают отношение человека к окружающим и выражают оценку человека и его характера.

Ключевые слова: прилагательные, бурятский язык, характеристика, плохой, хороший.

The article considers the adjectives of the Buryat language that characterize a person from a good and a bad side. It is noted that these words are in antonymic and synonymous relations, including phraseological units and proverbs, sayings. These adjectives reflect the attitude of a person to others and express an assessment of a person and his character.

Keywords: adjectives, Buryat language, characteristic, bad, good.

Хүнэй абари зан элдэб янза байдагынь гайхалтагүй. Үдэр бүри, үдэрэй хэдэн дахин бидэ бусад зонтой харилсадаг гээшэбди, теэд ямаршые зантай хүнтэй хөөрэлдэхэ, ямар нэгэн ажал суг хэхэ ушар байдаг ааб даа. Тиин хүн бүхэнэй абари занда талархаха (*хайн, налгай, зулгы* г. м.), заримдаа муу зан (*муу хүн, хэрзэги, хэнтэг* г. м.) тэсэхэ зэргэтэй болодогбди. Харин хүн ушархан бүхы юумые, үзэгдэлые нэрлэхын хажуугаар, тэрээндэ өөрынгөө онсо хандасатай байжа, али али талаһаань зураглан нэрлэдэг гээшэ. Ямар нэрэ үгэхэбди, ямараар элирхэйлхэбди – эдэ бүгэдэ ушарагшаһаа дулдыдаха, мүн хандагшын өөрынь абари зангһаашые дулдыдажа магад.

Тус темээр бусад хэлэнүүдэй материал дээрэ хэдэн диссертационууд хамгаалагданхай, жэшээн, алтай, ород хэлэндэ хүниие зураглаһан тэмдэгэй нэрэнүүдые Н. В. Терехова [2002], А. А. Добринина [2006], О. А. Мордвина-Щодро [2007] болон бусад шэнжэлһэн байна. А. А. Добринина диссертациинга оролтодо иигэжэ бэшэнэ: «Самое частотное прилагательное в рассматриваемой ЛСГ в алтайском языке – *жалакай*, в русском – *добрый*. Эти слова репрезентируют самую важную черту характера в языковом сознании алтайцев и русских. Слова *куучынчы* ‘общительный’, *тöп* ‘серьезный’, *ачык-жарык* ‘открытый’, *жобош* ‘тихий’, *шитенкей* ‘трудолюбивый’, *керсү* ‘мудрый’, *жалтанбас* ‘смелый’, *буурзак* ‘добросердечный’, *күндүчи* ‘гостеприимный’, *турумкай* ‘стойкий’, *килеукей* ‘жалостливый’, *нак* ‘дружный’, *чыдамкай* ‘выносливый’, *ак-чек* ‘честный’, *чындык* ‘верный’, *токыуалу* ‘спокойный’, *кичееукей* ‘старательный’ называют каждое одну из ведущих черт характера, которые алтайцы желают видеть в человеке» [1, 2006, н. 4].

Бураад хэлэн уян нугархай, адлирхуу удхатай үгэнүүдээр баян тула, ямар нэгэн юумэ зураглахада ехэ элбэг баян арга боломжо олгодог гээшэ. Хүниие хайн ба муу талаһаа зураглахада, хэдэн олон юрын ба орёо бүридэмэл тэмдэгэй нэрэнүүд, тогтомол холбоо үгэнүүд болон фразеологизмнууд хэрэглэгдэдэг юм. Тэрэ эрьегүй үргэн далай үгэнүүдэй, холбуулалнуудай дундаһаа хэдэхэниинь бидэ хаража үзэе.

Һайн	Муу
Тэмд. н.	Тэмд. н.
<i>Һайн</i>	<i>муу</i>
<i>сэсэн</i>	<i>тэнэг</i>
<i>ухаатай</i>	<i>мунхаг</i>
<i>үнэн / сэхэ</i>	<i>худалша</i>
<i>томоотой</i>	<i>тоомгүй</i>
<i>даруу</i>	<i>сүхалтай</i>
<i>бэрхэ</i>	<i>залхуу</i>
<i>урин</i>	<i>хэрзэги</i>
<i>зулгы</i>	<i>хатуу</i>
<i>хүндэмүүшэ</i>	<i>яяр / яндан</i>
<i>зүрхэтэй</i>	<i>аймхай</i>
<i>эдбэг гартай / бардам</i>	<i>харуу / хомхой / хобдог</i>

Дээрэ дурадхагадахан тэмдэгэй нэрэнүүд олонхи ушарта удхын дүтэрхыһээ дулдыдажа хос хэрэглэгдэг, жэшээн, *сэсэн ухаатай, урин зулгы, үнэн сэхэ; харуу хобдог, яяр яндан* г. м. Тиихэдээ гэдэ бэе бэеынгээ удха гүнзгырүүлдэг, тодорхойлдог, хамаатай хүнэйнгөө зан бүри элээр зурагладаг. Мүн баһа хүниие зураглаһан үгэнүүд хоорондоо харша удхатай байдаг. Һайн гү, али муу талын хоорондоо адлирхуу удхатай тэмдэгэй нэрэнүүд дундаа синонимууд болохоһоо гадная фразеологизмнуудтай, оньһон ба хошоо үгэнүүдтэй синонимой харилсаатай болодог. Үшөө нэгэ онсонь гэхэдэ, эдэ үгэнүүд хамтадхаһан зан, зантай, абаритай, абари зантай гэхэ мэтэ үгэнүүдтээ суг хэрэглэгдэг гэжэ тэмдэглэхэ хэрэгтэй.

Эдэ үгэнүүдые ами амьарнь, харша удхатайнуудын зэргэсүүлэн, буряад хэлэнэй сахим корпусһоо абтаһан жэшээнүүдээр баталан хаража үзэе.

Һайн:

Эрдэмтэй мүртөө, Һайн хүн засаг түрэ барибал, / Эмхитэй, эбтэйгээр арад түмэн жаргадаг (Д. Улзытуев) [1]. *Яһала сэхэ сэбэр, Һайн хүн гэжэ бултадаа һанаа һэмди* (Б. Санжин, Б. Дандарон) [1]. Эндэ табигдаһан жэшээнүүд соо Һайн гэһэн тэмдэгэй нэрэ сүлөө холбуулалда орожо хүниие элирхэйлнэ, харин удаадахи жэшээнүүдтэ *Һайн* гэжэ үгэ фразеологизмуудай ба оньһон үгын бүридэлдэ ороод байна: *Һайн хүн һаниагһаа сайха гэдэг* (З. Гомбожабай) [1]; *Һайн хүн һанаагаараа гэжэ харин өөрөө хүрээжэ ерэбэ ха юмта, – гэжэ Гомбо энеэбхилэн байжа хэлэнэ* (Ц. Дон) [1].

Сэсэн. Тус үгын удха эли тодо байна, гэбэшье хэдэн жэшээгээр баталая: *Бөө хүн хамагые ойлгодог сэсэн хүн бэээ гэжэ Доржо ханадаг ябаа* (Ч. Цыдендамбаев) [1]; – *Ай, Бадмашика, ай, Бадмашика. Ши мэхэтэй хүн, тшигээд ши сэсэн хүн байна* (Х. Намсараев) [1].
Хүүлшын жэшээдэ автор приставай амаар Бадма абгай геройгоо иигэжэ хоёр талаһаань – зүрилдүүлэн элирхэйлхэ юм.

Хүндэмүүшэ. Нүүдэл байдалтай байһан буряад зон айлшаниие угтан абахадаа, бүхыгөөрөө оролдодог гээшэ, тиин хүндэмүүшэ зан дээдэдэ тоологдодог байһан. Жэшээнб: *Эхэ, эсэгэнь яһала уримгай хүндэмүүшэ зон байһан юм* (М. Осодоев) [1]; *Пормоонтон угаа һайн хүндэмүүшэ айл байшоо* (Ц.-Д. Хамаев) [1].

Хэдэн жэшээ эли удхатай хадань тайлбаригүйгөөр дурадхая.

Бэрхэ: *Сэрэнцүү жааханһаа эртэшиэ бэрхэ юм һэн* (Ц.-Ж. Жимбиев) [1]; ... *Э-э, хүбүүн, яһан бэрхэ хүбүүн гээшэб!.. – үбгэжжөөл һааритай шэрүүн альгаараа Толийн тархи эльбээд абаба* (Б. Мунгонов) [1].

Томоотой: *Тэрэниие томоотой хүн гэжэ ханаһамни, хүнгэн ябадалтай хүн байшоо... – гэжэ Сэрэнцүү сэхэ руунь хэлэбэ* (Ц.-Ж. Жимбиев); *Тиимэ хадань эдэ министрнүүдые алгад ябуулга хэхэ байгаат, минии нүхэр, томоотой хүн хадатнай хэлэнэб даа, – гэбэ* (Б. Санжин, Б. Дандарон) [1].

Зулгы: *Иимэ урин шарайтай, илдам зулгы зантай, ажалиша бэрхэ бэритэй болобол хэды ехээр жаргаха һэм?..* (Ц.-Ж. Жимбиев) [1]; – *Даруу номгон зантай, сэбэр һайхан шарайтай, урин зулгы шамайе дахангүй яахаб, – гэжэ Насаг хэлээд, Сониин гар бариба* (Г.-Д. Дамбаев).

Ажалай хэмжүүрэй бага дээрэһээ, *һайн* тала зураглаһан тэмдэгэй нэрэнүүдһээ нүгөө таладань, *мууе* элирхэйлһэн тэмдэгэй нэрэнүүдтэ ороё. Энэ дэлхэйдэ ажаһуугша ямаршье арад хүнэй муу абари зан шоодборилдог, хүндэгүйдэ тоолодог. Буряад хэлэнэй энэ түхэлэй үгэнүүдые абажа харахада, ехэнхидээ *х* хашалганаар эхилһэн гү, али бүридэлдөө тус хашалгантай байна. Энэньшье фоносемантикын (үгын абяанай бүридэлэй удхада нүлөөлгэ) буряад хэлэндэ удха шанартай байһые эрдэмтэд һаяын үедэ элирүүлэн баталһан байна [4, 2012].

Энэ юртэмсын түни түбшэн тогтохын тулада хоёр тала тэнсүүритэй байха гэдэгээр, *һайн* гээшэдэ *муу* гэжэ тэмдэгэй нэрэ зүрисэлдэн байна.

Муу: – *Нүхэр Сукоев, намайе муу хүн гэжэ бү ханагты, – гэжэ эхэнэр хоолойгоор хэлэбэ* (Ж. Тумунов); – *Тэгшэ яһан ямар муу хүн гээшэб, – гэжэ Цоли ханаа алдана* (Ч. Цыдендамбаев) [1].

Тэнэг: Энэ тэнэг Гончог-Жамцада өөхэдынгөө хараа түсэб тухай хахадшые үгэ бү дуулга (Б. Санжин, Б. Дандарон) [1]; Тэнэг Антошын саашаа ошохые хойнохоонь хаража байхан хубүүд саашаа ябабад (Ч. Цыдендамбаев) [1].

Эрдэмтэй, ухаатай хүниие мунхагтай зэргэсүүлэн табидаг гээшэ. Буряад арад анханһаа эрдэмдэ эрмэлзэлтэй, сэсэн ухаа дээшэ үргэжэ ябадаг тула, мунхаг мурюу хүниие шоодборилдог байһаниинь мэдээжэ: Моридынь сэргэдэ ганхашоод, /Мунхаг/ эзэдээ хүлээнэ... (Д. Эрдынеев) [1]; Мүнөө ханахадам, даншые мунхаг, тэнэг хүн ябаал даа (С. Цырендоржиев).

Хара ажалаараа хоолоо гэжээдэг, хубсаһа хунараа, гэр байраяа зохёодог зон залхуу хүндэ огто дурагүй, гэбэшье ажабайдалай ямаршые талада ажалһаа зайладаг хүниие хэн тэсэхэб даа: Залхуу хүн ном үзэхэ дурагүй юм гэжэ эсэгэшини хэлээл ёһотой, – гэжэ Шагдар тээшэ Доржо хилам гэбэ (Ч. Цыдендамбаев) [1]; «...Тэрэ басаган намайе яяр залхуу хубүүн гэжэ ханаа хаа, харатайгаар лэ эндүүрһэн байха» гэжэ шэбшэжэ хэбтэтэрээ унташаһан байгаа бэлэйб (Ц.-Д. Хамаев) [1].

Хэрзэги: Ехэрхүү, хэрзэги зантай хүн байгаа хаа, орошоходомни, юун гэжэ ханахань гээшэб гэжэ Должон ханаагаа зобон түбэгшөөнэ (Ц. Дон) [1]; Мархааниие хамгаа сохидог, архи уудаг, ууртай хэрзэги хүн, тшигээшые хаа сэхэ зантай байха гэжэ Минжур колхозойнгоо амбааршан ябаһан Самбууһаа мэдэбэ (Ж. Тумунов) [1].

Харуу / хэнтэг / хомхой / хяһуур – эдэ үгэнүүд олонхи ушарта хос хэрэглэгдэдэг, юе бэеынгээ удха дэлгэрүүлдэг, тодорхойлдог гээшэ: Хаанашые ошоходо, мүнөөхил харуу хэнтэг Мархансайтан, үгытэй ядуу Эрдэмтээн байха бэишэ аал? (Ч. Цыдендамбаев) [1]; Үбгэн Согто үтэлхэдөө хэнтэг, харуу, хяһуур боложо, хогшиол зөөри суглуулаа бэишэ, харин нэгэл боро бодол гүйлгөө юм (Ц.-Ж. Жимбиев) [1].

Хүниие найн ба муу талаһаань зураглаһан үгэнүүд буряад хэлэндэ ехэ элбэг. Гэбэшье бидэ энэ ажалда үсөөн хубиинь абажа харабабди. Тиин хүнэй абари зан шүүмжэлжэ, тааруу тусхай сэгэнлтэ үгэжэ хүн энэ дэлхэйдэ ажана түбшэн түбхинэдэг гээшэ. Энэ болбол хүнэй юртэмсэтэй ниисэхэ, юртэмсэдэ ажаһууха тон шухала арга нүхэсэлнүүдэй нэгэн болоно гээшэ. Ардан Ангархайевай геройдол адляар найн – мууе илгаруулжа ябаха шухала: Би хүнэй найн мууе булад шэрэм хоёрые илгаруулһандал мэдэгшэб! ... (А. Ангархаев) [1].

Список литературы

1. Буряад хэлэнэй сахим корпус [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 18.10.2019).

2. Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека: в сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Новосибирск, 2006. 193 с.

3. Мордвина-Щодро О. А. Антонимо-синонимические блоки прилагательных, называющих черты характера человека: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Санкт-Петербург, 2007. 272 с.

4. Сундуева Е. В. Вербализация чувственного восприятия средствами корневых гласных [ɾ] и [m] в монгольских языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22. Улан-Удэ, 2011. 371 с.

5. Терехова Н. В. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением «характер человека» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Махачкала, 2002. 156 с.

УДК 8:008.001

Н. Д. Цыренова

Россия, Улан-Удэ

Стилистические особенности в сочинении «Практические заметки бурятского эмчи-ламы Д. Эндонова»

*Работа выполнена в рамках государственного задания
(проект «Памятники письменности народов Внутренней Азии:
исследование, перевод и презентация»)*

В статье представлены стилистические особенности текста малоизученных рукописных заметок видного бурятского лекаря, эмчи-ламы по имени Дондуб Эндонов (1870-1937), хранящихся в монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. По монгольскому его рукопись называется «Qoyusun töbed-ün emči neremji-tü Dondub Möngke-yin töbed emnel-ün yosun-iyar emčiilege-yin tuqai-du ebedč'in eldeb jüil-üd-tü em ögtügsen temdeg-tü bičig dangša bolai» (заметки тибетского врача Дондуб Мункуева о лечении различных заболеваний лекарственными средствами тибетской медицины), и состоит из 49 листов, сброшюрованных в виде книжки. Эндонов начинает свои заметки с упоминания этнографа-собираателя Генин-Дарма Нацова (1901-1942), который предложил ему написать об опыте личной врачебной практики. Согласно авторскому колофону, рукопись была закончена 10 февраля 1935 г. В рукопись, написанную на старомонгольском языке, Д. Эндонов включает многочисленные вставки на тибетском языке, которые преимущественно касаются названий отдельных заболеваний, прописей по названиям лекарств, а также имеется большой пласт слов бурятского языка. Выявлена источниковая база исследуемого письменного памятника. В заметках при написании слов на старомонгольской письменности автор не придерживается общепринятых старомонгольских правил написания тех или иных слов, а монгольскими буквами пишет бурятские слова. Эти сравнительно небольшие по объему заметки Эндонова и сегодня не утратили своей ценности и вызывают несомненный интерес исследователей.

Ключевые слова: рукопись, тибетская медицина, архивные документы, Дондуб Эндонов.

The article presents the stylistic features of the text of poorly studied handwritten notes by the prominent Buryat doctor, an emchi-lama named Dondub Endonov (1870 - 1937?). The notes are stored in the Mongolian fund of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBT SB RAS. This manuscript is called «Qoγusun töbed-ün emči neremji-tü Dondub Möngke-yin töbed emnel-ün yosun-iyar emčillege-yin tuqai-du ebedčün eldeb jüil-üd-tü em ögtügsen temdegang tégang temdegang toldegang temdegang bolde temdegang» and consists of 49 pages stitched in the form of a book. Endonov begins his notes by mentioning the ethnographer-gatherer Genin-Darma Natsov (1901–1942), who suggested him to write about the experience of personal medical practice. According to the author's colophon, the manuscript was completed on February 10, 1935. In the manuscript which was written in the Old Mongolian language, D. Endonov includes numerous inserts in the Tibetan language, which mainly relate to the names of certain diseases, prescriptions for the names of medicines, and there is also a large layer of Buryat language words. The source base of the investigated written monument is revealed. When writes words in the Old Mongolian script, he does not follow to the generally accepted Old Mongolian rules for writing certain words, and in these cases he writes Buryat words in Mongolian letters. Today these comparatively small notes by Endonov have not lost their value and are of undoubted interest to researchers.

Keywords: manuscript, tibetan medicine, archival documents, Dondub Endonov.

Как известно, тибетская медицина начала распространяться на российской территории в XVII–XVIII вв. параллельно с распространением буддизма среди бурятского населения и бытовала практически вплоть до 1930 гг. В прошлом здоровье бурятского населения всецело зависело от врачебной деятельности буддийских монахов-лекарей (эмчи-лам). В связи с этим бурятские ученые эмчи-ламы сыграли важную роль в становлении и развитии тибетской медицины в России.

Дондуб Эндонов-Мункуев – председатель комитета объединенной школы тибетской медицины всех дацанов, или Ацагатского тибетско-медицинского комитета является одним из видных представителей бурятских эмчи-лам. Согласно архивным документам от 1900 г. из Музея истории Бурятии Дондуб Эндонов родился 1870 г. в селе Курба (Заиграевский район Республики Бурятия). В одном из документов указано, что Эндонов был монахом, соблюдающим все обеты, и, по всей видимости, он по сложившейся в бурятских семьях традиции с 7 лет обучался в дацане [1, с. 89–97].

Рукопись написана черными и красными чернилами на 49 листах, сброшюрованных в виде книжки форматом 17×20,3 см. Текст расположен на обеих сторонах по вертикали, бумага желтоватая. Пагинация проставлена только на первых 2 листах. О времени составления этих заметок Эндонов в своем авторском колофоне (на 48-й странице) пишет следующее: «Завершено 10 февраля 1935 года тибетским врачом по имени Дондуб-старец Мункуев» (*töbed emši neremji-tü Dondob-ebügen Möngke-yin 1935 onu febarali 10 edür-e tegüsbe*) [2, с. 27].

Необходимо отметить, что текст не разделен на части по содержанию, в связи с чем он был структурирован нами по содержанию. Заметки имеют следующие разделы [2, с. 3–4]:

1) Лечение болезней Ветра, *kii ebedčün*; 2) Лечение болезней Желчи, *šara ebedčün*; 3) Лечение болезней Слизи, *badγan kemekü-yin ebedčün*; 4) Лечение болезней мукно, *boru smug po kemekü ebedčün*; 5) Лечение несварения мажу, *ese singgeküi ebedčün*; 6) Лечение болезни тен, *bedgi-yin ebedčün-e*; 7) Лечение кьябан, *sayibar qabungγ-a*; 8) Лечение болезни ор, *oor kemekü ebedčün*; 9) Лечение болезни мучу, *usun qabungγ-a*; 10) Лечение хронического заболевания чончен-сече, *arqay ebedčün*; 11) Лечение общего жара, *yerü qalayun*; 12) Краткая суть жара и холода, *qalayun küitün-ü kereg tobci*; 13) Лечение незрелого жара, *ese bolbisuruγsan qalayun*; 14) О границе между степью и горой, *ayula tala-yin jabsar*; 15) Лечение распространенного жара, *delgeregsen qalayun*; 16) Лечение пустого жара, *qoγusun qalayun*; 17) Лечение скрытого жара, *bürkegsen qalayun*; 18) Лечение застарелого жара, *qaučün qalayun*; 19) Лечение мутного жара, *bulungγir qalayun*; 20) Лечение жара трам, *gemtegsen qalayun*; 21) Лечение жара трук, *ügderegen qalayun*; 22) Лечение болезней головы, *toloγui-yin ebedčün*; 23) Лечение болезней глаз, *nidün ebedčün*; 24) Лечение болезней ушей, *čiken-ü ebedčün*; 25) Лечение болезней носа, *qambar-un ebedčün*; 26) Лечение болезней ротовой полости, *aman-u ebedčün*; 27) Лечение зоба, *voor ebedčün*; 28) Лечение болезни сердца, *žirüken-ü ebedčün*; 29) Лечение болезней легких, *ayuškin ebedčün*; 30) Лечение болезней печени, *iligen-ü ebedčün*; 31) Лечение болезней селезенки, *deligün-ü ebedčün*; 32) Лечение болезней почек, *bögeri-yin ebedčün*; 33) Лечение истечения семени, *körüngge čubiraqui*; 34) Лечение болезни желудка, *qodoγodu-yin ebedčün*; 35) Лечение болезней тонкой кишки, *narin gedesün-ü*; 36) Лечение застарелого поноса, *gedesün-ü qayučiraysan sayulta ebedčün*; 37) Лечение болезней толстой кишки, *olγui-yin ebedčün*; 38) Лечение «язвы с колочками», *örgüsütü boγutam*; 39) Лечение болезни дре, *barni-yin ebedčün*; 40) Лечение геморроя, *gzhang 'brum*; 41) Лечение мевел, *γal namursu*; 42) Лечение сурья, *yab sürügü*; 43) Лечение менбу, *bulširqai-yin ebedčün*; 44) Лечение отеков яичек и мошоночной грыжи, *im ungjiqu-yin ebedčün*; 45) Лечение болезни ног бам, *köl-ün bam*; 46) Лечение свища промежностей, *belge nebšikü-yin ebedčün*; 47) Лечение детских болезней, *nilqas-un ebedčün*; 48) Лечение женских болезней, *ekener-ün ebedčün*. Необходимо отметить, что в транслитерации сохранены стилистические особенности оригинального источника.

Автор многократно употребляет яркие метафорические выражения, восходящие к классическому источнику по тибетской медицине под названием «Чжуд ши», созданному средневековым тибетским врачом по имени Юток Йонтен Гонпо-младший (1126–1202 гг.) [3, с. 46–55]. Например:

1. **«Слизь «тяжела», как земля** [6, с. 157] в переводе означает, что болезни невозможно исцелить отдельными лекарствами, а необходимо долгое лечение и причем придется применить не одно конкретное лекарство, а целый ряд разных средств». (Л. 8) *yerü badyan kemekü uḡay kündü yaḡar široi metü gedeg tula: em čögeken jarim nigeniyer ülü arilqu: em arḡ-a-yi üni udayan šitükü kereg-tei bayinam:*

2. **«Если к примеру, прекратить накачивать воздух в кузнечные меха, то огонь в горне остановится.** Точно так же, если спутники жара Желчи – Ветра и Слизь подавлены, то в печи будет подавлен жар Желчи». (Л. 19) *darqan kümün-ü kögürge-yin üliyelte-yi joḡsuḡabasu ḡal anu jöng dayan-da umtaraqu boluduḡ metü: šara qalayun-u nöküür boludaḡ kii badyan qoyor anu daruḡdabal jöng dayan-du šara-yin daruḡdaqu bolqu metü-yin üliḡer-tei:*

3. **«В этот момент нужно принять меры так же стремительно, как ястреб бросается на ловлю птиц».** (Л. 20) *ene üy-e-dü qarsay-a šibuḡun-bar šibuḡun-i bariqui-yin čay-bar šimdayai metü-ber arḡ-a-yi kečiyekü kereg-tei:*

4. **«...[И этот «пустой жар»] похож на кузнечные мехи, которые хоть и холодные, но являются другом огня.....»** [6, с. 249]. (Л. 21) *qoyusun qalayun kemekü-yin uḡ anu kii böged qalayun-u següldür kii-ber qalayun-u segül-i üliyeḡü bayiḡsayar kii qalayun qaršilaqu metü boluḡu darqan-u kögerge küitün bolbaču ḡal-un nöküür bolqu metü:*

5. **«Поскольку болезнь и силы тела смешиваются и въедаются [друг в друга уже] через 20 дней, как ржавчина в железо, как масло в ткань, или как краска в дерево** [6, с. 258]. С самого начала тяжело выводится, тянется очень долго, поэтому его и называют «застарелым жаром». (Л. 22) *üliḡerlebesü temür-tür jibi toytuḡsan ba böš-tür tosun šinggeḡsen metü kiged: tere-čilen modun tosutu šira buduḡ buduḡsan metü: uḡ-ača ḡarḡaqu berke bolqu-yin t[e]ḡyin üni udayan boluḡsan tula qayučin qalayun-u nere-tü bolumui-j-a: tegün kii-tei kii üḡei-yi šinḡilemüi-j-a: singḡi terigüten bičikü-dü oladqu tula ülü bičimüi bi: и т. д.* Восстановленные пропуски букв, частей слов или их предположительное прочтение приводятся в квадратных скобках.

Особого внимания заслуживают стилистические языковые особенности заметок.

Наряду с тибетскими словами и выражениями Ендонов использует много слов из бурятского языка, который, хотя и является родственным с монгольским, но фонетически значительно отличается от него. Вместо монгольского слова *эмч* (*emči* ^{ᠡᠮᠴᠢ}) - «врач, лекарь», он нередко использует его бурятский эквивалент *эмши* (*emši* ^{ᠡᠮᠰᠢ}), или вместо монгольского слова *цайвар* (*čayivar* ^{ᠴᠠᠶᠢᠪᠠᠷ}) - «беловатый» он пишет бурятское *сайбар* (*sayibar* ^{ᠰᠠᠶᠢᠪᠠᠷ}), или вместо монгольского глагола *цадах* (*čadqu* ^{ᠴᠠᠳᠠᠬᠤ}) - «наедаться», употребляет бурятский *sadaxa* (*sadaqu* ^{ᠰᠠᠳᠠᠬᠤ}). А также текст изобилует разговорными формами написания монгольских слов, *kii* ^{ᠬᠢᠢ} в м. *kei* ^{ᠬᠡᠢ} - ветер; *geji* ^{ᠭᠡᠵᠢ} в м. *geju* ^{ᠭᠡᠵᠠ} - говорить; *tyimü* ^{ᠲᠢᠶᠢᠮᠦ} в м. *Teyimü* ^{ᠲᠡᠶᠢᠮᠦ} - такой, подобный; *šara* ^{ᠰᠢᠷᠠ} в м. *sir-a* ^{ᠰᠢᠷᠠ} - желтый; *aγulyaqu* ^{ᠠᠶᠤᠯᠠᠭᠠᠬᠤ} в м. *uγulyaqu* ^{ᠤᠶᠤᠯᠠᠭᠠᠬᠤ} - пить; *šinü* ^{ᠰᠢᠨᠦ} в м. *čino-a* ^{ᠴᠢᠨᠠ} - волк; *küiken* ^{ᠬᠦᠶᠢᠬᠡᠨ} в м. *keiken* ^{ᠬᠡᠶᠢᠬᠡᠨ} - девочка; *tüükei* ^{ᠲᠦᠦᠬᠡᠢ} в м. *tügükei* ^{ᠲᠦᠭᠦᠬᠡᠢ} - недоваренный; *eligür* ^{ᠡᠯᠢᠭᠦᠷ} в м. *iligür* ^{ᠡᠯᠢᠭᠦᠷ} - уют и т. д. Отметим, что деепричастная форма глагола *geji*, переводится по разному в разных контекстах.

В исследуемом тексте в некоторых словах употребляются знаки, обозначающие сибиллянты -s, -š вместо знака, изображающего в старописьменном монгольском языке аффрикату -č: *sasu* ^{ᠰᠠᠰᠤ} (л. 10) в м. *času* ^{ᠴᠠᠰᠤ} (монг. цас) - снег; *šanaju* ^{ᠰᠠᠨᠠᠵᠤ} (л. 41) в м. *činaju* ^{ᠴᠢᠨᠠᠵᠤ} (монг. чанах) - варить; *sokiyad* ^{ᠰᠣᠬᠢᠶᠠᠳ} (л. 37) в м. *čokiyad* ^{ᠴᠣᠬᠢᠶᠠᠳ} (монг. цохих) - бить; *elši* ^{ᠡᠯᠰᠢ} (л. 14) в м. *ilči* ^{ᠢᠯᠴᠢ} - (монг. илч) - луч, теплота; *bulsirqai* ^{ᠪᠤᠯᠰᠢᠷᠬᠠᠢ} (л. 44) в м. *bulčirqau* ^{ᠪᠤᠯᠴᠢᠷᠬᠠᠢ} (монг. булчирхай) - мышцы.

Эти многочисленные чередования монгольских и бурятских слов в заметках Д. Ендонова указывают лишь на то, что автор бурят, который, несмотря на блестящее знание правил правописания старописьменного монгольского языка не совсем строго соблюдает их, а пишет на родном языке. Например в тексте встречаются бурятизмы, такие как: *yümürkei* ^{ᠶᠦᠮᠦᠷᠬᠡᠢ}, *iberkei* ^{ᠶᠡᠪᠦᠷᠬᠡᠢ} (монг. ивэрхий) - «грыжа»; *joqluqu* ^{ᠵᠣᠯᠠᠭᠤ}, *jaγatunaqu* ^{ᠵᠠᠭᠠᠲᠤᠨᠠᠭᠤ} (монг. загатнах) - «чесаться»; *satula* ^{ᠰᠠᠲᠤᠯᠠ} *busu öčüken tedüi idekü*, *čadqu* ^{ᠴᠠᠳᠠᠬᠤ} (монг. цадах) - «наедаться»; *šišekü* ^{ᠰᠢᠰᠡᠬᠦ}, *sayulyaqu* ^{ᠰᠠᠶᠤᠯᠠᠭᠠᠬᠤ} (монг. чагга алдах) - «понос»; *yamaγan* ^{ᠶᠠᠮᠠᠭᠠᠨ} *γмаан* (бур.), *imaγ-a* ^{ᠶᠠᠮᠠᠭᠠ} (монг. ямаа) - «коза»; *eryekü* ^{ᠡᠷᠶᠡᠬᠦ} эрьехэ (бур.), *ergikü* ^{ᠡᠷᠭᠢᠬᠦ} (монг. эргэх) - «кружиться»; *oladqu* ^{ᠣᠯᠠᠳᠠᠬᠤ} олодохо (бур.) *oladaqu* [5, с. 173], *олдох* (монг. олдох) - «оказываться больше, чем надо»; *γurim* ^{ᠶᠦᠷᠢᠮ} *дурим* (бур.), *dürim* ^{ᠲᠦᠷᠢᠮ} дурэм (монг.) «правило» и другие.

Автором также использованы устойчивые словосочетания, присущие разговорному языку бурят: *qayisi kereg* ^{ᠴᠠᠶᠢᠰᠢ ᠬᠡᠷᠢᠭ} - как-

нибудь, кое как, небрежно, спустя рукава' *xайша хэрэг; dab degere* ᠬᠠᠢᠰᠢᠬᠡᠷᠭᠡᠢ 'пока что, в данный момент, временно'; *segül teyiši* ᠰᠡᠭᠦᠯᠲᠡᠢᠶᠢᠰᠢ 'в последствии потом'; *tusa bolquy-a boliju* ᠲᠤᠰᠤᠨᠪᠣᠯᠠᠵᠢᠶ᠋ᠠᠨᠪᠣᠯᠢᠵᠢ 'ничего не поможет'; *medekiü-e küsebel* ᠮᠡᠳᠡᠬᠢᠦᠡᠬᠡᠬᠦᠰᠡᠪᠡᠯ 'желание ознакомиться'; *tun[g] serigün* ᠲᠦᠨᠭᠢᠰᠢᠷᠢᠭᠦᠨ 'самый холодный' и т.д.

Ендонов не соблюдает все правила, которые существуют в старомонгольской письменности, к примеру, им не соблюдается долготный комплекс. Например: *ᠲᠡᠨᠭᠢᠰᠢᠷᠢᠭᠦᠨ*, он пишет в разговорном стиле *nuud*.

В сочинении встречаются такие слова как: слово *yamar* («какой») он пишет, как *yambar*; *qamar* («нос») - как *qambar*; *inaγaši čaγaši* (в сочинении в этом случае означает, что «туда сюда») - как *inaγši činaγši*, *taγtaγ-a* («голубь») - *kegürjigen-e*. В современном монгольском языке термины из рассмотренных лексем перешли в разряд архаизма.

Что касается морфологии, то можно привести такой пример: *qabsalduγsan qabsulduγsan* – попутный, сочетать. Это объясняется тем, что такое написание было нормативным по старым правилам старомонгольской письменности.

В языке текста Ендонова отмечены следующие монголизмы, например: *qodoγodu* ᠬᠣᠳᠣᠭᠣᠳᠤ, *qodoγodo* [5, с. 567], хото (бур.) - желудок, (монг. ходоод); *čayan tuturγ-a* ᠴᠠᠶᠠᠨᠲᠤᠲᠦᠷᠭᠠᠨᠠ, барайгар (бур.) - рис, (монг. тутрага); *arbai* ᠠᠷᠪᠠᠢ, арбай (бур.) - ячмень, (монг. арвай); *minčügürekü* ᠮᠢᠨᠴᠦᠭᠦᠷᠡᠬᠦ, *badayiraqu* ᠪᠠᠳᠠᠶᠢᠷᠠᠬᠤ бадайрха (бур.) - терять чувствительность, (монг. хөших или бадайрах); *čöken* ᠴᠥᠬᠡᠨ, *čögen* [5, с. 1205], үсөөн (бур.) - мало, (монг. цөөн); *čögeken* ᠴᠥᠭᠡᠬᠡᠨ, үсөөхэн (бур.) - немногий, өчүүхэн (монг.) и т.д. Необходимо отметить, что язык во Внутренней Монголии отличается от халхаского диалекта Внешней Монголии. Фонетическая особенность в нижеприведенных словах во Внутренней Монголии читается как *ᠡᠭᠦᠰᠡᠬᠡᠬᠦ* *egüskekü* [5, с. 88], халхаский диалект *egüsgekü* (монг. үүсгэх); *ᠭᠡᠰᠭᠡᠯᠡ* *geskelge, gesgelge* (монг. гэсгээх) – оттаивать.

Встречаются разные написание слов с буквами *a*, *o* и *u* вместо *toγtaγsan* ᠲᠣᠭᠲᠠᠭᠰᠠᠨ вместо *toγtuγsan* ᠲᠣᠭᠲᠤᠭᠰᠠᠨ - застаивание, *qoyor* ᠬᠣᠶᠣᠷ вместо *qoyar* ᠬᠣᠶᠠᠷ - два, *nomloγdoγsan* ᠨᠣᠮᠯᠣᠭᠳᠣᠭᠰᠠᠨ вместо *nomlaydayγsan* ᠨᠣᠮᠯᠠᠶᠳᠠᠶᠠᠭᠰᠠᠨ - проповеданный, *küitün* ᠬᠦᠢᠲᠦᠨ вместо *küiten* ᠬᠦᠢᠲᠡᠨ - холодный, *basu* ᠪᠠᠰᠤ вместо *basa* ᠪᠠᠰᠠ - еще; разные написание одного и того же слова, например: *šaltayan* ᠰᠠᠯᠲᠠᠶᠠᠨ - *šiltayan* ᠰᠢᠯᠲᠠᠶᠠᠨ - причина, *boluday* ᠪᠣᠯᠤᠳᠠᠶ - *bolodoy* ᠪᠣᠯᠣᠳᠣᠶ - становится, *toloγui* ᠲᠣᠯᠣᠭᠤᠢ - *tolγoi* ᠲᠣᠯᠭᠣᠢ - *tolγuai* ᠲᠣᠯᠭᠠᠢ - глава и т.д.

Кроме того, в тексте используются и иноязычные слова, тибетские и русские, переданные им на старомонгольской письменности, как *porooγ serča* (ᠫᠣᠷᠣᠭᠰᠡᠷᠴᠢ / порок сердца), *kürpei* (ᠬᠦᠷᠫᠡᠢ / крупа), *mid* (ᠮᠢᠳᠠ / мёд, монг. ᠮᠢᠳᠠ / мёд). Этот пример указывает на то, что Ендонов, будучи врачом традиционной тибетской медицины, обладал познаниями и в европейской медицине.

В конце текста заметок Енданова Генин-Дарма Нацов [2, с. 27] добавил свое примечание: «У меня такое вот дополнение. Имейте в виду, что тут допущены описки в правописании *-l, -m, -yin, -un, -ber, -yir*, и потому в словах могут быть погрешности. *nemekü jakily-a minu: ene bičig-un üsüg-ün aldayu l: m: eyin: un: ber: eyir gekü metü-yin üge-üd-ün dutuyu bayiqu-la bui-ǰ-a: medemüi-ǰ-a ta*».

Таким образом, на основе вышеприведенных особенностей текста заметок Д. Енданова можно сделать следующие выводы.

Во-первых, установлено, что автор врачебных заметок активно использовал выдержки из классического источника тибетской медицины под названием «Чжуд ши», а также владел старомонгольской и тибетской письменностью на достаточно высоком уровне, который позволил ему точно выражать все тонкие и сложные смысловые нюансы тибетской медицины.

Во-вторых, Д. Енданов хорошо владел русским языком и был знаком с достижениями европейской медицины того времени.

В-третьих, необходимо отметить, что текст заметок содержит множество слов из бурятского языка, в меньшей степени это относится к тибетизмам и русизмам.

Список литературы

1. Ванчикова Ц. П., Жабон Ю. Ж. Характеристика и классификация письменного наследия Д. Енданова (1870–1937?) // Гуманитарный вектор. 2019. Вып. Т. 14, № 3. С. 89–97. DOI: 10.21209/1996–7853–2019–14–3–89–97.
2. Енданов Д. Практические заметки бурятского эмчи-ламы по тибетской медицине / Введение, исследование, перевод с монгольского, комментарий, транслитерация, и факсимиле текста / Ванчикова Ц. П., Жабон Ю. Ж., Ринчинова О. С., Цыренова Н. Д., Дашиева С. Б.; Отв. ред. Матханов И. Э. Улан-Удэ: Изд-во Домино, 2019. 166 с.: ил. ISBN 978–5–7925–0563–6.
3. Жабон Ю. Ж. Тибетский медицинский канон "Чжуд-ши" об особенностях составления лекарственных средств // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук / ФГБУН БНЦ СО РАН «БНЦ СО РАН»; [гл. ред.: Б.В. Базаров]. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. Вып. № 1 (13). С. 46–55.
4. Учебный словарь о правилах монгольского языка / гл. ред. Э. Буянулзэй. исп. изд. Хух-Хого : кит. Изд-во Жэньминь чубаньше, 2015, 1457 с.
5. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь / спец. нач. ред. Н.А. Очиров. М. : Советская энциклопедия, 1973. 803 с.
6. Чжуд-Ши: Канон тибет. медицины / пер. с тибет., предисл., примеч., указ. Дашиева Д. Б. ; отв. ред. Николаев С. М. М. : Вост. лит., 2001. 766 с.

Монгол хүний нэрийн түүхэн харьцуулал

(1940–1945, 2005–2010 оны монгол хүний нэрийн жишээн дээр)

Монгольские антропонимики тесно связаны с судьбой, с делами и с благополучием монголов. С другой стороны, в связи с общественным изменением все время меняется антропонимика. В настоящей статье рассматривается вопрос об исторических развитиях, о хронологических эволюциях монгольской антропонимики, т. е. сравниваются по 198 монгольских имён XX века за 1940–1945 гг. во время Великой Отечественной войны и XXI века, за 2005–2010 гг. также выделяются семантические классификации.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, значение антропонимики, структура антропонимики, частотные имена, гибридные имена.

Хураангуй: Монгол хүний нэр тухайн хүний хувь заяа, ажил үйл, амьдралын сайн сайхантай салшгүй холбоотой байдаг билээ. Нөгөө талаас нийгэмд өөрчлөлт хувьсал гарахын хирээр нэрийн утга өөрчлөгдөж байдаг бөгөөд бид энэхүү ажилдаа эх орны дайны үеийн буюу 20-р зууны 1940–1945 оны 198 нэр түүнээс хойших нэгэн жарны дараа, 21 зууны эхэн үе буюу 2005–2010 оны 198 нэр авч түүхийн цаг хугацааны хувьд утгын ангилал хийж үзсэн болно.

Түлхүүр үг: нэр судлал, хүний нэр, нэрийн утга, нэрийн бүтэц, давтамжтай нэр, өшүүд нэр

Уламжлалт үгийн сан судлалд хэлний тэмдэг буюу нэрээс утга уруу хандаж судалгаа явуулахыг утга судлал, утгаас хэлний тэмдэг буюу нэр уруу хандаж байцаахыг нэр судлал хэмээн үзэж байжээ.

Нэрзүй /ономастика/ нь үгийн сангийн судлалын нэг том салбар бөгөөд тухайн хэлний оноосон нэрийн зүйл болох хүний нэр, овог, газар нутгийн нэр, овог аймаг, ястан үндэстэн тэнгэрийн эрхэс зэргийн нэрийг нарийвчлан судалдаг шинжлэх ухаан юм. Хэлний үгийн санг нэрийтгэл нэр /**nomina appellativa**/ оноосон нэр / **nomina propria**/ гэж хоёр үндсэн хэсэгт хувааж болно. Хэлэнд буй нэрийтгэл нэр оноосон нэр аль аль нь юмс үзэгдэл, ойлголт, үйл явдлыг нэрлэн заах үүрэгтэй ч гарлын хувьд оноосон нэр нь нэрийтгэл нэрээсээ үүсэн гарсан хоёрдогч шинжтэй байдаг. Өөрөөр хэлбэл нэрийтгэл болон оноосон нэр нь хоорондоо диалектикийн ерөнхий нэгж онцгой харьцаанд оршино.

20-р зууны монгол хүний нэрийг судалсан эрдэмтэн Ж. Сэржээ бөгөөд түүний шавь Ц. Сувд “Хорьдугаар зууны монгол хүний нэр, нэрийн давтамж, утга, бүтэц, гарал”, 2010, Д. Соронзон, “Монгол хэлний хүний эшийн нэрийн утга, бүтэц, гарлын судалгаа” 2013, Р. Нямцэрэн “Монгол хүний хоч нэрийн хэвшинж, утга-соёлын судалгаа”, 2012 зэрэг нэг сэдэвт бүтээлүүд гарч нэрсудлалын

чиглэлийн судалгаа эрчимтэй хөгжиж “Монгол хүний нэрийн толь” хэвлэгдэн гарсан байна.

Оноосон нэр, нэрийтгэл нэр, нэр судлалын талаар эрдэмтэд, нэр судлаачид судлан өөрсдийн үнэлэлт дүгнэлтээ өгсөөр иржээ. Эрдэмтэн Ж. Төмөрцэрэн “Оноосон нэр нь ямар нэгэн олон төрлийн юман дотроос аль нэгийг бусдаас ялган тусгаарлахын тулд нэрлэн дууддаг болохоос биш үзэгдлийн гол шинж чанар, тэдгээрийн түгээмэл хэлхээ холбоог нэгтгэн дүгнэж үзсэн хийсвэрлэх шинж огт байдаггүй” гэж үзсэн бол эрдэмтэн Ж. Сэржээ “Оноосон нэр нь ухагдахууныг илэрхийлж ухагдахуунтай шууд холбогддоггүй оноосон нэр нь тухайн нэрлүүлж байгаа юмандаа харьцах харьцааны хувьд тохиолдын чанартай бөгөөд тухайн юмаа нэрлэдэг “гэж “Монгол хүний нэр”, УБ, 1978 номондоо бичиж байжээ.

Нэр судлаач Д. Энхбат “Оноосон нэр хийгээд нэрийтгэл нэрийн харьцаа” илтгэлдээ “Нэрийтгэл нэр нь ертөнцийн тодорхой юм үзэгдлийн болон тухайн зүйлийг өөртөө багтаасан хэсэг бүлэг юмыг ерөнхийд нь нэрлэн заадаг бол оноосон нэр нь олонлогоос тухайн нэгжийг ялган заадаг” хэмээн бичжээ.

Монгол хүн хүүхдэдээ нэр хайрлахдаа тохиолдын ямар нэгэн үгийг нэр болгон өгдөггүй, харин хүүхдийнхээ цаашдын амьдралыг цаг ямагт аз жаргалтай, зовлон зүдгүүргүй, элбэг дэлбэг энх түвшин байхыг ерөөн бэлгэшээсэн утгатай үгийг сонгон нэр өгдөг бөгөөд уламжлалт ойлголтоор хүний нэр хувь тавилантай салшгүй холбоотой хэмээн үзэж нэр төрөө ариглан хадгалж чадвал сайн үйл, санасан бүхэн сэтгэлчлэн бүтнэ хэмээдэг. Иймээс нэр өгөх ёслолд нарийн чанд бэлдэж дэг ёсыг гажуудуулахгүйгээр ёслол үйлдэхийг хичээдэг.

Эрдэмтэн Ж. Сэржээ “Монгол хүний нэр” номондоо монгол хүний нэрийг ерөнхий 8 ангилалд багтааж үзсэн бол, утга судлаач Д. Бадамдорж “Монгол хэлний үгийн сангийн утгазүй” номондоо бэлгэшээл нэр, цээр нэр гэсэн үндсэн хоёр хүрээнд багтаан бэлгэшээл нэрээ 13, цээр нэрээ 3 ангилсан бол нэр судлаач Д. Энхбат “Оноосон нэр хийгээд нэрийтгэл нэрийн харьцаа” илтгэлдээ 7 ангилж үзжээ.

Доктор Ц. Сувдын хэлсэнчлэн хүний нэр нийгмийн гол өөрчлөлтийг тусгах хэлний бодит баримт болох үүднээс нөгөө талаас нийгэмд гарч буй өөрчлөлт, хувьсал, үзэгдэл хэлэнд тэр тусмаа үгийн санд хамгийн түрүүнд тусдаг. Нийгмийн энэхүү өөрчлөлт хэлэнд хэрхэн туссан нь сэдвийг судлах шалтгаан болсон.

Монгол хүний нэрийн талаар судалсан эдгээр эрдэмтдийн ангилалд тулгуурлан 1940–1945 мөн 2005–2010 оны нийт 396 хүний нэрийн жишээн дээр “**монгол хүний нэрийн утгазүйн судалгаа, нэрийн түүхэн харьцуулалт**” хийхийг зорьлоо.

1940–1945			
№	Утгын ангилал	Жишээ	Тоо
1	Эрүүл энх, явахыг бэлгэшээсэн нэр	Уртнасан, Батжаргал, Энхтайван	9
2	Од тэнгэр эрхэстэй холбоотой нэр	Балжинням, Мягмар, Даваахүү, Сугар,Лхагважав	16
3	Эрэлхэг зоригтой, цог жавхлантай нэрээр	Батбаатар, Баатар	2
4	Орос нэр	Зина, Тая, Валя, Жуков, Сэсээр, Мишка,Башка	9
5	Ургамал, жимсний нэрээр	Лянхуа, Арцсэд, Бадамцэцэг, Алимаа	6
6	Амьтны нэрээр	Хорхой	1
7	Өнгөний нэр	Ягаан, Алагаа, Цагаан, Шараа, Халтар	5
8	Бат бөхийг бэлгэдсэн нэр	Батжаргал, Чулуунбат	6
9	Гэр ахуйн эдлэл, багаж зэвсэгтэй холбоотой нэр	Чулуунсүх, Тогоохүү, Төмөр	3
10	Бурхан шүтээний нэр	Рагчаа, Цэнд-Аюуш, Аюуш, Гомбо, Жадамба	6
11	Улс үндэстний нэр	Оросоо	1
12	Урт нас, оюун ухаан, сайн сайхныг бэлгэдсэн төвд нэр	Нацаг, Одбагмид, Самбуу, Цэдэв, Чимэд, Намжил, Ичинхорлоо, Долгорсүрэн	8

Хамгийн урт нэр : Жамьянтүндэв

Хамгийн содон нэр: Хурган, Цэцэгбордоо, Маарай, Могшоо.

Хамгийн богино нэр: Тоош

2005–2010			
№	Утгын ангилал	Жишээ	Тоо
1	Эрүүл энх, явахыг бэлгэшээсэн нэр	Энхтунх, Дүүрэнбилэг, Гэгээнцэцэг, Энхжин	76
2	Од тэнгэр эрхэстэй холбоотой нэр	Эрхэс, Сод –Эрхэс, Мичидмаа, Мичидгоо, Марал, Санчир, Гэрэлт-Од, Бархас, Тэргэл, Энхсар	10
3	Эрэлхэг, зоригтой, цог жавхлантай нэр	Сэргэлэн, Гарьд, Хангарьд, Ирмүүн	7
4	Ургамал, жимсний нэрээр	Алтанзул, Хонгорзул, Сараана, Анар, Мөнгөнсарнай, Цагаандаль	6
5	Амьтны нэрээр	Хулан, Халиун	2
6	Бат бөх байхыг бэлгэдсэн нэр	Бат-ирээдүй, Бат-итгэл, Уранхолбоо	11
7	Тооны нэрээр нэрлэсэн нэр	Есөнхүсэл, Нэгүүн, Үйтүмэн, Есүйжин, Есөнбилэг	5
8	Төмөр, эрдэнийн чулууны	Маргад, Маргад-Эрдэнэ, Оюу,	6

	нэрээр нэрлэгдсэн	Сувдансондор, Танан, Алтжин	
9	Орос нэр	Алсу	1
10	Тооны нэрээр нэрлэсэн нэр	Есөнхүсэл, Нэгүүн, Үйтүмэн, Есүйжин, Есөнбилэг	5
11	Газар, усны нэрээр нэрлэсэн нэр	Мөрөн, Гангамөрөн, Хангай, Үнэнмөрөн, Хишигдалай	5
12	Оюу ухааныг бэлгэлдсэн нэр	Ухаанзаяа, Оюунбаатар	8
13	Элбэг баяныг бэлгэшээсэн нэр	Баянбаатар, Баялаг, Баянбилэг, Баянзул	4
14	Төр улсаа хүндэтгэн, эв нэгдлийг илэрхийлсэн нэр	Улсболд, Түшигболд, Итгэлмөнх, Батгар, Соёмбо, Төрмөнх, Сүлд	8
15	Учирлаар бэлгэшээсэн нэр	Үүрийн цолмон, Хос-Эрдэнэ, Нандинучрал, Нандинхолбоо, Үүрцайх, Цолмонтаяа	7
16	Түүхт хүн, уран зохиолын баатрын нэр	Тэмүүжин, Чингис, Хасар, Есүхэй, Есүгэн, Манджжл, Бөртэ, Анужин, Билгүүдэй	9
17	Амар, амгалсан байдлыг эрхэмлэсэн нэр	Дөлгөөнтамир, Амарболд, Намуун, Түвшинбаяр, Амирлан, Намуун-Уянга	9
18	Ачлал, энэрлийг бэлгэдсэн нэр	Энэрэл, Ивээл	5
19	Гоо үзэсгэлэнг бэлгэдсэн нэр	Алтангоо, Цэцэнгоо, Номингоо, Уранбайгал, Гоосоёл, Нарангоо, Гүнгоо	7
20	Энхрий, нандин, ариуныг бэлгэдсэн нэр	Эрхсаран, Анхил, Амингоо, Амин, Эрхгүнж, Энхриймаа	6

Хамгийн урт нэр : Сувдансондор

Хамгийн содон нэр: Эх-Орон, Бэх-Үйлс, Аригуунболд

Хамгийн богино нэр: Оюу

Хамгийн их давтамжтай нэр: Энэрэл

Дүгнэлт. 1940–1945 оны болон 2005–2010 оны монгол хүний нэрийн талаар утгын судалгаа хийж дүгнэхэд:

- 1940–1945 оны монгол хүний нэр нь утгазүйн хувьд гарагийн нэрээр нэрлэгдсэн нэрс зонхилдог байгаа бөгөөд тухайн үеийн хүмүүс тэнгэрээ дээдэлдэг байгальтайгаа харьцдаг ард учраас хөх тэнгэр, од эрхээшсээ бэлэгшээсэн нэр түгээмэл хайрладаг байжээ. Нэрийн хувьд 12 ангилалд багтаж байгаа бөгөөд төвд нэр зонхилж байна.

- 2005–2010 оныг харьцуулахад тухайн цаг үеийн амр амгалан байдлаас шалтгаалан эрүүл энх, урт наслах, сайн сайхныг бэлгэдсэн нэр өгөхөөс гадна түүхэн нэр болон ачлал энэрэл, эрхэм нандин, эгшиг аялгуу, гоо үзэсгэлэн зэргийг бэлгэдсэн хийсвэр утгатай богино, чамин нэр өгдөг болсон нь харагдаж байна.

Эндээс харахад хүний нэр нь нийгэм улс төрийн амьдрал, тухайн үеийн явдлаас хамаардаг гэж дүгнэж байна.

Ном зүй

1. Бадамдорж, Д. (1997). *Орчин цагийн монгол хэлний утга судлалын үндэс*.
2. Бадамдорж, Д. (2006). *Монгол хэлний үгийн сангийн утга зүй*.
3. Бат-Ирээдүй, Ж. (2013). *Монгол хэлний утга, соёл, хэрэглээ*.
4. Нансалмаа, Н. (2006). *Үгийн сан судлал*.
5. Сувд, Ц. (2010). *Хорьдугаар зууны монгол хүний нэр, нэрийн давтамж, утга, бүтэц, гарал*.
6. Сэржээ, Ж. (1992). *Монгол хүний нэр*.
7. Төмөрцэрэн, Ж. (1974). *Монгол хэлний үгийн сангийн судлал*.
8. Энхбат, Д. (2004). *Хүмүүний зохист нэр*.
9. Mirnom.mn
10. Mobile.inet.mn
11. <https://mn.wikipedia.org>

УДК 811.512.36

С. В. Шойбонова

Россия, Улан-Удэ

Национально-культурное своеобразие поэтонимов (на материале монгольской литературы)

Статья посвящена выявлению национально-культурных особенностей имен собственных художественных произведений монгольских писателей.

Ключевые слова: художественный текст, поэтонимы, монгольский язык, национально-культурное своеобразие.

The article is devoted to revealing national-cultural peculiarities of proper names in the literary works of the Mongolian writers.

Keywords: literary text, poetonims, the Mongolian language, national-cultural peculiarity.

Современная лингвистика большое внимание уделяет изучению проблемы «человек и язык», рассмотрению этнокультурных особенностей языкового сознания. Действительно, в лингвистической науке данная тема занимает одну из ведущих позиций (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. Ф. Журавлев, В. В. Иванов, Б. А. Успенский, А. С. Герд) и приобретает особую актуальность.

«В самой структуре языка, его внутренней форме воплощено определенное воззрение на мир – мировидение того или иного народа. Мир явлен нам в сознании через призму определенной картины мира. В свою очередь мировоззрение (миропонимание) как высший уровень самосознания индивида включает в свою систему картину

мира, которая понимается как образ, возникающий в процессе репрезентации сознанием окружающей действительности» [4, с. 20].

По справедливому мнению Г. Т. Аубакировой, «национальное, или идиоэтническое, охватывает многие стороны, сферы и уровни языка. Считается, что наиболее четко и ярко национально-специфическое проявляется в так называемой «этнокультурной лексике», включающей в свой состав национально маркированные этнолексемы. Национальная языковая картина мира как совокупность знаний о мире может быть отражена не только в лексике, но и во фразеологии, грамматике» [1, с. 203].

Эффективным способом манифестации языка являются литературные произведения. И учитывая антропоцентричность самого художественного текста, можно утверждать, что в восприятии и осмыслении литературного произведения особую ценность представляют поэтонимы. Литературные имена в комплексе со всей словесно-образной системой авторов несут в себе глубокий обобщающий смысл, раскрывают особенности подтекстового содержания произведения. И потому мастерам слова свойственен тщательный подбор имен своим героям. Для писателей рассматриваемый материал настолько ценен, что его отсутствие или немногочисленность может ощущаться как заметный пробел в произведениях.

«Этнолингвистическая информация, сохраняемая в онимах разных видов, позволяет создать представление о неповторимой национальной и духовной культуре создателей и носителей данного ономастикона, в котором содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, раскрывающая особенности видения мира и являющаяся своеобразным ориентиром в его освоении» [3, с. 87].

Особенности монгольской национальной картины мира возможно выявить также на материале онимической лексики, представленных в художественных произведениях. В рамках данного исследования нами были изучены разножанровые произведения (романы, повести, рассказы) таких писателей, как Ч. Лодойдамба «*Тунгалаг Тамир*» («Прозрачный Тамир»), Ж. Пүрэв «*Гурван зангилаа*» («Три узла»), Л. Тудэв «*Уулын үер*» («Горный поток»), С. Удвал «*Их хувь заяа*» («Великая судьба»), Ц. Шагдар «*Тасга Наван*», Д. Оюунчимэг «*Тэнгэрийн цаг болоогүй*», В. Инжаннаш «*Хүхэ судар*» («Синяя сутра»), Наваансурэн «*Түмэннаст гуай*», Д. Мягмар «*Холын бэлчээр*» («Далекое пастбище»), Ц. Дамдинсурен «*Шарав и Норов*» и др.

Изучение поэтонимов монгольских произведений, в частности выявление национально-культурной семантики имен собственных, подтвердило известный тезис о том, что мир человека прежде всего

национально своеобразен. Заметим, что все многообразие символических значений, которыми наделены монгольские поэтонимы, формируются на основе богатого наследия мифов, поверий, традиций и обычаев.

В исследуемых текстах в большей степени зафиксированы антропонимические единицы, которые, как известно, обладают особым информативным потенциалом в рассматриваемом аспекте. Персонажи монгольских произведений наделены авторами различными именами, многие из которых имеют глубокое символическое значение.

Отличительной чертой ономастикона монгольских прозаических произведений является наличие достаточно большого количества имен собственных, отражающих религиозные воззрения народа, в частности возможно обнаружить онимы с буддийской тематикой. К примеру, *Бурхан-Будда* ‘Бог Будда’, *Бурханта* ‘Божественный’, *Богдо гэгээн* и др.

В художественных текстах находим имена собственные с семей ‘*золото, золотой*’, что является явной приметой ономастикона монгольских произведений: *Алтаншагай* ‘Золотая лодыжка’, *Алтан улс* ‘Золотое государство’, *Алтан уул* ‘золотая гора’.

Одним из элементов традиционной культуры монголов является обряд наречения детей, во-первых, «защитными» именами (выполняющие харизматическую функцию) в целях сохранения жизни детей (*Будуун* ‘полный, толстый’); во-вторых, наречение детей именами с положительной символикой: *Түмэннаст* ‘имеющий возраст десять тысяч лет’, *Бат* ‘надежный, крепкий’.

Отражение определенной исторической эпохи и ее особенностей можно проследить в именах, где второй компонент представляет собой наименование монгольских титулов и должностей (*баатар, хаан*): *Барга-баатар, Ван-хаан*. Кроме того, в целях проявления уважения у монголов принято использовать трифтонг *-гуай* и эта традиция соблюдается и в художественной речи (*Цагаан-гуай*).

Что касается функционирования топонимической лексики в художественных текстах, то следует сказать, что в ней также возможно выделить национально-культурную специфику. Топонимический материал раскрывает особенности методики освоения географического пространства в условиях кочевого образа жизни, колоративной лексики, числового значения и религиозных воззрений (*Дэлюун болдог* ‘Селезенка-Кочка’, *Хөх Чулуут* ‘гора из синих камней’).

Заметным своеобразием монгольской оноимической лексики являются топонимы, имеющие в своем составе образные определения – эпитеты: *сайхан* ‘прекрасный’, *сайн* ‘хороший’, *баян* ‘богатый, щедрый’, *жавхлант* ‘величественный’, *хайрхан* ‘милостивый, любезный’ и др.

Картину мира кочевников существенно дополняют поэтонимы, которые демонстрируют особое отношение монгольского народа к природе. Как известно, в традиционном миропонимании кочевых народов исключительно важное место занимал культ гор. Горы представляли собой сакральный центр этнической территории и средство пространственно-временной ориентации. По мнению Т. В. Ивановой, «истоки культа гор уходят в глубокое прошлое, когда мифологическое сознание кочевника связывало в единое целое природу (макрокосмос) и человека (микрокосмос). Образ горы выполнял в этом сознании роль посредника между различными противоположными началами мироздания – Небом и Землей, миром духов и миром людей, жизнью и смертью. Священная гора нейтрализовала и гармонизировала эти оппозиции, приводила их к синтезу, позволяла осуществить взаимодействие человека с космическими силами» [2, с. 419]. В монгольских художественных текстах представлены такие названия гор, как *Маргац уул* ‘подмигивающая гора’, *Орлойн шил* ‘затылок Орлая’, *Шар хад* ‘желтая гора’ и др. Как видим, в основе названий гор – форма, цвет, положительные эпитеты, переносные наименования, принципы пространственно-временной ориентации. Следует сказать, что каждая гора, по мнению кочевников, имела своего хозяина, духа. И в силу этого запретным было произнесение их имен.

В нашем материале также наблюдается творческое освоение фольклорного опыта, предопределяющее оригинальность содержания, вариативность временных границ изображаемых в литературном тексте действий. Употребление имен героев, названий местностей, легенд, преданий способствует большей художественной выразительности и образности действующих лиц литературного произведения.

Анализ монгольских поэтонимов показал, что имена собственные наглядно отражают уникальность национального мышления, языка и культуры народа и, безусловно, свидетельствуют о высокой значимости онимической лексики в контексте художественной речи.

Список литературы

1. Аубакирова Г. Т. Национально-культурная семантика собственных имен в художественном тексте // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 203–204.
2. Иванова Т. В. Образы территории в этническом самосознании бурят-кочевников // Актуальные проблемы истории и культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. Улан-Удэ, 2005. С. 417–421.
3. Кинаш А. Н. Региональный ономастикон в этнолингвистическом аспекте // Проблемы региональной ономастики : материалы V Всерос. науч. конф. Майкоп, 2006. С. 87–89.
4. Позднякова Е. Ю. Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «Язык-Культура» // Филология и человек. 2010. № 1. С.20–28.

УДК 398.22

Э. Б. Аюшеева

Россия, Улан-Удэ

Раннебуддийские пространственно-временные понятия в бурятской Гэсэриаде

В статье рассматриваются раннебуддийские понятия, структурирующие пространство и время в бурятском эпосе о Гэсэре. Являясь неотъемлемой частью мифологической картины мира, объекты сакральной топонимики и единицы временного измерения свидетельствуют о культурно-исторической общности тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: Меру, мировая гора, Сумеру, молочное море, кальпа, замби.

The article discusses early Buddhist concepts that structure space and time in the Buryat epic about Geser. Being an integral part of the mythological picture of the world, objects of sacred toponymy and units of a temporary dimension testify to the cultural and historical community of the Turkic-Mongolian peoples.

Keywords: Meru, world mountain, Sumeru, dairy sea, kalpa, zambi.

Время и пространство, как известно, являются базовыми категориями, отражающими национальную картину мира. По мнению Ю. М. Лотмана, «семантика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [2, с. 205]. В бурятской мифологии, являющейся основой эпического творчества, пространственно-временные понятия отражают миропонимание людьми устройства вселенной и структурируют пространство и время в эпических произведениях.

В улигерах часто встречаются мифологемы *Сумбэр / Сүхэтэ Сүмбэр, хүн далай* (гора Меру, Молочное море). Они неизменно присутствуют в картине космогонического строения вселенной и восходят к древнеиндийской мифологии: гора Меру *Һумбэр уула* (бур.) и Молочное море *Һун далай* (бур.) имеют прототипы в древнеиндийском мифе о пахтании молочного океана. По мнению С. Ю. Неклюдова, участие в формировании сказания о Гэсэре моти-

вов индийской мифологии является достаточно давним [4, с. 43]. Подобные объекты сакральной топонимики упоминаются практически во всех бурятских вариантах Гэсэриады, а также в монгольских и тибетских версиях, с незначительной разницей в характеристиках.

Являясь частью «строгих стандартных формул, идентичных в фольклоре всех тюркско-монгольских народов, пространственно-временные понятия становятся ярким свидетельством культурно-исторического единства этих народов. Универсальность формулзачинов указывает на их большую древность» [3, с. 294]. Так, указанные мифологемы встречаются в фольклоре алтайцев, ойратов, монголов, а также тувинцев и якутов и потому являются наиболее древними в повествовательной канве Гэсэриады.

Появление Сумеру из взволнованного океана [1, с. 91] послужило основанием для проникновения в монгольскую эпическую традицию вместе с мотивом горы и мотива Молочного моря [5, с. 125], также имеющего корни в буддийской мифологии. Эти объекты сакральной топонимики предстают в прологе (зачине) сказания о Гэсэре, являясь фоном эпических событий. При этом гора становится обозначением центра вселенной, вокруг которой происходят события в эпосе, и потому сакрализуется, становится местом локализации божеств. Мотивы представляют собой постоянные образы шаманского и эпического фольклора центральноазиатских народов. Они довольно часто встречаются в шаманских текстах, где гора Сумеру служит обиталищем небесных божеств, в том числе 33 тэнгри и Хормусты [8, с. 44], а также местом исполнения ритуальных таинств. В бурятской Гэсэриаде вершина горы, как переходное пространство между миром людей и тэнгри, становится обиталищем буддийских персонажей – Будды и ламы.

Поднявшись на вершину, Гэсэр совершает обряд жертвоприношения Эсэгэ Малаану и просит коня и вооружение (варианты П. Тушемилова, А. Васильева). На вершине горы располагаются божества или приближенные к ним персонажи. Нюхата Сура (Гэсэр) поднимается на гору, где проходит суглан с тысячей светлых бурханов (П. Степанов). Согласно сюжету, Хормуста спускается к Шэбэгли бурхану на вершину Сумеру, чтобы узнать о состоянии среднего мира. Так и Булеэгэн Тугэсэ (Абай Гэсэр) спускается через белую дверь на вершину Сэгтэ Сэмбэр Ула, где преклоняет колени и молится Шэбэгли бурхану, от которого получает благословение и имя Абай Гэсэр (вариант Б. Жатухаева). Представление о горе как о центре пространства и «мосте», связывающем миры, придает горе особую сакральную значимость и в тоже время реальность ее существования.

По представлениям сказителей, на небе, как и на земле, имеются горы, реки, леса. В некоторых бурятских вариантах возникает мотив священных гор, духам которых буряты исконно поклоняются. Введение подобных реалий в повествование придает эффект реальности происходящих в нем событий, вносит историчность в образы персонажей. Почитаемые горы, ассоциируемые с хозяевами местности, природных стихий и духами-покровителями, мифологизируются и соотносятся с мировой горой, дублируя ее в функции моделирования мира [7, с. 312].

Также в бурятских улигерах о Гэсэре встречаются такие космогонические понятия как *замби* (от санскр. Джамбудвипа – материк Джамбу), *галаб* (от санскр. калпа – мифический период времени), которые адаптировались на новой мифологической основе и получили достаточно широкое применение в монгольской и бурятской эпической традиции.

Замби – в народной этимологии это один из четырех континентов в мировом океане, который населён обычными людьми и, согласно буддийской космологии, является местом появления всех Будд. Под словом *замби* подразумевается либо срединный мир людей, как в эхирит-булагатском эпосе (М. Имегенов), либо вселенная (в прологе унгинских вариантов Гэсэриады).

Эпическое время в фольклоре имеет значение времени, предшествовавшего началу исторического исчисления. Здесь нет установки на конкретную хронологию, время движется в зависимости от важных событий в жизни героев. Время обозначается в эпическом повествовании только в связи с необходимостью измерения расстояния или продолжительности пребывания героя в походах. В бурятских улигерах время действия относится к мифологическому прошлому, тогда как в монгольской Гэсэриаде, хорчинском сказании «Галвын үлгэр» время приближено к историческому и связано с именем Будды Шакьямуни.

Кальпа в буддизме означает определенный мифологический отрезок времени. Монгольские буддийские сочинения насчитывают шесть калп мироздания. В мифологии монгольских народов *кальпа* (монг. *галав*, бурят. *галаб*, калм. *һалв*) – вселенная в её временном измерении. Выражение «кальпа-мир» (монг. *галав дэлхий*, бурят. *галаб дэлхэй*) в зачинах эпических поэм означает начальное состояние вселенной.

В варианте Б. Жатухаева *кальпа* используется для обозначения мифического времени первотворения. Этот мотив распространен в фольклоре и соответствует теме «раннего времени» [6, с. 185], кото-

рое в сказаниях рисуется с помощью словесных формул типа «когда гора Сумеру еще была бугорком...».

Буддийские понятия, относящиеся к космогоническому строению Вселенной, – гора *Сумеру*, *Молочное море*, *замби*, а также *кальпа*, означающая Вселенную в ее временном и пространственном измерении, являются своего рода неотъемлемой составляющей эпического повествования, что подтверждает высокую степень их адаптации в мифологической системе монгольских народов.

Функционирование в бурятской Гэсэриаде разных по своей морфологии мотивов обусловлено спецификой бытования эпоса. В бурятскую эпическую традицию раннебуддийские мотивы проникли, вероятно, вместе с монгольско-тибетским ядром сюжета и потому являются самыми древними в повествовании бурятской Гэсэриады. Они сохранились в основе эпоса как его неотъемлемая часть и выглядят вполне автохтонно.

Список литературы

1. Ковалевский О. Буддийская космология. Казань : Тип. Казан. университета, 1837. 177 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
3. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса (Ранние формы и архаические памятники). М. : Изд-во вост. лит., 1963. 462 с.
4. Неклюдов С. Ю. Образ Гесера в фольклорно-мифологических традициях Центральной Азии и Южной Сибири // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока : материалы Всесоюз. конф. фольклористов / под ред. Н. В. Емельянова, В. Т. Петрова. Якутск : Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1978. С. 40–44.
5. Неклюдов С. Ю. Мифологическая семантика в зачинах монгольского эпоса // Opera altaistica professori Stanislaw Kaluzynski octogenario dicata. Rocznik Orientalistyczny. Tom LVIII. Zeszyt 1. Warszawa 2005. P. 117–132.
6. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического мотива в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина. М.: РГГУ, 2010. С. 185–198.
7. Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М. : Советская энциклопедия, 1980. С. 398–406.
8. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой; науч. конс. Я. Чеснов. СПб. : Алетей, 1998. 250 с.

Художественный мир рассказа Геннадия Башкуева «Вверх по Миссисипи»

В статье исследуется художественный мир рассказа современного бурятского писателя Геннадия Башкуева, раскрывается мир героев. Рассматриваются особенности пространственно-временного хронотопа.

Ключевые слова: герой, мотив, пространство, время, образ.

The article explores the artistic world of the story of the contemporary Buryat writer Genady Bashkuev, reveals the world of heroes. The features of the space-time chronotope are considered.

Keywords: hero, motive, space, time, form.

Среди многих произведений писателя выделяется небольшой рассказ, опубликованный в 2007 году. Хотя впервые рассказ увидел свет еще раньше, на страницах журнал «Байкал», под другим названием «Бурят, который никогда не видел Америки» (1990 г.).

В начале рассказа читатель знакомится с героем-мальчиком, который узнал о том, что у его деда в деревне есть собака и лошадь. Он представляет, что деревня – это замечательное место для приключений, и он чувствовал себя вполне счастливым человеком. Поэтому уезжая в деревню, мальчик взял с собой «компас, правда без стрелок, карту мира, пистолет, свой школьный ранец, если вдруг понадобится для того, чтобы положить найденные золотые самородки, даже коробок спичек. В своих фантазиях мальчик «вообразил себя то ковбоем, то охотником – индейцем, то золотоискателем, то в хижине на берегу Миссисипи...» [1, с. 216]. Но реальность вызывает разочарование у юного героя: «Лошадь оказалось старой, речка – ручьем, а собака – кривоногой дворняжкой с несерьезным именем Шарик. У нее даже ошейника не было» [2, с. 216].

Итак, главные герои в этом рассказе – мальчик и его дедушка, герои безымянные. Писатель не дает описания их внешности. Есть исключение, горбатый старик по имени Агван, сосед, который все время перебирал четки. Этот образ появился не случайно, с ним оказывается связанной мысль о жизни человека, о единстве всего земного, о человечестве.

Жизнь в деревне была размеренной: вместе пасли коров, вечером возвращались домой под дружное зазыванье хозяев этих коров: «ир, ир, ир» (иди сюда, иди сюда, иди сюда). С помощью описаний

различных реалий деревенской жизни в вечернее время писатель создает особое пространство, наполненное «струйками кизячного дыма», «перезвоном ветра», «призывным ир, ир, ир», «мычаньем коров».

Вечерами или в плохую погоду старик и мальчик сидели вокруг печки, часто к ним присоединялся старик Агван. Автор обращает внимание на детали этих уютных вечерних посиделок: «шипенье мокрых поленьев», «скулящий за окном ветер», «низкая скамеечка», «курящий дед», «бульканье в чайнике», «гудение в трубе», «писки мышей». Размеренную, спокойную жизнь героев нарушает то новое, что познал старик. Этим новым была американская река Миссисипи, которая на языке индейцев означала Большая река. Если вначале название реки у деда вызвало смех, то однажды он узнал еще большее: где находится эта река. Мальчик показал на карте мира, где находится Миссисипи, а где Байкал. Это открытие взбудоражило, взволновало старика. «Ух ты! Мы значит тут, а они, значит, там!»... – почесал под шапкой дедушка и провел темным ногтем по Миссисипи; «Эх-ха... пошурился на птицу дедушка и вздохнул. – Хоть бы одним глазком» [1, с. 217].

В этом волнении старика и внезапно появившемся желании «хоть одним глазком увидеть американскую реку» можно обнаружить сходство с желаниями мальчика, который мечтал стать ковбоем, скакать на лошади, искать золото, как и все золотоискатели, жить в хижине на берегу Миссисипи. Ведь с этого дня старик изменился, стал беспокойным, задумчивым. Смотрел на степь так, как будто впервые ее видел. А она, степь, и жизнь в ней, была прежней: «Выгоревшее за лето желто-бурые сопки качались в теплом воздухе. Конь, отмахиваясь от паутов хвостом, щипал траву. Коровы лежали в тени осняка и жевали жвачку, будто разговаривали друг с другом. Крошечными мотоциклами тарахтели кузнечики. Из норки выглянул кто-то усатый и тотчас скрылся. Над степью парил коршун» [1, с. 217]. Внук понял, почему старик стал таким, и он засмеялся, когда тот твердо вдруг сказал: «Однако, там тоже люди живут!» [1, с. 217].

Состояние старика, его волнение, желание увидеть новое подчеркиваются многочисленными восклицательными знаками. И окончательно это состояние выливается в слова, обращенные к мальчику: «Вот увидишь, вот увидишь!». В них обнаруживается что-то детское, звучат нотки обиды и бессилия, и в то же время – настойчивости, упорства.

И если мальчик смирился, что не будет в деревне всего того, о чем он грезил, то дальнейшие события показывают, что желание по-

чти достижимо, потому что надо серьезно к этому подойти, как и сделал однажды старик.

Насколько важным оказалось желание старика увидеть далекую реку в Америке, говорит не менее серьезная подготовка к ее реализации. «Утром дедушка почистил сапоги, надел пиджак с орденом и достал со дна сундука маленький сверток, перевязанный резинкой. Напоил, запряг коня, бросил сена в телегу» [1, с. 217].

Образ старика раскрывается в диалоге с начальником, который сидел в большом красивом кабинете. Это был мужчина в галстуке, который *задавал, как считает главный герой, глупые вопросы. Выражение его лица изменилось лишь тогда, когда до его слуха дошли слова про Америку. «Да раньше за такие шуточки!.. Я тебе такую Америку покажу!... – погрозил мне пальцем» [1, с. 219]. Но старику, который никогда не покидал свой улус, всю жизнь пас коров, не были понятны эти угрозы. Недаром он утверждает, что старики везде одинаковы, и что ему просто с ними поговорить хочется. Старик удивляется, неужели вся Америка плохая. А ему много не надо: поговорить хочет о том, какой урожай у них нынче, чем скотину кормят, и считает, что люди везде одинаковы.

Маленькое желание маленького человека, каким и был деревенский дедушка, не могло исполниться, пока между двумя странами был затянута занавес «холодной войны», пока большие руководители не договорятся между собой о мире. Невдомек было старику, что своим желанием увидеть Миссисипи – великую реку Северной Америки и жизнь американских стариков чуть не стал преступником. Хмурый милиционер, сопровождавший старика и мальчика до конца села, сказал: «Скажите спасибо, легко отделались».

В мире маленького человека, каким был старик, важное значение имеют животные. Для старика лошадь и собака являются членами его семьи. Они такие же старые, как и он сам. Понимая скорую кончину старика, пес начинает грустить «Шарик вздыхал. Нос у Шарика был сухой, глаза – его черные пуговицы – слезились... Шарик лизал дедушкину руку и скулил» [1, с. 219]. Возможно, и он скоро уйдет вместе со стариком.

Известно, что пейзаж в литературном произведении полифункционален. В данном рассказе «именно пейзаж создает психологический настрой восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героев, подготавливает читателей к изменениям в их жизни» [3, с. 267]. Описание неба чаще всего связано с тем, что происходит в жизни героев, предваряет то состояние героев, которое ожидает их. В тот день, когда старик узнал о местонахождении Миссисипи, на

небе не было ни единого облачка, был солнечный день, а в день, когда старик понял, что никогда в своей жизни не увидит далекую американскую реку, небо было серым, с низкими облаками. Состояние природы предвещает все то, что произойдет с героем-стариком. Словно сама природа вместе с героями торопится увидеть Миссисипи, даже «ветер услужливо перелистнул страничку школьного атласа» [1, с. 217].

Внимания требует пространственно-временная организация рассказа. «Как в жизни, так и в литературе пространство и время не даны нам в чистом виде. О пространстве мы судим по заполняющим его предметам (в широком смысле), а о времени – по происходящим в нем процессам» [2, с. 189]. В стиливой системе Г. Башкуева пространственное наполнение представлено степью, речкой, сопками, животными, птицами, ветром, домиком, печкой. Известно, что интенсивность художественного времени выражается в его насыщенности различными событиями. Если начало рассказа Г. Башкуева характеризуется размеренностью художественного времени, то начиная с открытия стариком далекого мира, связанного с рекой Миссисипи, время ускоряется, насыщаясь активностью и движением.

Художественное время в рассказе вполне конкретизировано. Можно предположить, что время, которое описывается автором, относится к периоду, известному как «холодная война» между СССР и Америкой. Это особенно заметно по реакции «человека в галстуке», который услышав про реку Миссисипи, протекающую в Америке, тут же оглядывается на портрет. «На стене висел портрет густобрового старика с гирляндой золотых звезд на груди» [1, с. 218]. Становится понятно, чей портрет висел на стене, это были те времена, которые называют брежневскими, когда много лет, с 1966 по 1982 год, на главном посту в СССР был Л. И. Брежнев.

Как и в других произведениях прозаика, в рассказе четко обозначено циклическое время. События происходят в летнее время, фиксируются времена суток, утро, вечер.

Осмыслению времени способствует интересный мотив, который проходит через весь рассказ. Это мотив перебираемых четок – «кедровых орешек» в тесной связи с упоминаниями о молитвах, бурханах, бронзовых чашечках, о возможности перерождения дедушки в Америке, там, где течет река Миссисипи, позволяет прозаику говорить о важном для всего человечества, о жизни, о человеке, о настоящем и будущем, о вечности.

Рассказ Г. Башкуева, на первый взгляд, о простой деревенской жизни, о жизни дедушки и его внука, приехавшего в гости. Но, как

показывает анализ произведения, одной из главных мыслей рассказа, на наш взгляд, является мысль о человеке. Для писателя, как очевидно, важно осмысление жизни человека в глобальном масштабе, общечеловеческом, что повлияло на создание особого художественного мира в произведении.

Список литературы

1. Башкуев Г. Н. На переломе. Публицистика. Проза. Пьесы. Улан-Удэ : Респ. тип., 2007. 492 с.
2. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. М., 2004. С. 189–199.
3. Себина Е. Н. Пейзаж // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. М., 2004. С. 267–276.

УДК 821.512.31

П. Г. Барлуков

Россия, Оса

Бурятское сказительство как профессия

В статье рассматриваются некоторые аспекты бурятского сказительства, отмечается важность сказительской школы для становления улигершина.

Ключевые слова: Сказитель, профессия, фольклор, школа, мастерство.

The article discusses some aspects of Buryat narration, the importance of the storytelling school for the formation of the uligerschina is noted.

Key words: Narrator, profession, folklore, school, mastery.

Фольклорное творчество – плод коллективного разума народа, из которого всегда выделяется талантливая личность, способная сохранить и приумножить творческое наследие родного этноса [3, с. 4].

Горы по-разному выделяются над землёй. Каждая из них имеет свою вершину, определяет которую её высота. Точно также выделяется улигершины – народные сказители, певцы героического эпоса [6, с. 40]. Но как определить ту или иную наивысшую точку развития среди бурятских сказителей? Как нам кажется, говорить о том, что этот сказитель знает больше, а другой обладает меньшим сказительским материалом, а значит он хуже, было бы не верно. У каждого сказителя свой творческий потенциал и сказительский стиль, своя специфика исполнения. Значит, творчество любого талантливого сказителя – неотъемлемая часть бурятской культуры. С. П. Балдаев

пишет: «Из 400 известных нам бурятских сказителей 100 человек знают, поют и рассказывают 4–5 глав «Гэсэра» в различных вариантах, полностью же текст «Гэсэра» знают только 7 человек» [1, с. 32]. В пример он приводит таких мастеров исполнения устно-поэтического творчества, как: Пеохон Петров, Папа Тушемилов, Маншуд Имигенов, Бажей Жатухаев, Платон Степанов, Сагаадар Шанаршеев. К этой плеяде улигершинов мы должны отнести и Альфора Васильева (Александра Васильева), как одного из выдающихся сказителей обладающего прекрасной музыкальной способностью, а также ярким текстом с точки зрения художественности.

Альфор – это второе имя певца, псевдоним, под которым он известен народу. Настоящее его имя и фамилия – Александр Онгоевич Васильев (1887–1945). Горьким и печальным было детство будущего сказителя, не знавшего света солнца (заболев, корью, он ослеп – П. Б.), ни грамоты. Солнцем для Альфора стала народная поэзия [5, с. 43]. Может быть, именно недуг стал первопричиной того, что он стал певцом – профессионалом.

О том, насколько в деятельности отдельных певцов и сказителей широко проявляется индивидуальное творческое начало, говорят наблюдения выдающегося советского монголооведа акад. Б. Я. Владимирцова, высказанные им в работе о монголо-ойратском героическом эпосе. В ней учёный дал блестящую зарисовку не только общей картины создания эпической поэмы, но и процессу работы профессиональных сказителей, творцов-исполнителей.

Молодой человек, решивший стать певцом богатырских сказаний, проходит специальное обучение у профессиональных певцов – улигершинов. Начинается такая учёба, по наблюдениям Б. Я. Владимирцова, с освоения определённого сюжета. Он внимательно должен изучить развитие его действия, «знакомится (практически и теоретически) со схемой, планом данной эпопеи и вообще эпопеей; учится разбивать эпопеи на составные части, заучивает «общие места» и «формулы»... и пытается приладить всё это к знакомому сюжету [2, с. 24]. Конечно же, никакой профессиональный сказитель не обучал А. Васильева; он не заучивал никаких «формул»; не знакомился со схемами и планами эпопеей. У него оказался природный дар – отличная память, прекрасный голос и слух. Этим самым он впитывал и запоминал от улусных рапсодов, родных и близких многие произведения устного народного творчества. Он знал свыше 20-ти героических поэм и десятки сказок. Обладая всеми данными сказителя, он был востребован аудиторией. В силу своего физического недостатка он не мог полностью посвятить себя работе в колхозе,

поэтому он имел возможность выступать в различных улусах, его приглашали руководители коллективов художественной самодеятельности, учителя школ. Хотя есть мнение, что бурятские улигершины не были профессиональными сказителями (это аргументируется тем, что сказительство не являлось основной формой заработка), я полагаю, что профессиональные сказители всё же были, в том числе и А. Васильев. Да, его публичные выступления не оплачивались, но он был человеком уважаемым, создал сказительскую школу, тем самым, вырастив учеников сказительского ремесла. Он был профессионалом обращения с искусством слова. Значит, профессионализм (заработок не является основополагающим фактором) предполагает ученичество, а также выработку целого арсенала выразительных средств, совершенствование памяти и других ценных качеств, которые присущи сказителю. «Альфтор много занимался песнями, музыкой, постоянно тренировался, – вспоминает Наталья Евсеевна (жена А. Васильева) – приятно было его слушать, не надоедало, хотя Альфор пел или играл дома часами» [5, с. 61].

С. П. Балдаев пишет: «Из рассказов знатоков бурятской старины мы знаем, что в 50-х и 60-х годах 19 века среди бурят были профессиональные сказители, певцы и сказочники. Например, тайша Идинской степной думы И. И. Пирожков содержал в своём доме певца В. Мадаева, улигершина Ш. Имеева, сказочницу С. Награеву». Если хозяин, по бурятскому обычаю, состязаясь с гостем в исполнении песен, загадок, терпел поражение, то в соревнование вступал Мадаев. Так, однажды И. И. Пирожков поехал в гости в улус Халюта, Бараева рода. Этот улус славился замечательными сказителями и певцами, которые, состязаясь с Пирожковым в исполнении песен, победили его. Тогда он послал ночью своего ямщика за В. Мадаевым, не посчитавшись с тем, что Халюта от Бохана находилась на расстоянии ста вёрст. Мадаев прибыл на третий день, и сразу же, после обычных приветствий, вступил в состязание с местным певцом, победившим Пирожкова. Во втором туре В. Мадаев победил противника, за что был обласкан хозяином и награждён часами» [1, с. 14].

Таким образом, можно утверждать, что профессиональные сказители, зарабатывающие своим собственным творчеством как ремеслом, были. Стало быть, у сказителей появился основной род занятий – сказительство как профессия, но оно не касается всех исполнителей устного народного творчества.

Одарённый сказитель – знаток своего дела, профессионал по уровню подготовки и сказительского искусства [4, с. 7]. Значит, как высокий профессионал, сказитель должен обладать такими субъективными факторами, как певческо-музыкальный дар, отличная па-

мять, артистичность. Сказитель, обладающий этими характеристиками «взрачивается» на особой фольклорной почве, где происходит процесс передачи секретов и приёмов сказительского искусства от старшего поколения к младшему.

На этом примере ярко вырисовывается колоритная фигура Папы Тушемилова. Он, как никто другой, впитал в себя все жемчужины и жемчужинки бурятского фольклора от своих предшественников из рода Тушемиловых. Его прапрадед – Пеэтриг, прадед – Хамаган, дед – Тушемил, отец – Михаил и дядя – Петхоб были носителями и хранителями фольклорного знания. Развиваясь в русле семейной традиции, Папа Тушемилов получил первые навыки сказительства. Огромное влияние на него оказал его дядя – Петхоб. Папа Михайлович позже рассказывал, что Петхоб знал все 9 ветвей эпоса «Гэсэр», исполнял её только пением и речитативом в сопровождении хура [7, с. 14]. Пройдя сказительскую школу династии сказителей Тушемиловых, улигеры Папы Тушемилова похожи по характеру выразительных средств, одинаковыми поэтическими оборотами, по структуре глав (сюжетной канве), по образным средствам и оборотам, по архитектонике (структуре) со сказительским материалом его дяди Петхоба Тушемилова. Это говорит о том, что фольклорно-сказительская среда, на котором сформировался Папа Тушемилов как профессионал своего ремесла, оказала большое влияние на его творчество и образовал остов исполняемых им улигеров (это то, что называют «школой»).

П. М. Тушемилов относится к так называемому первому типу сказителей, где улигершины выходят за рамки бытующей фактуры. Им становится тесно в рамках закреплённого текста, и они поднимаются на качественно другой уровень развития, становятся «поэтами», в какой-то степени новаторами, но это не достоинство, а недостаток, о чём нельзя сказать о П. Петрове (1866–1943). Он строго придерживался «канонического» устного текста, избегал в ходе исполнения вольностей и отступлений, тем самым он относится ко второму типу улигершинов. Мастерство улигершинов состояло не в том, чтобы превзойти или улучшить улигерный текст, а в том, чтобы точно воспроизвести тот или иной текст. Обладая феноменальной памятью П. Петрову это удавалось легко.

В. В. Илларионов пишет: «В обрядовых песнопениях, ритуальных благопожеланиях традиционные формулы передаются почти одинаково. Вот почему якутский этнограф В. Л. Серошевский шаманов, алгысчитов, а также олонхосутов считал профессиональными певцами, а тех, кто свободно импровизирует, назвал непрофессиона-

лами. Этнограф имел в виду, что профессионалы передают текст таким, каким усвоили «от отцов и дедов», и не меняли свободно сюжетно – композиционную схему, сохраняя даже отдельные слова, входящие в состав формул, поэтических описаний» [3, с. 4].

Если профессия в сказительстве является не основным фактором для исполнителей устного народного творчества, то профессионализм для становления бурятского сказителя играет важную роль. Для этого необходимо не только пройти сказительскую школу, но также стать учителем песенного, музыкального и словесного мастерства.

Песенные, музыкальные и словесные компоненты, объединённые в единую структуру мастерства сказителя, характеризуют его как знатока бурятской старины. Личность сказителя умеющего выражать свои замыслы, обладающего авторитетом перед обществом, должна рассматриваться как единая творческая личность, в которой сплавлено воедино и дарование певца, и дарование рассказчика, повествователя. Таким образом, сказитель как профессионал своего ремесла превращается в театр одного актёра.

Список литературы

1. Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. С.32.
2. Баранникова Е. В. Индивидуальный стиль и исполнительское мастерство // Мастерство современных бурятских исполнителей. Улан-Удэ, 1978. С.24.
3. Илларионов В. В. Сказительство в системе фольклорной традиции народа Саха. Якутск, 1997. С.4.
4. Тулохонов М. И. Фольклор и сказитель // Творчество сказителей: традиция и импровизация. Улан-удэ, 1998.С.7.
5. Шерхунаев Р. А. Бурятские народные сказители, Ч.1. Улан-Удэ, 1986. С.43.
6. Шерхунаев Р. А. Бурятские народные сказители, Ч.3. Иркутск, 1998. С.40.
7. Шерхунаев Р. А. Певец земли бурятской. Иркутск, 1973. С.14.

УДК 821.512.31

И. В. Булгутова

Россия, Улан-Удэ

Поэтика повести К. Цыденова «Весна возвратится»

В статье выявляются особенности идейно-художественной структуры повести К. Цыденова «Весна возвратится», определяются функция внутренних монологов, роль рефлексии центрального персонажа. Устанавливаются особенности временной организации произведения, прослеживается, как событийный ряд включается в круг естественной природной жизни. В статье определяется автобиографический характер главного героя, прослеживается переход от фактов внешней биографии к становлению личности, к духовной истории героя.

Ключевые слова: повесть, внутренний монолог, субъективированное повествование, автобиографический герой.

The article reveals the features of the ideological and stylistic structure of K. Tsydenov's novel "Spring Will Return", defines the function of inner monologues in the long story and determines the role of reflection in the main character's personality. The author analyzes the peculiarities of the time frame in the story and traces how the chain of events fits into the inherent cycle of nature. The article discusses the autobiographical nature of the protagonist's character and follows the transition from the facts of his external biography to the rise of his personality and to the hero's spiritual story.

Keywords: long story, inner monologue, subjective narrative, autobiographical hero.

Творчество бурятского писателя К. Ш. Цыденова (1937–1971) пришлось на период оттепели и во многом отразило процесс изменения ценностных установок, переосмысления морально-нравственных ориентиров и новых художественных поисков в национальной литературе. В прозе писателя были намечены тенденции, которые реализовались в полной мере в последующий период развития литературы. В центре повести К. Цыденова «Весна возвратится» (1964) не совсем типичный для бурятской литературы того периода образ сельского интеллигента – учителя, проходящего путь личностного и профессионального становления, который раскрывается в процессе напряженных размышлений и переживаний. Подобный рефлексирующий герой-интеллектуал найдет свое развитие в дальнейшем в романе, например, к этому типу будет относиться образ Олега Аюшеева в романе В. Митыпова «Долина бессмертников». Внимание к внутреннему миру человека, раскрытие психологии частного человека отразило одну из тенденций развития литературного процесса того периода, определило выбор и дальнейшее развитие формы субъективированного повествования. Как отмечает исследователь психологизма в бурятской литературе С. Г. Осорова, «понимание необходимости показывать человека во всем многообразии его проявлений, в диалектическом единстве и борьбе противоположностей, признание противоречивости человеческого характера является важным моментом в развитии психологизма в бурятской прозе. Постигание внутреннего мира человека тесно связано в ней с изображением социально-политических событий действительности, чувства и душевные размышления героев созвучны с ведущими идеями конкретных периодов народной жизни. Основным показателем и критерием психологического анализа в литературе становится единство духовного и социального в человеке» [1, с. 90]. Показ в повести К. Цыденова «Весна возвратится» процесса духовного развития человека в неразрывном единстве с реалиями и обстоятель-

ствами общественной жизни подготавливает дальнейшее усиление интереса к романной проблематике в бурятской литературе, к истории личности.

Как отмечается в истории бурятской литературы, в 60–70-е годы «<...> лицо бурятской повести во многом определяла традиционная для бурятских прозаиков “деревенская тема”. Именно здесь высвечиваются коренные для каждого человека проблемы истоков, малой родины, особенности бытования и развития народной культуры, национальной психологии, нравственных ценностей. В 70-е – 80-е годы “деревенская” повесть, ставшая объемной, полновесной, продолжила традиции прежних стилевых, тематических традиций, и в то же время в ней отчетливо выделились такие направления, как повесть о военном детстве, выстроенные на автобиографическом материале, лирическая повесть, экологическая тема» [2, с. 94]

Как известно, «повесть “Бусахал даа хабар” (“Весна возвратится”) К. Ш. Цыденова во многом является автобиографическим произведением, в основу которого легли отдельные факты и события из собственной жизни писателя. Этапы становления молодого специалиста в профессии, раскрытие сложных граней педагогического труда, роль личности учителя, его ответственность в формировании и воспитании сельских детей – основные темы, раскрытию которых и посвящена повесть». [3, с. 408]

Отход от документальности автобиографической прозы наметился в писательском выборе повествования от третьего лица, хотя, на первый взгляд, при такой опоре на свой личный жизненный опыт кажется очевидным выбор «я-повествования», вместе с тем писатель создает таким образом необходимую дистанцию между собой и героем, которая реализуется в ряде деталей: выбор другого края как малой родины героя (Сахюрта Агинского округа), другой педагогической специальности – Намжал – учитель математики, а не русского языка и литературы как сам автор и т. д. Рациональное стремление автора к более масштабному обобщению и типизации жизненных явлений, с одной стороны, сочетается, с другой, с интуитивно намеченной тенденцией сохранения внутренней точки зрения героя, которая реализуется в пристальном внимании автора ко всем подробностям и деталям восприятия и поведения героя. Образ сельского учителя Намжала близок автору и раскрывается преимущественно изнутри, диалоги в повести не имеют большого удельного веса, романная проблематика становления и формирования личности фокусируется в призме сознания одного центрального персонажа за счет узких пространственных и временных рамок. Автор воссоздает

реалии бытовой жизни, фокусируя и преломляя их через сознание своего героя, таково, например, изображение и воссоздание природы в повести, образа деревни. «Энэ зүнэгүй набтархан тэнгэри дорохи танигдаагүй бишыхан тосхоной хоохон шабар шабха үйлсэ хараха бүрээ ямар нэгэн гансаарданги, хүн амитанда мартагдашахан, орхигдогшоһон шэнги мэдэрэл сэдхэлыень мүлжэжэ, зосоонь баһал иимэ уйтан, бүрэнхы болоходол гэбэ». (Под бесцветным низким небом по мере того, как он смотрел на эту пустую, грязную улочку незнакомой маленькой деревни, в душе рождалось ощущение одиночества, заброшенности, как будто его забыли и оставили все люди и живые существа и становилось так же тесно и пасмурно) [4, с. 111]. Деревенская жизнь изображается автором без прикрас, в череде трудовых буден, вместе с тем осознается и раскрывается ценность человеческого бытия в ее естественности и тесной связи с природной жизнью. Временной охват повести позволяет воспроизвести цикличность деревенской жизни, что отразилось в самом названии произведения «Весна возвратится», действие начинается в конце лета, когда молодой учитель приезжает в деревенскую школу на работу, осенью происходит открытие им новых реалий жизни; зима становится временем испытаний самых важных для героя чувств – любви, дружбы и долга, временем духовного возрождения на новом витке мыслится приход весны в финале произведения.

Герой восприимчив к миру природы, многие пейзажные характеристики выполняют психологическую функцию, они раскрывают процесс рефлексии и самоуглубления героя в свой внутренний мир. Вдумчивая созерцательность как черта, присущая национальному складу характера, раскрывается писателем в многочисленных эпизодах, так, в начале повести вводится предыстория героя через его воспоминания о детских годах, раскрывается история внутренних открытий в процессе пристального всматривания в окружающий мир. Намжал вспоминает, как любуясь картиной заката, прозрел однажды в глуби небес другие миры: «Тон холо хаанаб даа нэгэ тээ, тэрэ алта шарамал үүлэнүүднээ сааша оршоһон, баһал иимэ яларма алтан ганжартай ордонгуудтай үзэсхэлэн орониие харахадал гэбэ. Юун энэ орон бэ? Ном соогуур хэлэгдэдэг тэрэ гайхамшагта оронудайнь нэгэниинь гү? Али магад тэрэ хүлэмхихэн зулынгаа гэрэлдэ хүгшэн эжынь хаража ядадаг бурханайнь орон гү?» (Там где-то вдали, за этими золотистыми облаками, ему привиделся чудесный край с дворцами, сверкающими такими же золотыми украшениями. Что это за страна? Одна из тех удивительных стран, о которых рассказывают в книгах? Или, может быть, это тот самый божественный край,

который силится увидеть при слабом свете лампы его старушка-мать?) [4, с. 221]. Включение внутреннего монолога героя в повествование придает ему особый лиризм, так раскрывается ценность мгновений человеческой жизни, наполненных различными чувствами. Автором создается особый ритм неспешного, хроникального повествования, воспроизводящего будничные ход событий, в которых опыт прожитых чувств в различных встречах и общении с людьми становится истоком всех изменений. В едином потоке воссоздаются переживания, связанные с освоением профессии педагога, приобретения опыта личных чувств. В повести отразилось то, как советская идеология определяла моральные нормы в обществе, когда вопросы межличностных отношений становились предметом коллективного обсуждения на собраниях. Поиски позиции личной правды, осознание своего долга и ответственности перед другими людьми обусловили включение в повествование внутренних монологов героя, состоящих порой из одних вопросов, ответы на которые не могут быть столь однозначными, как диктовала идеология.

И взаимоотношение молодого учителя Намжала с учеником Цырендоржи, знакомство с семьей которого позволяет понять педагогу суть подлинной человечности в отношениях, и история несложившейся любви Намжала и молодой учительницы Альбины, оставшейся по духу городским человеком, и конфликт с соседом и заступничество за обиженную им девушку Доржиму, – все поступки и решения героя повести К. Цыденова обусловлены длительным раздумьем, осознанием своих чувств, проговариванием обнаруженных противоречий.

Структура повести К. Цыденова «Весна возвратится» отражает стремление автора к созданию объективной картины жизненных процессов, что можно увидеть в выборе повествования от третьего лица. Доминантой же в повествовательной ситуации произведения становится внутренняя точка зрения, что обуславливается сохранением автобиографической основы при создании образа центрального персонажа.

Список литературы

1. Осорова С. Г. Психологизм в бурятской прозе. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1992. 101 с.
2. История бурятской литературы. т. 3. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.
3. Цыбикова Б. Б. И это все о нем: талантливый писатель, настоящий педагог, человек с большой буквы // Цыденов К. Бусахал даа хабар. Зохёолнуудай ном. Улаан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2017. с. 402–410.
4. Цыденов К. Бусахал даа хабар. Зохёолнуудай ном. Улаан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2017. 512 с.

Масть коня эпического божества в контексте этнокультурной традиция кочевников

В статье рассматривается масть лошади Атай Улана, небесного божества, играющего сюжетообразующую роль в прологе бурятской Гэсэриады. В героическом эпосе кочевников масть коня являлась важным элементом в портретном описании эпических персонажей. Автор приводит выразительные параллели в историческом прошлом тюрко-монгольских народов, что представляет определенную ценность для выяснения генезиса образа Атай Улана тэнгри как главы восточных небожителей.

Ключевые слова: Гэсэриада, эпический персонаж, небесное божество, масть коня, тюрко-монгольские народы

This article discusses the suit of the horse of Atai Ulan, a heavenly deity playing a plot-forming role in the prologue of the Buryat Geseriada. In the heroic epic of nomads, the color of the horse was an important element in the portrait description of epic characters. The author gives expressive parallels in the historical past of the Turkic-Mongolian peoples, which is of some value for elucidating the genesis of the image of Atai Ulan Tengri as the head of the eastern celestials.

Keywords: Geseriada, epic characters, heavenly deity, suit of the horse, Turkic-Mongolian peoples

В героических сказаниях тюрко-монгольских народов масть лошади являлась устойчивым признаком при характеристике эпических богатырей. Данное обстоятельство, по всей видимости, исходит из самой этнокультурной традиции степных номадов, в которой заметную роль играл конь как важный фактор кочевой цивилизации.

По данным исторических источников, еще у хуннов масти лошадей придавалось особое значение. Об этом говорит тот факт, что их конница располагалась сообразно цветовой символике четырех сторон света: на западной стороне – белые кони, на восточной – серые, на северной – вороные и на южной – рыжие [3, с. 51]. Также масть лошадей обладала сакральным характером. У тех же хуннов священной, наряду с белой мастью, считалась пегая или пестрая масть [14, с. 175–176], по-тюркски ала или чокур, что соответствует монголо-бурятскому алаг и цоохор (соохор) с тем же значением ‘пегий, чубарый’ (о масти).

Именно такого рода мастью отличался небесный конь Атай Улан тэнгриа, что является темой нашего исследования. Коню главы восточных небожителей с указанием его масти уделяется внимание во всех текстах бурятской Гэсэриады. В молькинском варианте он именуется Алаг хурдан морин ‘Пегий стремительный конь’, в вари-

анте П. Петрова – Одон соохор морин ‘Звездно-чубарый конь’, в вариантах П. Тушемилова и П. Дмитриева – Шодон соохор морин ‘Чубарый с коротким (торчащим) хвостом’. Отметим, что чубарый означает масть с темными пятнами на светлой шерсти или вообще с пятнами другой шерсти; пятнистый; по понятиям гиппологов, синонимично слову пегий или пестрый. Пегий (вар. чубарый) конь Атай Улана, согласно молькинскому варианту, слывет лучшим среди аргамаков-хулэгов восточных небожителей. Об этом свидетельствует его эпитет хурдан ‘стремительный, быстрый’. О нем говорится в тексте, напоминающем гимническое восхваление коня за быстроту его бега, характерное для фольклора коневодческих в прошлом народов:

Зүүн хараанай газарта
Зүлгүй ябан харайха,
Наян хараанай газарта
алгай ябан гүйхэ,
Сууда ороһон,
Сойдо хатарһан
Алаг хурдан
[2, 1995, с. 46]

Расстояние в сто видимых пространств
Играючи преодолевающий,
Расстояние в восемьдесят видимых пространств
Легко оббегающий,
Славу приобретающий,
По гололеднице рысью летающий
Пегий стремительный (конь).

Динамично, с поэтическим изображением ископыти, переходящей в нагнетание космической масштабности, передан бег коня Атай Улана, едущего на смертельную схватку со своим противником Хормустой:

Ааляар ааляар дүйлүүлбэ
Аягын шэнээн дагнаһые
Эндэ тэндэ хаяба.
Түргөөр түргөөр дүйлүүлбэ
Тэбшын шэнээн дагнаһые
Тэндэ эндэ хаяба.
Хэбтэһэншые ехэ дэлхэйе
Хэлтэлзүүлжэ гаража ерэбэ,
Байһаншые ехэ дэлхэйе
Балхалзуулаар гаража ерэбэ
Саг самарайн болобо,
Түүхэ түбэргөөн болобо.
[5, с. 14–15]

Медленно, медленно рысит –
С чашку величиной комочки
Здесь и там разбрасывает.
Быстро, быстро скачет –
С корыто величиной комки
Там и сям раскидывает.
Лежачую великую землю
Раскачивая прибывает,
Стоячую великую землю
Сотрясая прибывает.
Перетряска времен происходит,
Потрясение истории происходит.

Воинская судьба пегого аргамака Атай Улана в прологе предопределена, как и его хозяина. Устойчивая парность всадника и коня, характерная для героического эпоса, подтверждается и в исходе битвы восточного и западного небожителей. Пегий аргамак (одон соохор) сражается с гнедым конем Хормусты, который скидывает

его с неба на землю [1, 1960, с. 27]. Совместная гибель Атай Улана со своей боевой лошадей и низвержение их обоих в Нижний мир (смена статуса) вызывает некоторую (косвенную) параллель с широко распространенным в историческом прошлом обычае сопогребения с воином его любимого коня [4, с. 15–16]. Эта аналогия подтверждается и в самом эпическом тексте. Основное «перевоплощение» Атай Улана на земле – Гал Дулмэ хан (‘Огненно-пламенный хан’) также владеет звездно-чубарым или звездно-пегим конем (одон сохор). После гибели своего хозяина от руки Гэсэра он сжигается вместе с ним на погребальном костре согласно эпическому обычаю: «Һайн эрэ үхэхэдээ / Хойлготоёо үхэхэмэ – Добрый молодец / Со своим конем умирает» [1, с. 194].

Интересно, что образ божества-всадника на пегом коне фигурирует в древнетюркской сакральной традиции. В уйгурской «Книге гаданий» или «Книге притч» (Ырк битиг) упоминается Alaatluy jol tanrı – досл. ‘тэнгри дороги’ (или путей), имеющий пегого коня [11, с. 80]. Об устойчивости представления об этом божестве и масти его ездовой лошади свидетельствует факт его существования в мифологии южносибирских телеутов вплоть до наших дней. Телеутское шаманство дает и другие факты, подтверждающее ритуальное значение пегой масти. Бубен, символизирующий коня, на котором шаман «ездит» к различным божествам и духам, назывался ак чагал ‘священный чагал’, где чагал ‘конь пегой масти’ [14, с. 175–176].

Ареал почитания подобного рода лошадей охватывает исторически все степное пространство традиционного коневодства и связан преимущественно с тюркоязычным этническим массивом. Так, еще в древности бытовала у хуннов легенда о небесном происхождении коней священной пегой масти [12, 1968, с. 167], которая находит подтверждение в якутском эпосе и мифологии, где лошадь как таковая генетически связана с небом. Есть особая символика и в том, что, согласно старинной легенде, Огуз-хан – священный предок тюрков ездил на пегом (чокур) жеребце. Ср.: у алтайского эпического богатыря Алтай Бучья из трех верховых лошадей две имеют пегую (чубарую) масть: один из них «полосатый» с крапинками конь, данный верховным небесным божеством Улгеном, другой – «темнопятнистый, данный божеством Баяной» [15, с. 80]. Эллэй – родоначальник якутского этноса обращался с молитвенным песнопением к шаману солнца-божества Кюнней-Ойуну как обладателю голубо-пегих лошадей [8, с. 209]. В хори-бурятском эпосе пятнистый конь (соохор) отмечен эпитетом «мудрый» (эрдэмтэ) в одноименном улигере «Эрдэмтэ соохор морин» [6, с. 52].

Можно продолжить перечень эпических и фольклорных персонажей, чьи боевые кони принадлежали к пегой масти. Эта особенность имеет вполне историческую подоплеку, так как, начиная с хуннских времен, о чем свидетельствуют источники, пегая масть была характерной для аборигенных лошадей Центральной Азии, которых еще выделяют условно как носителей «южно-сибирской породы» [13, с. 28–29]. Любопытно, что на древних писаницах сохранились некоторые изображения пегих лошадей, где пегость (или чубарость – пятнистость) на рисунках показана выбивкой на отдельных участках тела [12, с. 28]. Старинные источники донесли до нас сведения о том, что некоторые племена, входившие в древнеуйгурский племенной союз теле, специализировались на разведении пегих лошадей.

Особенно славились этим ремеслом курыкане, обитавшие в VI–X вв. в пределах Западного Прибайкалья и считающиеся этническими предками части бурят и якутов. Они выращивали превосходных лошадей [3, с. 348]. Недаром лучшим из них, приведенным в дар императору Китая в 647 г., как отмечают тогдашние анналисты, были даны весьма цветистые, в восточном стиле названия: «Пегий, блестящий, как снег; пегий, как застывшая роса; пегий, как висящий свет...» [9, с. 291]. Развитым коневодством отличалось и племя байырку, этнически и территориально близкое курыканам. Оно локализовалось в Восточном Прибайкалье, в долине р. Баргузин. Ряд ученых идентифицирует его с племенем баргу, принимавшем участие в этногенезе современных бурят. Байыркуские лошади были также хорошо известны в Центральной Азии и пользовались особым спросом на рынках Китая. Об их масти сохранилось следующее описание: «На крупе множество черных пятен; они пегии и по расцветке подобны леопардам» [3, с. 344]. Симптоматично, что представление о жителях страны Баргуджин-Тукум как об этносе, занимавшемся разведением коней данной масти, оказалось весьма устойчивым и встречается в «Золотой книге» (Алтан дептер), посвященной культуре Чингисхана в Ордосе. В ней приводится список отдельных лиц и этнических групп, достойных тугел – раздачи долей по чину и заслугам. Среди них упоминаются буряты как племя, «владеющее пегими лошадьми» [7, с. 224].

Резюмируя вышесказанное относительно пегой масти, отметим основные моменты. У кочевых народов Центральной Азии и сопредельных с нею регионов, в том числе в Прибайкалье, существовала испокон веков традиция различения коней по масти, чему придавалось особое значение. В элиту священных мастей входила пегая (чубарая) масть. Разведением лошадиной породы с подобной мастью

занимались и исторические предки бурят, известные под племенными названиями курыкан и баргу. Кочевники, будучи конным народом, не представляли своих богов и духов без коня. Поэтому закономерно говорить о мифологических и эпических персонажах – божествах и героях как о всадниках. Как правило, во всех тюрко-монгольских сказаниях в преломлении художественной специфики эпоса герой и его конь выступают слитно, как почти равноправные партнеры [10, с. 3]. При такой традиционной парности образа – всадника и коня обязательно указывалась масть последнего как его важнейший атрибут в представлении кочевника.

Подобная атрибуция типична и инвариантна для бурятской Гэсэриады в описании Атай Улана и его пегого аргамака – Алаг морин. В данном случае масть коня предводителя восточных сорока четырех тэнгриев, имеющая выразительные параллели в историческом прошлом кочевого коневодства, представляет определенную ценность для выяснения генезиса образа Атай Улана, связанного с периодом тюрко-монгольской этнокультурной общности, которое можно отнести к раннему средневековью.

Список литературы

1. Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасон. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 314 с.
2. Абай Гэсэр Богдо хаан. Зап. и сост. С. П. Балдаева. Подг. текста и предисл. М. И. Тулохонова, Д. Д. Гомбоин. Улан-Удэ, 1995. 521 с.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950. 480 с.
4. Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. Л., 1961. Вып. 3. С. 7–31.
5. Дмитриев П. Д. Гэсэр. Зап. Д. Хилтухина. Улан-Удэ, 1953. 162 с.
6. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука. 1991. 298 с.
7. Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордоце // Central Asiatic journal. Vol. 6, N 3. Wiesbaden, 1961. P. 194–234.
9. Ксенофонтов Г. В. Элэйада. М.: Наука, 1977. 246 с.
10. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах южной Сибири. Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 391 с.
11. Липец Р. С. Образы багатыря и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
12. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. 451 с.
13. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / пер. и прим. В. С. Таскина. М.: Наука, 1968. - 177 с.
14. Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 143 с.
15. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 164–178.
16. Суразаков С. С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск, 1961. 179 с.

Образы тофов в поэтике Валентина Распутина

В статье цикл тофаларских очерков Валентина Распутина рассматривается как поворотный в судьбе писателя – в обретении своего героя, главной темы, поэтического языка. В очерках выделяются образ старой охотницы, мотивы ветра, времени и другие, связанные с повестями «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой». Образ старухи-тофаларки имеет реальный прототип. Определяются особенности этого образа, его развитие в раннем творчестве писателя.

Ключевые слова: Тофалария, образ старухи-тофаларки, мотив ветра, мотив времени.

In the article, the cycle of Tofalar essays by Valentin Rasputin is considered as a turning point in the fate of the writer – in finding his hero, main theme, poetic language. The essays highlight the image of the old huntress, the motives of the wind, time connected with the novels “Money for Mary”, “The Last Term”, “Farewell to Matyora”. The image of the old tofalar woman has a real prototype. The features of this image, its development in the early work of the writer are determined.

Keywords: Tofalaria, image of the old tofalar woman, wind motif, time motive.

Циклы очерков Валентина Распутина о Тофаларии, написанные в командировках от газет «Советская молодежь» (Иркутск) и «Красноярский комсомолец» (Красноярск), объединяют два периода журналистики известного писателя общностью темы и стойкостью интереса к ней. На протяжении нескольких лет (1961–1965) молодой спецкор областных газет стремится в Тофаларию не только по направлению редакции, но и по зову сердца. Период творчества, связанный с поездками в этот край, обычно вызывает интерес у распутиноведов в связи с обнаружением истока художественного мира писателя. Обращались к образу старухи-тофаларки как началу женских образов писателя А. В. Игнатьева, А. В. Урманов, В. К. Сигов, Н. В. Ковтун. Об особенностях изображения природы в тофаларских очерках писал П. П. Каминский, он же отмечает соотносимость старух-тофаларок с образами Анны, Дарьи и другими [1, с. 44]. Между тем старуха-охотница, изображенная в очерках Валентина Распутина, претерпевает изменения и едина в развитии темы. Интересны связи образа с появлением образа старухи в иркутских очерках 1959–1960 гг., предшествовавших поездке в край. Тофаларский цикл имеет ключевое значение в становлении классика русской литературы. В Тофаларии журналист нашел своего героя – старуху-охотницу, свою тему – тему неразрывной связи человека и природы, открыл мир жизни тофов как источник литературного вдохновения, обрел

художественное слово. Можно сказать, что писателем Валентина Распутина сделала страна маленького народа с древней, почти не тронутой цивилизацией культурой, образом жизни и душой согласной с природой.

Одна из двух первых книг очерков «Край возле самого неба» (Иркутск, 1966) содержала очерки о Тофаларии. Первый сборник рассказов «Человек с этого света» (1967) [19], благодаря которому молодой автор, по его воспоминаниям [16], был принят в Союз писателей России (06.05.1967) включал три рассказа о людях Тофаларии из двенадцати: «Старуха», «Человек с этого света», «Продается медвежья шкура». Важно, что первые рассказы писателя выросли из очерков. Так произошло, по воспоминаниям Марка Сергеева [24], с первым рассказом «Я забыл спросить у Лёшки...», привезенным из командировки. Рассказ был напечатан в журнале «Ангара» (1961, № 1) [23]. В том же году в журнале «Ангара» (1961, № 3) появилась зарисовка «Старая охотница» [18]. Таким образом, писатель вошел в литературу с двумя героями, полярными по возрасту, пограничными – юношей, почти мальчиком, вступившем во взрослую трудовую жизнь, и старухой, завершившей ее и подводившей итоги прожитого. Старуха осталась центральным героем произведений писателя, получив в литературоведении собственное именование – «распутинская».

Но до зарисовки о старой охотнице первым тофаларским очерком был «Край возле самого неба» (1961, 12 февр.). Затем появились другие: «Вам завтра ловить оленей» (1961, 4 мая), «Всех понятней тайга» (1961, 11 мая), «Самолет уходит в Алыгджер» (1961, 17 сент.). И далее, в следующие годы, уже в красноярский период работы, в той же «Советской молодежи» публикуются очерки: «В Саяны приезжают с рюкзаками» (1963, 9 янв.), «На снегу остаются следы» (1963, 8 мая), «От солнца до солнца. Из тофаларского дневника» (1964, 19 дек.). Зарисовка о старой охотнице выросла из очерка «Всех понятней тайга», синхронной по времени публикации. Перерыв в тофаларских очерках объясняется сначала переходом на работу в Иркутскую студию телевидения (1961–1962) [3, с. 636], затем переездом в Красноярск (1962). По датам выхода очерков можно приблизительно определить периоды командировок журналиста в Тофаларию. Скорее всего, их было четыре, трудно, правда, сказать, все ли они были командировками.

Можно утверждать, что в 1961 году состоялась первая командировка Валентина Распутина в Тофаларию. 1961 год был особенным для успешного журналиста. Знакомство с Тофаларией совпало со временем начала счастливой супружеской жизни со Светланой Мол-

чановой, студенткой физико-математического факультета Иркутского государственного университета, ставшей в ноябре этого же года мамой сына Валентина Распутина. Брак продлился более пятидесяти лет. Счастливое начало совместной жизни и поддержка жены вдохновляли молодого корреспондента газеты на поиски собственного художественного стиля. Но процесс становления писателя, рождение нового творческого видения, выбор литературного пути и убежденность в призвании были еще впереди.

Важным событием на пути к литературе стал Читинский семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (2–9 сентября 1965 г.). На В. А. Чивилихина, руководителя одного из семи семинаров прозы, большое впечатление произвели очерки о Тофаларии. Рассказ о старухе-тофаларке – «Ветер ищет тебя» – Владимир Алексеевич в первый же день личного знакомства с автором, еще до открытия форума, продиктовал по телефону из Читы в Москву. 9 сентября 1961 г. очерк был напечатан в газете «Комсомольская правда» [5]. Позднее «Ветер ищет тебя» вернулся к названию «Человек с этого света» в первом сборнике рассказов. В быстроте принятия Валентина Распутина в Союз писателей России была ведущая роль В. А. Чивилихина, о чем свидетельствуют воспоминания Е. В. Чивилихиной [25] и А. Овчаренко [2].

Тема края возле самого неба не отпугала молодого спецкора газеты «Красноярский комсомолец». Если сравнить названия тофаларских очерков с названиями других газетных публикаций, то очевидна поэтичность и метафоричность названий тофаларских очерков. В очерках возникает новая тема – позднее распутинская – прочная, глубокая взаимосвязь человека и природы, неразрывность их существования. Тема была принята редакцией газеты «Советская молодежь» благодаря художественному совершенству, поэтичности и лиризму. Новый способ изображения в творчестве начинающего автора соединился с темой прежних материалов в газетах «Советская молодежь» и «Красноярский комсомолец» – изображением внутреннего мира человека, души, стремлением понять ее порывы, мотивы поступков, полеты. Очевидно, что за Распутиным в газете «Советская молодежь» с самого начала закрепились нравственная тематика. За событиями и проблемами комсомольской, студенческой и школьной жизни, делами бригад коммунистического труда, за буднями молочных ферм, посевных и уборочных, за успехами строителей Братской ГЭС для Распутина стоял человек, к которому автор относился с любовью и состраданием.

Интересно, что среди молодых героев очерков появляются не только люди старшего поколения, как правило, в роли наставников и руководителей, но и старые женщины. Очень редко, но это и замечательно. Исследователи обратили внимание на бабушку Муканиху из очерка «Крутые перекаты» (1960) [11], благодаря сюжетному сходству со старухой Дарьей. Муканиха отказалась переезжать в новый дом, осталась умирать в своем «низеньком стареньком домике». Но глубже сюжетного родства образное явление – синтез в журналистике Распутина образа старого дома и образа старухи, дом-старуха. За год до этого образ старухи появился в очерке «Пусть ветер разгонит тучи» (1959) [15], в котором художественно, психологически выразительно представлен конфликт старой женщины и сына. Но более всего потрясает образ бездомной, немощной старухи с больными ногами, бредущей в жару по пыльной дороге, с одной только целью – умереть («Чтобы их знали все» (1960)) [21]. Очерк производит впечатление, в первую очередь, не эмоциональной прямотой и публицистическим воззванием к совести читателя, а художественностью, силой образа. Можно предположить, что в душе журналиста, параллельно с текущими рядовыми заботами, шла напряженная внутренняя жизнь, возникала готовность принять и выделить из мира именно образ старой женщины, старухи со всей палитрой ее философских проблем.

В воспоминаниях о В. А. Чивилихине в поздние годы своей жизни (1998) Валентин Распутин признается в любви к Тофаларии. Чувство пронесено им сквозь три десятилетия и свидетельствует о значимости его для молодого человека. «А я, влюбившийся с тех пор в Саяны (снятся и сейчас) стал постоянно ездить в “оленный край” – в Тофаларию на иркутской стороне Саян – и писал восторженные не то очерки, не то рассказы о поразившей меня красоте гор и живущем там маленьком добром народе» [13], – писал шестидесятилетний Валентин Распутин. Но и в начале жизненного пути такое же открытое и искреннее чувство любви. «Мне снова хочется в Тофаларию», – признается автор, начиная очерк. И «...Я трижды был в Тофаларии. Мне снова хочется в Тофаларию» («В Саяны приезжают с рюкзаками» (1963)) [7], – замыкает сюжет кольцом главного мотива, который стал рефреном. Тридцать пять лет хранилась в душе писателя любовь к дивному краю и его необычным людям.

В тофаларском цикле, разумеется, выделяются очерки, посвященные старухе-охотнице. Они объединяются в четыре группы, каждый из которых имеет свою цепь развития и изменения названий. «Всех понятней тайга» (1961) становится зарисовкой «Старая

охотница» (1961). Очерк «Человек с этого света» (1964) затем публикуется как рассказ «Ветер ищет тебя» (1965) и после опять как «Человек с этого света» (1967). Особняком стоит очерк «И десять могил в тайге» (1966) [9]. Другой очерк «Эх, старуха» (1965) позднее печатается как «Старуха» (1967). Разумеется, каждая линия очерков меняет не только название, но и совершенствуется. Но текстологические наблюдения над работой автора, интересные сами по себе, остаются за рамками данного исследования. Группы объединены в цепь единством сюжета, но замечательно то, что все сюжеты имеют единый главный образ – старуху-тофаларку. Общими являются возраст – шестьдесят-восемьдесят лет, с указанием его условности, род занятий, чем женщина занималась всю жизнь (тридцать лет), а в двух сюжетах еще и продолжает заниматься. Она ухаживала за оленями, была телятницей, и била соболя, была охотником, не уступающей мужчинам.

Но портрет и внешние особенности жизни героини укрепляются единством ее восприятия мира, ощущением себя и своего возраста, отношением к людям, к природе, существованием глубокой связи и причастности к ней – всей картиной мира, художественными мотивами. Важным является мифическое восприятие процесса жизни как космоса, рода как связи одного человека с другим. Внутри четырех сюжетов в рождающейся поэтике женского образа писателя важна эволюция образа старухи-тофаларки. Образ вводится в очерке «Всех понятней тайга» (1961). Затем он развивается в очерке «Человек с этого света» (1964) и достигает полноты в очерке «Эх, старуха» (1965), не зависимо от сюжета. Можно сказать, что образ старухи-тофаларки вызревал в душе будущего писателя как исток женских образов старух Анны и Дарьи. Поэтому на вершине развития наиболее выраженными оказываются связи со зрелыми произведениями в очерке «Эх, старуха» (1965), который можно рассматривать как начало сюжетных линий, мотивов, образов повестей «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой».

Центральным и сюжетообразующим в очерке «Всех понятней тайга» (1961), как начальном варианте зарисовки «Старая охотница» (1961), является мотив песни. Он организует материал, собирает впечатления от окружающего мира и размышления в одно гармоничное целое. Построение предложений, включение повторов как внутренних рифм текста создают форму песенности. Выразителен мотив времени, который получает завершенность в образе маятника – старуха, сидя на оленьих шкурах, раскачивается из стороны в сторону. И вопрос «зачем?», который она задает себе и другим,

словно отбивает часы. Ведущим является и мотив воспоминаний, структурообразующий во многих художественных произведениях писателя. Активен мотив боли, душевного страдания старого человека. Захваченные выразительностью характера героини, ее внутренним миром и переживаниями, мы готовы принять имя героини как признак художественного целого, а между тем, женщина, ставшая прототипом распутинских старух, реальная. Это Елена Андреевна Болхоева, старая охотница из села Верхняя Гутара Нижнеудинского района Иркутской области. Первичность образа старухи-охотницы в развитии от очерка к художественным произведениям позволяет выделить ее имя как важное в распутинской поэтике.

Мотив ветра главенствует в рассказе «Человек с этого света» (1964). Ветер изображен как последовательность осеннего, зимнего, весеннего и летнего ветров. Мотив ветра согласуется с мотивом времени и образом человека-дерева, соединяясь в единый сложный образ, обусловленный мифопоэтическим сознанием героини. «Вот так и кружатся годы над человеком с их ветрами, снегами, дождями, накладывая на него, как на дерево, с каждым кругом свое кольцо» [20]. Мотив ветра в очерке, его связь в одно художественное целое со временем, предлагает рассматривать аналогично и ведущий мотив ветра в повести «Деньги для Марии». Внутреннее содержание мотива ветра в повести связано со стремительностью времени, восприятием Кузьмой срока, отпущенного ревизором. В очерке «Человек с этого света» постепенно возникает оппозиция «свои ветры – чужие», «свое время – чужое». «Ветры, ветры, ветры... Но это не ее ветры» [20]. Но ветры остались в самой старухе, они стучат как ее второе сердце. Дихотомия «свое-чужое» снимается осознанием себя как части единого целого с природой. Возвращение «своего» времени возникает после памятного года, поездки в Москву.

Образ главной героини в очерке «Эх, старуха» (1965) наиболее близок к знаменитым старухам Распутина – Анне и Дарье. Портрет умирающей тофаларки, описание ее действий – неподвижное лицо, лежание, смотрение в окно, поглощенность раздумьями, воспоминаниями, ожидание возможности передать кому-нибудь дар, и даже тихий вой, переходящий потом внутрь души, соотносится с умиранием старухи Анны и вместе с тем с несением ответственности за род старухой Дарьей. Мотив «последнего» – достоинства, тоски, надежды, долга – определяет поэтику повести «Последний срок». А мотив прощания – повести «Прощание с Матёрой». Фактически сюжет очерка «Эх, старуха» – это прощание и непрощание с матерью, с традицией, родом. Непонимание дочери, отталкивание от себя ста-

рухи, грубый обрыв связи видится как ядро отношений старухи Анны и Люси. Сюжет очерка соотносится с сюжетом повести «Последний срок» и в заключительной фразе: «Ночью старуха умерла», которую обычно отмечают исследователи. Мотив забвения эксплицирован описанием того, что было после умирания. В повести же «Последний срок» фраза метафорична, одновременно предлагая завершенность и открытость финала. И звучит, скорее, как скрытый вопрос, как затаенная боль, ранее открыто присутствующая в очерке «Чтобы их знали все» (1960).

Интересно, что характер старухи-тофаларки в позднем очерке «В Саяны приезжают с рюкзаками» (1963) переносится на образ русской женщины. В очерке соединяются две центральные темы, определившие художественный мир будущего писателя, образ старой женщины и образ дороги, навеянный миром В. А. Чивилихина, его повестью «Серебряные рельсы» (1959). Тема и мотив дороги – центральный в журналистике красноярского периода Валентина Распутина. Образ русской женщины в очерке «В Саяны приезжают с рюкзаками» наделен характером коренной жительницы Тофаларии. Приехавшая по трагическим обстоятельствам в этот край немолодая женщина, попав в особый мир людей и природы, тиха, молчалива, задумчива, сосредоточена в себе, созерцательна. Она одиноко ходит в горы, сидит на белом камне у воды, часами смотрит на нее, о чем-то думает, ни с кем не разговаривает, но, уезжая, говорит всем: «Я буду приезжать». Женщина из другого мира оказалась под влиянием мифического сознания тофов. Возникает впечатление того, что образ старухи-тофаларки стал ее внутренним содержанием. Важно, что автор собственное состояние изображает параллельно состоянию приехавшей женщины, словно он тоже готов приехать сюда потому, что здесь осталось самое дорогое для него.

Образ русской женщины открывает очерк «В Саяны приезжают с рюкзаками». В образе происходит незримое, но важное, соединение национального характера тофов в образе старухи-охотницы, и типа русской женщины, отраженного классической русской литературой. Так в развитии образа старухи-тофаларки и его синтезе возникает особый образ женщины, наделенной мифическим сознанием и духовным опытом двух народов, тофов и русских, – распутинской старухи. Заметим, что за художественным началом тофаларских очерков все еще стоит документальная природа – реальные люди и реальные события. Но документальное в них уже подчиняется художественному.

Новая тема ввела в творчество молодого журналиста новую поэтику, сменившую упругие ритмы слов, образов, отражающих напряженность труда, постоянство усилий в достижении целей. Рисунком речи в очерках о старухе-тофаларке становится плавным, замедленным. Энергия молодого напора, динамика коротких фраз с нанизыванием глаголов, уступают место сложным предложениям, описательности и напевности. Это созвучно с течением неторопливых раздумий, грустной песни, как ведущих мотивов в очерках о старухе. В одном случае это песня старой женщины, созвучная ветрам и плавному силуэту гор, волнистой линии троп, в другом – протяжный вой, отражающий состояние отчаяния, безысходности, страдания. Размышления чередуются с описанием неторопливых действий человека и пронизаны описаниями природы. Невыделенность пейзажных зарисовок и почти неотделимость действий от раздумий героини художественно выражает цельность мира тофов, цельность души человека.

Таким образом, внутри журналистики иркутского периода Валентина Распутина появляется художественно выразительный образ старухи как результат внутренней работы молодого автора, наблюдающего и аккумулирующего внешние впечатления, события, сюжеты в своей профессиональной деятельности. Первые образы старой женщины в очерках 1959–1960 гг. можно интерпретировать как готовность к принятию и выделению образа старухи-тофаларки из другого, особого мира тофов, противоположного напористому и стремительному миру ударных строек, технического прогресса. Среди ярких впечатлений и разных героев тофаларского цикла, отделяясь от реального прототипа, в художественном сознании начинающего писателя кристаллизуется образ старухи-охотницы, наиболее важный, хотя бы по названию первой книги рассказов «Человек с этого света» (1967). Образ тофаларки хранит свой творческий ресурс до тех пор, пока не будет написан рассказ «Василий и Василиса» (1967). И тогда образ прорывается и становится ключевым, воплотившись в образах старухи Анны («Последний срок») и старухи Дарьи («Прощание с Матёрой»). И в целом, составляя ядро многих распутинских старух – Натальи («Деньги для Марии»), Миронихи («Последний срок»), Агафьи («Изба»).

Список литературы

1. Каминский П. П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина : моногр. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 240 с.
2. Овчаренко А. О Владимире Чивилихине // Москва. 2018. № 5. С. 190–192.

3. Распутин Валентин Григорьевич : биобиблиогр. указ. / М-во культуры и архивов Иркут. обл. ; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И. И. Молчанова-Сибирского ; [отв. ред. Л. Ю. Олейник ; ред. Г. А. Борисова]. Иркутск : ИОГУНБ, 2017. 712 с.
4. Распутин В. Вам завтра ловить оленей // Совет. молодежь. 1961. 4 мая. С. 4.
5. Распутин В. Ветер ищет тебя : рассказ // Комсомол. правда. 1965. 9 сент. С. 3.
6. Распутин В. Всех понятней тайга // Совет. молодежь. 1961. 11 мая.
7. Распутин В. В Саяны приезжают с рюкзаками : очерк // Сов. молодежь. 1963. 9 янв. С. 2.
8. Распутин В. Костровые новых городов : очерки. Красноярск : Кн. изд-во, 1966. 100 с.
9. Распутин В. Край возле самого неба : очерки и рассказы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 66 с.
10. Распутин В. Край возле самого неба // Совет. молодежь. 1961. 12 февр. С. 3.
11. Распутин В. Крутые перекаты // Совет. молодежь. 1960. 6 нояб. С. 3.
12. Распутин В. На снегу остаются следы : очерк // Совет. молодежь. 1963. 8 мая.
13. Распутин В. Он сказал главное слово // Гудок. 1998. 14 марта. С. 6.
14. Распутин В. От солнца до солнца. Из тофаларского дневника // Сов. молодежь. 1964. 19 дек. С. 3.
15. Распутин В. Пусть ветер разгонит тучи // Сов. молодежь. 1959. 17 июня. С. 2–3.
16. Распутин В. «Родина – изначально...» : интервью вел А. Клейн // Совет. молодежь. 1984. 13 нояб. С. 2.
17. Распутин В. Самолет уходит в Алыгджер // Совет. молодежь. 1961. 17 сент. С. 3.
18. Распутин В. Старая охотница : зарисовка // Ангара. 1961. № 3. С. 107–109.
19. Распутин В. Человек с этого света : рассказы. Красноярск : Красноярское книж. изд-во, 1967. 120 с.
20. Распутин В. Человек с этого света. Из саянских рассказов. Вост.-Сиб. правда. 1964. 14 нояб. С. 4.
21. Распутин В. Чтобы их знали все // Сов. молодежь. 1960. 21 июня. С. 2–3.
22. Распутин В. Эх, старуха : очерк // Сов. молодежь. 1965. 3 дек. С. 4.
23. Распутин В. Я забыл спросить у Алёшки... : рассказ // Ангара. Иркутск, 1961. С. 84–88.
24. Сергеев М. Валентин Григорьевич Распутин // Валентин Григорьевич Распутин. Биобиблиографический указатель : сост. Э.Д. Елизарова ; науч. ред. Н. С. Тендитник, отв. за вып. Р. И. Шолохова. Иркутск, 1986. С. 7–19.
25. Чивилихина Е. Открытие Валентина Распутина. К 90-летию со дня рождения В. А. Чивилихина (1928–1984) // Наш современник. 2018. № 3. С. 200–205.

«Саран хөхөө» зүжг ийн ардын дүр

My major studies is the religious drama “Saran khukhuu” /Moon cuckoo/ by Danzanravjaa. Tibetan lama Luvsandambijaltsan wrote the poetical novel “Narration of Saran Khukhuu, SK with blue neck” in 1737. The translator Agvandampil from Silyn gol aimag translated this narration into Mongolian in 1770. Ravjaa (Danzanravja- his lama’s name), the fifth Noyon Khutagt of Gobi, directed this narration as a drama in 1831. The Drama has been played in the Hamar Temple (Today- Dornogobi aimag). The last performance of the Drama was in the Temple “White Head” in Galba gobi (Today’s Omnogobi aimag, Hanbogd sum).

Ravja was a famous poet. He wrote many didactical writings: “Teaching to Gain and to Lose All to the mind”, “Teaching Paper bird /a kite/, Revealer of the System of Time”, “Peace maker of the Mind of Ferocious Noyon Khutagt”. Ravja was the fifth reincarnation of the Gobi Noyon Khutagt, because his writings are related with Buddhist Philosophy.

In the conference from Germany I want present my some minds with topic: State and religion. In this drama they are many characters: king and his officers, bodhisatva and lamas, people and animals.

People in Saran Khukhuu – men’s or women’s group. How many people in that group – not clear. Nobody of them haven’t name. But they have many important function. They says his minds about State’s and Religious problems. These characters made this religious drama as a social.

Тус жүжгийн ардуудын дүрийн талаар доктор Д. Цагаан «Энэхүү жүжгийн үзэл санааны нэг дэвшилтэт тал бол улс төрийн хэрэг явдал ямраар эргэж хувирч байгаа болон хаад түшмэд хатад ихсийн сайн муу явдал, албат ардад хандах хандлага зэргийг шүүмжлэгчээр ард олныг оруулан дүрсэлсэн явдал юм» хэмээн дурдсан байдаг.

Ардуудын дүр 2-р бүлгээс эхлэн гардаг. Энэ бүлэгт үйл явдлын зангилаа болж, харгис Ямши түшмэл өөрийн хүү Лаганыг ханхүүгийн түшмэл болгох санаа сэддэг. Энэ санаагаа хэрэгжүүлэхэд саад болсон шударга 3 түшмэлийг хотоос хөөн зайлуулна. Хааны 2-р хатан Эйлиг хатан цөлөгдсөн 3 түшмэлд тусалсан тул хаан түүнийг Ямшийн ятгалгаар байцаадаг. Хатан амиа алдах шахсан үедээ ардын үлгэрийн мотивийг ашиглан өөрийгөө аварсан юм. “Хэрвээ би буруугүй бол хатсан тутарга ургах болтугай” хэмээн ам гарсанд үнэхээр ургасан байдаг. Энэ мотивийн өөр нэг хувилбар нь чанасан тутарга ургасан ч гэдэг. Тэгээд хаан хатныхаа гэмгүйг мэдээд, цагаатгадаг. Энэ тухай эмэгтэй ардууд хэлцэж байна. “Бид ч биеийн нүгэл шалиг явдлын үүдийг хааваас мөнхүү тэр мэт болох байнам. Тиймийн тул шагшабадыг сахицгаая” \Саран хөхөөний шинжлэл. 2011. тал 186\.

Ийнхүү Эйлиг бусад эмэгтэйчүүдэд үлгэр жишээ болдог.

Мөн 2-р бүлэг: Лаганыг хан хөвгүүний түшмэл болсны дараа ард түмэн их баяртай, сэтгэл хангалуун байдаг. Энд тэд сайхан амьдралын үндсэн шалтгаан нь дар эхийн хувлгаан Мадимахани хатныг гэж үздэг. Мөн Лаганыг “гайхамшигт ухаантай сайн түшмэл” хэмээн магтдаг.

“Ган сан, сүрэг арвидав. Жил сайн, тариа элбэг, боолчуудын худалдаа арилжаа сайн, өвчин тахал цөөн, өвгөн түшмэд амархан, багачуул төрийн хэрэгт мэргэшиж” Саран хөхөөний шинжлэл. 2011. тал 188\ байна гэдэг. Энэ үгс нь ард түмний мөрөөдлийг харуулсан чухал үгс юм.

Хүснэгт №1

Ган сан, сүрэг арвидав.	<i>Эдийн засаг</i>
Жил сайн, тариа элбэг,	<i>Хоол хүнс</i>
боолчуудын худалдаа арилжаа сайн,	<i>Худалдаа арилжаа</i>
өвчин тахал цөөн,	<i>Эрүүл мэнд</i>
өвгөн түшмэд амархан,	<i>Нийгмийн хамгаалал</i>
багачуул төрийн хэрэгт мэргэшиж	<i>Боловсрол</i>

Үүнээс харахад ардуудын үгс нь Эдийн засаг, худалдаа арилжаа, эрүүл мэнд, боловсрол, нийгмийн хамгаалал зэрэг нийгмийн олон талуудыг багтаасан харагдаж байна.

4-р бүлэгт зохиолын үйл явдлын оргил болдог. Лагана хаан ширээг нь булаахын тулд Сурасдини хатантай хуйвалдан ид шидийн аргаар Хан хөвгүүний биеийг булаасан. Тэгээд Номунбаясгалангийн дүрээр хаан ширээ барих болдог. Ийнхүү Варнасид харгис хаантай болж ард түмэн төдийгүй хаан ч өөрөө зовдог. Энд ардууд 2 удаа гардаг.

Эхнийх нь: тэд нарийн учрыг мэдэхгүй тул Номунбаясгаланг буруутгадаг. “Номунбаясгалан сүүдэр бага томоороогүй, наадамд даан их дуртай байж, хайран эрхин сайн түшмэл Лаганаа усанд алдав. Төрийн их түшмэл Мянганы ноён төрөл сэлтэс бээр гаслах сэтгэлээр цухалдаж хүчирч үхэв. Эдүгээ манд Мянганы ноён шиг, хуучин Лагана шиг залуу сайн түшмэл хаанаас олодох вэ?” \Саран хөхөөний шинжлэл. 2011. тал 230\.

Ийнхүү ард түмэн нарийн учрыг мэдэхгүй тул өөрийнхөөрөө хэргийг дүгнэдэг гэсэн санаа гарч байна. Гаднаас нь харахад бол яг ийм байгаа. Үнэн хэрэгтээ бол Лагана эрх мэдэлд шунан, Хан хөвгүүний сүнсийг хөхөөний биед үлдээж, өөрийн сүнсийг хан хөвгүүний биед оруулаад түүний дүрээр хаан ширээг барьсан. Гэвч жирийн хүмүүс шашны зан үйлийг, хувирлыг мэдэхгүй тул өөрсдийн ойлгосноор шүүн ярьж байна.

Хоёрдах нь Лагана харгис бодлого явуулах үеэр ингэж ярьцгаадаг. Энэ нь нийгмийн хямрал, зовлонг дүрсэлж, харгис хааныг шүүмжилсэн үгс юм. Энд хан хөвгүүний өмнөх явдал болон одоогийн зан авирыг харьцуулан өгүүлсэн нь уран хэллэгтэй болсон. Энэ нь мөн шударга хаан ба харгис хааны явдлыг харьцуулсан үгс юм.

Өнгөрсөнд Номунбаясгалан – шударга хаан	Одоо Хуурамч хан хөвгүүн \Лагана\ – харгис хаан
Урьд бөөс хуурсны төдий амьтныг ч хорлодоггүй бөгөөтөл	Эдүгээ үргэлж ав шувуунд мордох болов.
Насад үгээгүй гуйлгачинд өглөг өгдөг бөгөөтөл	Эдүгээ үргэлж бусдын эд мөнгө алтыг булааж идэх болов.
Урьд зарлиг цэцэн бөгөөд айлдах нь зөөлөн, эелдэг үгтэй бөгөөтөл	Эдүгээ сав хийвэл өр ширд нь хүрч, хараал тавж зодох гэвших болов.
Урьд хатдын дуаз болсон Сэрсанмаг үргэлж энэрэн бөгөөтөл	Эдүгээ ордноос үлдэж гаргаад шоглов.
Аливаа бүрийг эцэг хааны зарлигаар болдог бөгөөтөл	Адаг нь эцэг хааны идэх уух, өмсөх зүүхийг ч хэмжээлж өгөв. \Саран хөхөөний шинжлэл. 2011. тал 232–233\

Ийнхүү хан хөвгүүний ааш зан хувирч өөр болсныг өгүүлдэг. Нөгөө ард мөн өнгөрсөн ба одоог харьцуулан шүлэг хэлж байна. Номунбаясгалан бол энэрэнгүй, шашиндаа үнэнч, эелдэг зөөлөн, эцэг эхээ ачилдаг хүү байсан.

Харин Лагана буюу Хуурамч хан хөвгүүн бол номын ёсыг хэрэгсэхгүй, ан гөрөө их хийдэг, хүний эд юмыг булаадаг, хэрүүл хараал хийдэг, эцэг эхээ ачилдаггүй харгис хаан байсан.

Эдүгээ: урьд сараас энэ сар,

Ноднингоос энэ жил улам доройтож байна.

Үүнд дарлага үгүй тул задарчээ.

Ном эрдэмт хүнээс сайхан охинтой хүн үнэтэй болов.

Төвшин шударга хуучин түшмэлээс

Ганган архич багачууд дээр болов.

Шажин буяны үйлдвэрээс

Алах булаах зовоох явдал эрхэм болов.

Хайран бат тогтсон шажин төрийн журам эвдрэв” гэдэг.

Энд мөн Лаганы үхэлд харамсаж, Номунбаясгаланг буруутгадаг. Энэ ярианд нийгмийн шударга бус явдал, ёс суртахууны доройтлыг хурцаар шүүмжлсэн байна.

6-р бүлэгт үйл явдлын тайлал болж, Лхаму гүргүүл ид шидээр Номунбаясгалангийн биеэс Лаганы сүнсийг зайлуулж, мэргэн шувуу

Удадангийн сүнсийг оруулдаг. Тэгээд Удадан буюу Төгсгэрэлт хан хөвгүүн нь шударга хаан болдог. Энэ үед бас ардууд гарч цагийн байдлыг хэлэлцдэг.

Нэг ард: “Эдүгээ манай энэ хан хөвгүүн сая санаа сэхээрч, явдал нь засарч явмой. Үүний гайхамшигт сайн зохиол ч манай урьдын Гуларанз хааны явдлаас ч нэн илүү болсноор бидний сэтгэл амгалан баясгалангаар түгэн орон бүхэн жаргалан хотол төгөлдрөөр түгээмэл болов” гэсэнд нөгөө ард: “ай тийм байна. Эдүгээ бид тун сонин жаргалт болов. Бид хэсэг зуурдаа жаргах цаг байгаа хэмээн огт санаагүй биш үү? Гэтэл аливаа юм ийм магадгүй аж. Хүний явдлын тухай магадлалгүй муулшгүй байнам” гэдэг. \Саран хөхөөний шинжлэл. 2011. тал 273–274\.

Ингэж шударга хаантай болж ард түмэн жаргалтай болсныг өөрсдийнх нь үгээр харуулсан. Гэхдээ энд бас “аливаа юм ийм магадгүй аж. Хүний явдлын тухай магадлалгүй муулшгүй байнам” гэх мэтээр тэдний санаа зовсон тухай өгүүлсэн нь бас санамсаргүй үгс биш юм.

Дүгнэлт

1. People want live peaceful and happy. They no need king’s throne, fame and goods like Yamshi and his son Lagana officer.

2. People don’t know about intrigue in kingdom between officers and his wives. Because they criticizing the Prince when Officer Lagana take the body of prince Nomubayasgalang and set in his throne. People thought Nomubayasgalan is changed and became cruelly king.

3. People don’t know about religious methamorphose. Because they enjoying the Nomubayasgalang when he became the Cuckoo and teaches Buddhist dogma in the forest. And Bodhisattva banish the Lagana from prince’s body and install soul of vise bird Udadan. People thought Nomubayasgalan is changed and became humanist and religions king.

Ашигласан ном

1. Монголын уран зохолын тойм. III дэвтэр. УБ.,1968. Тал 40–41
2. Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын өв уламжлалын асуудалд. УБ.,1987. Тал 68–107
3. Хөвсгөл С. Саран хөхөөний намтар жүжгийн шинжлэл, бичвэр судлал. УБ.,2011.

Н. Хосомоев «Встречи на солнечной стороне»: мотивы и образы

В статье рассматриваются особенности рассказов Н. Хосомоева, жанровые особенности сочетание публицистического, эпического и лирического, интерпретация заглавий, основные мотивы и образы.

Ключевые слова: рассказы, время, пространство, публицистическое, лирическое, образ, дом, характер.

The article deals with the features of N. Khosomoyev's stories, genre features, the combination of journalistic, epic and lyrical, the interpretation of the titles, the main motives and images.

Keywords: tales, time, space, journalistic, lyrical, image, house, character.

Выпускник Иркутского государственного университета, кандидат филологических наук, известный литературовед, профессор кафедры литературы и языкознания Восточно-Сибирского института культуры Николай Данилович Хосомоев начал писать художественные произведения, в 2000-х годах, но этому предшествовал многолетний опыт работы в журналистике и литературоведении.

У каждого писателя свой путь в литературу, он зависит от множества различных факторов, но, несомненно, есть нечто объединяющее – желание высказаться о жизни, человеке, о том, что тревожит душу. И, как правило, это требует определенной художественной формы: эпической, лирической, драматической.

В 2015 году Николай Хосомоев выпустил книгу повестей и рассказов «Мир вечного полдня». В книгу вошли разные по своей тематике повести и рассказы: о малой родине, детстве, о войне, земляках-героях войны. На книгу были опубликованы рецензии Л. С. Дампиловой и Е. А. Голубева в журнале «Байкал». Все художественные достоинства книги еще будут рассмотрены и исследованы литературоведами. Нам же хотелось остановиться на небольшом цикле из этой книги ««Встречи на солнечной стороне». Повествование в рассказах».

Обратим внимание на заглавие книги «Мир вечного полдня» и заглавие цикла «Встречи на солнечной стороне». Автор открывает нам свой, особенный мир, в котором сконцентрированы и время и пространство – это и прошлое, в которое проецируется настоящее через память, но это и хронотоп, свойственный детскому сознанию. «Полдень» – это состояние середины дня, когда солнце находится в зените, оно особенно выражено летом. Летом день удлинится, а в

детском восприятии он может длиться до бесконечности, настолько событийна жизнь маленького человека. Людям свойственно с возрастом идеализировать свое детство. Наверно поэтому писатель говорит о мире вечного полдня, т. е. мире полном света.

А в цикле рассказов в заглавии вновь возникает в сильной позиции «солнечная сторона», где происходят встречи. В рассказах их много, с разными людьми, в разных обстоятельствах, таким образом, мы можем говорить об очень удачном выборе автором заглавий, которые выражают оценку автора, придают символическое значение и многозначность для читательского ожидания и дальнейшего восприятия и интерпретации текста.

В цикле «Встречи на солнечной стороне» автор в основу архитектоники положил путешествие героя во времени – путешествие памяти. Подобная стратегия повествования соответствует жанру очерка. Нужно отметить, что между документальным и художественным произведением нет четких границ. В эстетически организованном пространстве художественной литературы, документальный факт может обретать свойство художественного образа. По утверждению Л. Гинзбург: «Художественный образ всегда символичен, репрезентативен; он единичный знак обобщений, представитель обширных пластов человеческого опыта, социального, психологического. Художник создает знаки, воплощающие мысль, и ее нельзя отделить от них, не разрушив» [1, с. 11].

Такая художественно-публицистическая форма присуща В. Астафьеву в «Последнем поклоне», в «Царь-рыбе». Именно, это сочетание, по-нашему мнению, помогает Н. Хосомоеву показать сопряжение судьбы автобиографического героя с судьбой своего рода и своей родины.

«Яркая зелень, густая трава, протянувшаяся километров на девять к юго-востоку долина, которую по обеим сторонам обрамляют холмы, переходящие в невысокие горы. Они засеяны пшеницей, в иные годы многие гектары отданы овсяным культурам, гороху, люцерне. Колхоз работает по плану, спущенному районным начальством. Сегодня поля заросли травой и ничто не напоминает о бурной жизни некогда довольно богатого хозяйства. Все ушло в прошлое.

По происшествии многих лет вспоминается детство, мелькают передо мной лица земляков, сверстников по играм, школе. Золотое детство... У каждого оно свое» [2, с. 5]. Описание показывает нам логику, заложенного автором мотива путешествия в хронотопе памяти. Это помогает показать динамику жизни, не только в сюжетах, связанных с детскими воспоминаниями, но и в элементах докумен-

тальности, публицистических рассуждениях: «Это мы, неразумные и равнодушные хозяева, живя одним днем, планоно уничтожаем природу. И спросить не с кого. Чиновники на местах выполняют приказы вышестоящих, которым нет дела до нас. Вот так и живем, ругая и кляня их, а дело не двигается с места. Это Россия. Это мы, сегоднешние ее жители. Безынициативные, бестолковые, в большинстве своем бедные, от этого безучастные ко всему, что делается вокруг» [2, с. 20].

В особом синтезе находятся эпическое и лирическое начала в рассказах. Событийность и повествовательная насыщенность, свойственная эпосу сочетаются с внутренним движением переживаний, процессами мышления и мировидения героя. Картины природы Кудинской степи, наполненные запахами разнотравья, ягоды, сочетаются с ярким живым калейдоскопом событий и ситуаций.

Несмотря на самостоятельность рассказов, они обладают целостностью, в основе которой образ «малой родины» – собирательный и сложный, одним из компонентов ее являются родители, родственники, друзья, земляки. Через их характеры, речь запечатлевается и время. Ядром мира, созданного писателем, является образ матери. Символично название рассказа о ней – «Аэроплан». Так ее называли земляки, за скорость в ходьбе, за то, что любая работа спорилась в ее руках. Она успевала все – трудиться в колхозе, вести хозяйство, посадить и вырастить огород, сходить в гости за 50 километров к родственникам, чтоб на следующий день вернуться домой, заготовить на зиму дикоросы. Образ матери заполняет пространство, она незримо присутствует рядом с героем, олицетворяя собой постоянство мира.

В рассказе «Обо всем понемногу» возникает образ отца, трудовой стаж которого шестьдесят семь лет. Учиться ему не довелось, но был человеком грамотным, веселым, притягивающим к себе людей. Образ отца дополняет образ матери, они различаются физически: он, сильный, коренастый, она высокая, крепкая. Характеры родителей пример ярко выраженного западнобурятского темперамента: она шустрая, острая на язык, он основательный, мудрый в решениях. «Пример наших родителей – неизменная монета внутренней чистоты, добросердечия, уважения к ближним, их мудрости» [2, с. 9].

Образ дома является важным в картине мира Н. Хосомоева. Дом как идеальное место, связанное с уютон, вкусной деревенской едой, работой по хозяйству, будь это крепкий забор или сарай для живности, построенные отцом, домашние заготовки, сделанные матерью – это константа мира вечного полдня. Оппозицию дом – антидом мы

можем увидеть через образ основной деревенской кормилицы коровы, семантика дополняется и образом пустого дома. Была в деревне одна семья, которая не держала корову: «Каждое утро прибегала к нам тетка Марья: «Налей, Груня, молока, чаю забелить»... Заходили и мы к ним. Спрятаться негде – голо в избе. Как и чем жила семья – непонятно» [2, с. 25].

Мысль писателя публицистична, нет полного богатого дома без хозяина. Утрачивая традиции, теряя внутренние связи с началом начал – родным домом, семьей человек сиротеет. Это уже о современном мире.

Вспоминаются автором тяжелые трудовые будни, в которых участвовали дети. Работали на прополке, на сенокосе, пасли телят, заготавливали ветки. Отдавая должное времени, автор, все же задается вопросом о необходимости труда детей и подростков в советской деревне. Бесправность колхозников, во многом породила опустение деревни. «В начале 50-х годов началось бурное строительство города Ангарска и мощного нефтехимического комбината. Вот туда и потянулась молодежь, всеми правдами и неправдами... Деревни пустели на глазах. Сотни ребят и девочек оставили родные места, остались одни старики» [2, с. 17].

В связях, соединяющих «тогда» и «сегодня» важное место занимает мир детских игр. Им посвящен рассказ «Детские игры». Несмотря на трудное время, послевоенные годы, детские игры и забавы озарены светом. Они сезонны, организованы самой природой, смелой времен года. Игры объединяли разновозрастных детей, девочек и мальчиков, но это ушедший мир, который никогда не повторится.

В завершающем цикл рассказе «Свет студенческого братства» повторяются основные мотивы предыдущих рассказов. Герой вспоминает студенческие годы. Детские игры сменились серьезным спортом – фехтование и гребля, деревенские друзья – сокурсниками, дом – студенческим общежитием. Образ дома дополняется положительной семантикой «общежитского братства». «На третьем нас поселили в бывшую церковь, переделанную в общежитие, в самом центре города, по ул. Пятой Армии. Рядом университет, научная библиотека, драмтеатр, филармония, Ангара течет в двух шагах. Уж больно нравился наш дом, ставший родным» [2, с. 40].

И в системе характеров появляется образ, сыгравший роль ориентира в жизни героя, встреча с которым привела его в литературное творчество это Саня Вампилов. «Я многим обязан Сане Вампилову, его советам, теплоте, братскому отношению, его однокурсникам, которые стали и моими добрыми друзьями. Дружба эта сохрани-

лась до сегодняшнего дня» [2, с. 42]. А дальше большая и интересная жизнь, работа, новые знакомства с теми, кого мы сегодня называем выдающимися людьми бурятской культуры и искусства. «Я всматриваюсь в себя, в свою душу, вижу солнечный свет, разлитый по всему пространству, течение знойного марева, ежесекундно рисующего и меняющего невиданные картины, и небо надо мной кажется таким близким и теплым. Он длится, длится тот дальний, неизбывный свет в моем сердце, моей жизни» [2, с. 42].

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л. : Худож. лит., 1977. 443 с.
2. Хосомоев Н. Мир вечного полдня. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 244 с.

УДК 821.512.31

Л. Ц. Халхарова

Россия, Улан-Удэ

Пространство и время в путевых дневниках Ц. Жамцарано 1903–1907 гг.

В статье рассматриваются путевые дневники выдающегося бурятского ученого Ц. Жамцарано 1903–1907 гг., как жанра документально-художественной литературы, на уровне пространственно-временной организации произведения. Материалы путевых дневников, впервые изданных в 2001–2011 гг., открывают страницы жизненной и научной биографии Ц. Жамцарано, его вклада в российское монголоведение.

Ключевые слова: Ц. Жамцарано, жанр путевых дневников, пространство и время, хронотоп.

The article discusses travel diaries of the outstanding Buryat scholar Ts. Zhamtsarano from 1903–1907 as a genre of documentary and fiction, at the level of the spatio-temporal organization of the work. The materials of travel diaries, first published in 2001–2011, open the pages of the life and scientific biography of Ts. Zhamtsarano, his contribution to Russian Mongolian studies.

Keywords: Ts. Zhamtsarano, travel diaries genre, space and time, chronotope.

Одним из выдающихся ученых-монголоведов XX века является талантливый сын бурятского народа Цыбен Жамцаранович Жамцарано. Он был не только крупным ученым-филологом, историком-этнографом, собирателем фольклора монгольских народов, но и просветителем, общественным и политическим деятелем. Его научное наследие огромно: ему принадлежат труды по филологии, фольклору, литературе, истории, этнографии монгольских народов.

Особое место в научном наследии Ц. Жамцарано занимают его дневники, которые совсем недавно стали доступными широкому кругу читателей, благодаря кропотливому труду ученых Ц. П. Ванчиковой, И. В. Кульганек, В. Ц. Лыскоковой, подготовивших их впервые к публикации в 2001 году. В 2011 году вышло в печать второе дополненное издание. В предисловии этой книги указано, что «это 9 записных книжек, которые он вел в 1903–1907 гг. во время экспедиций по Иркутской губернии, Забайкалью и Монголии, свидетельствующие о его научном подвиге и личном самопожертвовании, о понимании значения его работы и его ответственности перед будущим» [8, с. 6].

Путевые дневники 1903–1907 гг. Ц. Жамцарано привлекают внимание различных ученых, в том числе и филологов. Это, безусловно, документ, содержащий научные описания и наблюдения, источник по истории, этнографии и фольклористике. Однако, несмотря на научность, путевые дневники Ц. Жамцарано еще и ценны тем, что в них лежит индивидуальная авторская печать. Более того, сам жанр путевых дневников входит в систему жанров документально-художественной литературы.

Границы жанра путевых дневников до сих пор не определены и вызывают споры. Специфика данного жанра проявляется в принципах отбора его материала и особенностях повествования, в природе хронотопа, в образе автора. У жанра путевых записок есть свой предмет изображения, жанровое содержание и форма. Как известно, «в основе путевых записок лежит описание перемещения в пространстве путешествующего героя, повествование о происшедших во время путешествия событиях, описание впечатлений путешественника, его размышлений по поводу увиденного и широкий информационно-познавательный план» [3, с. 3].

Исследователь В. М. Гуминский утверждает, что путевые заметки могут принимать различные формы изложения: «заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров», а также делает акцент на достоверности повествования, отмечает приоритетность познавательных задач в их синкретичном взаимодействии с эстетическими, политическими, публицистическими и философскими [2, с. 839]. Тематическое разнообразие путевых произведений позволяет убедиться в том, что жанр путевых записок по своей сути документально-художественный. Это свидетельствует о синкретической природе жанра, поскольку в путевых дневниках часто очень много личного, субъективного.

В жанре путевых записок или дневников объектом изображения являются динамические характеристики, т. е. «движение автора в пространстве и времени с постоянной фиксацией его географического положения и констатацией времени относительно заданной топографической или хронологической точки отсчета» [7, с. 3]. По мнению М. М. Бахтина, обозначившего пространство и время одним емким термином «хронотоп»: «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1, с. 235].

Время и пространство (хронотоп) становится конструктивным принципом организации путевых дневников Ц. Жамцарано и представляет собой сложную структуру, в которой можно выделить, в первую очередь, социально-историческое и природно-циклическое время, хронотопические уровни которых выполняют свои определенные функции.

Путевые дневники Ц. Жамцарано 1903–1907 гг. структурно делятся на 5 частей: Дневники. 30 июня – 31 июля 1903 г.; Материалы записной книжки № 3. 31 июля – 9 сентября 1903 г. (экспедиция по Иркутской области); Дневник лета 1904 г. (экспедиция в Забайкалье и Монголию); Дневник лета 1905 г. Апрель – август (экспедиция в Бурятию); Дневник 1906–1907 гг. 16 мая 1906 г. – 2 января 1907 г. (научная экскурсия в Иркутскую область).

Контекст дневников Ц. Жамцарано отличается широчайшим охватом действительности: жизнь российской глубинки и монгольских степей начала XX века, революционные идеи тех лет, оценка автором положения бурятского народа, произвол властей и многое другое. Социально-историческое время – основной временной тип в дневниках Ц. Жамцарано. Время повествования – это начало XX века. Вместе с автором мысленно совершаем путешествие по Забайкалью, Иркутской губернии, Монголии: дорожные встречи, происшествия, люди, картина быта той эпохи всплывают перед взором. Его записи – это своеобразная хроника научных наблюдений, дающая возможность увидеть специфику жизни бурятских и монгольских племен и родов.

Начало путевых дневников Ц. Жамцарано – это лето 1903 года. В ту пору Ц. Жамцарано был студентом Санкт-Петербургского университета и по научному заданию своих профессоров отправился в экспедицию по Забайкалью и Иркутской области с целью сбора

фольклорного и историко-этнографического материала. «30 июня. Сели в поезд на станции Могойтуй и приехали в Читу. 1 июля. Представлялись Военному губернатору Надарову, испросив открытые листы на взятие лошадей, купили кое-что (я – револьвер), взяли билет до г. Верхнеудинска и поехали. От Читы до Верхнеудинска ехали без приключений. Произошел маленький скандал с китайскими чернорабочими. Они проспали станцию и, проснувшись, начали выбрасывать свои мешки через окна и двери, сами выпрыгивать из вагона на полном ходу и летели кубарем. Кондуктора подняли крик, китайцы – того хуже» [8, с. 9], – так начинается его путевой дневник.

Каждая запись путевого дневника датирована, указано место, где она сделана, например: «21 июля. Выехал из Иркутска в Куду на почтовых по Якутскому тракту. До Михайлова, моего знакомого, 2 станции: Хомутовка и Жердовка. С Жердовки взял почтовую пару до Усть-Орды, но с полпути повернул в улус» [8, с. 26]; «31 июля. От Алагуя (он же улус Турункинский) до зимника Партаса 35 верст. Выехал вечером, до заката солнца, с бурятом Петроманом из Алагуевского рода, человеком разговорчивым» [8, с. 38].

В повествования автора то там, то здесь вкрапляются фольклорные и этнографические материалы, «обрывки» фраз и разговоров с местными жителями. Описание быта бурят, особенностей религиозной обрядности само по себе является очень ценным источником по истории этнографии: «17 июля. Здешние буряты, как и все буряты Иркутской губернии, живут в деревянных 8-стенных юртах, группами по 20–30 юрт. Недалеко от юрт можно видеть шкуры жертвенных животных, с головой и ногами; надеты на березу, головы смотрят в ту сторону, где обитает божество, которому принесено животное» [8, с. 23].

Через приметы жизни бурятских улусов с большой правдой воссоздается обстановка той эпохи: «15 июля. В Аларском дацане. Беседую с ширетуем дацана, с давнишним моим приятелем. Он говорит, что когда были Думы с тайшой, тогда буряты были гораздо лучше в экономическом и нравственном отношении. ... За всеми внимательно смотрели родоначальники и всегда умели обуздывать своих подданных от злых деяний. ... С упразднением Дум и тайшей появились кабаки. Буряты жалуется, что с уничтожением родового строя, жизни и единства самоуправления – нравственные устои исчезли и пошло все к худшему и худшему» [8, с. 19]. Описывая в путевом дневнике быт бурят в разных улусах Иркутской губернии и Забайкалья, Ц. Жамцарано, в целом, отмечает низкий уровень жизни народа. «И в самом деле, род и родовой строй с родовыми старей-

шинами был для бурят авторитетом нравственности, оплотом дурного влияния со стороны, например, каторжников, черкесов, ссыльных, поселенцев, цыганов, русских и т. п. Если правительство имело целью благо бурят, когда упразднило Думы и тайшей, оно достигло обратных результатов. А если имело ввиду послабление и уничтожение инородцев – достигает прекрасных результатов» [8, с. 19], – вопрошает автор, критикуя правительство, упразднившее родовое управление в форме Думы и тайшей.

Важную роль в дневниках играет и природно-циклическое время, хотя оно представлено минимально: «12 июля. Приехал в Кутулик рано утром по ж.д. из Иркутска. Солнышка еще не было. Подождал, пока солнышко взойдет. Вскоре заалел восток и тихонько выплыло оно. Я приветствовал его» [8, с. 14]; «3 июля. День страшно жаркий. Едем под ветер, зной душит неимоверно» [с. 101]; «22 августа. Снег продолжает идти. В окрестностях на хребтах дошел, говорят очевидцы, до брюха коня» [8, с. 123]. Зато в записях Ц. Жамцарано подробно описываются рабочие будни исследователя – беседы с информантами, работа с рукописями: «7 августа. Ночевал у головы – Алагуя Хонгорова. Утром пришел Хулхан Далбанов, с которым встретился на Ольхоне, человек очень любезный и разговорчивый. Он охотно передал пение зайнов и другие кое-какие сведения. Записано в листах и тетради» [8, с. 69]; «8 августа. Почти до самого вечера я просидел над записыванием заяна. Говорили старик, Буту Булдаев и Борсой. Все были так откровенны, услужливы. Старались рассказать то, что знали» [8, с. 71].

Что касается специфики пространства путевых дневников Ц. Жамцарано, то оно включает в себя пространство материального мира, реальной исторической действительности. Ю. М. Лотман определяет художественное пространство в литературном произведении как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие», выделяя при этом несколько его подтипов: «волшебное и бытовое, внешнее или внутреннее». При этом «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [6, с. 264]. В путевых дневниках Ц. Жамцарано можно выделить еще и «внутреннее» пространство – его повседневные мысли и заботы о бурятском народе, о его просвещении и будущем, особое, трепетное отношение автора к народной культуре, обычаям и традициям, к сказителям, к их судьбам.

Следует отметить, что дневники Ц. Жамцарано отличаются динамичностью, т. е. активностью и целенаправленностью движений

автора. Пространство лишено статичности – оно изменяемо независимо от положения путешественника в нём. Общеизвестно, что хронотоп дороги в путевых записях является одним из организующих жанровую структуру. Дорога лежит в пространстве и вне его существовать не может. По верному определению Ю. М. Лотмана: «Включая в себя все виды пространства, «дорога» не принадлежит ни одному из них – она проходит через них» [5, с. 47]. В путевой литературе пространство обладает свойством открытости и закрытости, в связи с этим возникают устойчивые оппозиции: закрытое пространство – открытое пространство; неподвижность – движение. Актуализация хронотопа пути, дороги в дневниках позволяет сделать вывод о том, что повествователь в дневниках Ц. Жамцарано – герой открытого пространства: «5 августа. Наконец-то могу ехать. Лошади готовы» [8, с. 66]. Ему тесны рамки закрытого пространства, он ощущает себя несвободным, замкнутым: «16 июля. Весь день просидел в деревянной юрте, отведенной нарочно для меня. Делать нечего, скука адская» [8, с. 24]; «3 августа. Уже и не знаю, как провести день. Хозяина нет, его средний сын не приезжает. Ехать нельзя» [8, с. 36]; «11 июля. Аршанта Хара хурийн аршан. Уже 2-ю ночь караулим коней... Какая-то апатия ко всему. Грустно...» [8, с. 117].

Попав в закрытое пространство, повествователь стремится вырваться, так как локализация пространства означает статичность, отсутствие движения. В дневниках, прежде всего, бросается в глаза внутренняя напряженность, лаконичность, сдержанность повествователя: «30 июля. Вчера, как всегда ничего не делал, записал немного загадок. Боже мой, когда я найду человека, нужного для моих целей» [8, с. 114]. В описаниях, касающихся его самого, его душевных переживаний, Ц. Жамцарано скуп, немногословен. Даже узнав при возвращении домой о смерти брата, он сдержан в чувствах и эмоциях: «... а слезы так и лились по опустившимся щекам матери. Отец пробудился. Тоже зарыдал... Удар для меня чересчур тяжелый» [8, с. 129]. Продолжая записи в своем дневнике, автор вспоминает, кем был для него и всей семье его брат, и с истинно буддийским смирением он прощается с ним: «Покойный окончил Агинское бурятское училище (начальное), а монгольскую грамоту получил от отца, как и я, пишущий эти строки. А простят мне, что я так много распространялся о частном, лично для меня интересном вопросе. Прощай, дорогой брат! Пусть останется хоть маленькая память о твоём кратком пребывании на печальной земле» [8, с. 129].

Обращает внимание то, что внутренняя тональность и манера письма со временем меняются в его дневниках. Первые дневники

Ц. Жамцарано 1903–1904 гг. представлены из многочисленных записей фольклорных и этнографических материалов, черновых вариантов писем, воспоминаний, снов, набросков и т. д. В более поздних записях 1905–1907 гг. наряду с фольклорно-этнографическим материалом большое место занимают рассуждения и обобщения социально-нравственного характера. Свои научные публикации по результатам экспедиций по Забайкалью, Иркутской области и Монголии Ц. Жамцарано начал публиковать с 1905 года. Академик Б. Я. Владимирцев высоко оценил труды Ц. Жамцарано и в своей рецензии на книгу «Образцы монгольской народной литературы» писал следующее: «Благодаря самозабвенному труду Ц. Ж. Жамцарано в нашем распоряжении находится уже очень значительное количество эпической поэзии халхасцев, бурят, и других монгольских племен и можно надеяться, что собрание это будет еще увеличиваться» [4, с. 127].

Таким образом, путевые дневники Ц. Жамцарано со сложной пространственно-временной структурой, присущей для жанра путевой литературы, стали актами гражданского мужества ученого, осуществлением его нравственного долга, решением сохранить для потомков историю, фольклор и культуру бурятского народа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Гуминский В. М. Путешествие // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001.
3. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 24 с.
4. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука, 1990. 436 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 209. Тарту, 1968.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 504 с.
7. Травников С. Н. Поэтика художественного пространства в путевой литературе конца XVII – начала XVIII века // Поэтика жанров русской и советской литературы. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1988. 135 с.
8. Цыбен Жамцарано. Путевые дневники. 1903–1907 гг. / сост.: Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Кульганек. Улан-Удэ: Респ. тип. 264 с.

Не прервется мысли нить

В статье автор проводит комплексный анализ творчества Булата Аюшеева, в частности, таких лирических произведений писателя, как стихотворение «Роман о Роме», «Лето – на хворостины сели деревенские мальчики», «Из Алтан-Тобчи» и т. д.

Ключевые слова: поэзия, мир, герой, стихотворение, Булат Аюшеев, лирика.

In this article, the author conducts a comprehensive analysis of Bulat ayusheyev's work, in particular, such lyrical works of the writer as the poem "the novel about rum", "Summer-village boys sat on twigs", "from Altan-Tobchi", etc.

Keywords: poetry, world, hero, poem, Bulat ayusheev, lyrics

Материален мир поэзии Булата Аюшеева, простертый в область прозрачного, вещественного, где выявляются прообразы вещей: снег, ветер, воздух, старое дерево, берег реки – мотивы, проходящие через всю его книгу. Она носит название «Легкий и деревянный кот». Необычен язык его поэзии, который сейчас мы называем метафорическим или метареалистическим, но сложность не является для автора самоцелью.

Аюшеев работает в традиции постмодернизма. Поэтическая мысль сегодня перестала быть рабом ритмики, отвоевав себе свободу. Это неизбежно. Лексические освобождения от ритмических пут – один из главных камней преткновения в понимании поэзии консервативным читателем, привыкшим к четкой рифме и фрагментарность текста, сбивающая с толку привычного к ритмической качке почитателя поэзии.

В стихотворении «Роман о Роме» герой уходит в мир иной, плывет по морю не в лодке Харона, а в легком каноэ, ведомый нитью Ариадны, а не чутьем рыболова, детской верой во все хорошее – второй смерти не бывает, ему не страшно.

Разнообразна, широка картина мира в «Лето – на хворостины сели деревенские мальчики» – от дней сегодняшних до легенд о происхождении бурятских родов от Матери Лебедицы. Метеоритный поток трудно заметить в ночном городе, где фейерверками отмечают дни праздников, а здесь, на просторе, салютуют падающие звезды. О родине автор скажет вскользь, одной строкой «Бурятия – ряд поющих», о прародительнице рода – «лебедь на постирушках». Названные коды несут собой глубокий подтекст, известный местным жителям – расшифровки они не требуют. Немногословен автор,

когда той же одной строкой обозначит всем понятное: бэшки ревнут к ашкам».

Фрагментарность строк, бывают, не мешает читателю понять прочитанное, скорее, пробуждает мысль оного. Строки эти превращаются в законченный афоризм: «у зла своя скорость, у правды свой повод».

Из небольших стихотворений, составивших всего восемь строчек, обратим внимание на последнее из раздела «Третья ферма» (1994–2005)

Почему-то под вечер
в поле зрения
попадает гора,
на ней растения,
и в налившейся светом
смоле столетья
рядом люди и звери
и ферма треть [1, с. 14].

В ней видится биография поэта. Два года после школы работал пастухом в родном Дырестуе Джидинского района. Картины эти впечатались в сознание настолько основательно, что забыть их не получается.

Из относительно большого стихотворения можно отметить открытие героя в человеке «обнаружение сердца». Действительно не все так плохо – «Из Алтан-Тобчи»:

только вот приурочить
к чему-то простое чудо
обнаружения сердца,
в ком не подозревал [1, с. 12].

Второй раздел сборника «В стране Lego» (2000–2007) состоит всего из девяти стихотворений, небольших по объему.

Маленькие трагедии проследуют простого человека. Что толкает его к пьянству, какие причины стоят за ним, автор не объясняет. Картина обычная: «свободный» от всего на свете, порвавший все связи бомж, «легкий, как Чингачгук», справляется об Алексее, друге ли, родственнике – Бог весть и получает ответ: «уволили», «забухал». Кочегарил, сторожил – не важно. Алексей еще один очередник в стане бомжей. Другой бомж в стихотворении «Шапке» Нима не заметил, как подошел Новый год, улицы расцвечены лампочками, деревья пахнут апельсинами, а он без головного убора. Видимо, недавно бедный Нима попал в разряд отверженных, как следует, не привык к новой жизни, живет впроголодь в канализационном люке,

ходит за едой к сторожам. Один из них, добрый, спрашивает его: «Что тебе?» «Шапке», – отвечает Нима и получает вязаный колпак, сухую рыбу и соль.

«Ура!» – кротко восклицает Нима
и бежит к себе в нору,
прижав к груди дары [1, с. 41].

Да, несоответствие жизни – «над входом горят электрические ёлочки», иллюминации в городе, народ празднует Новый Год, а тут «grimаса ужаса» на лице бомжа, что по снегу ходить страшно и жить страшно.

Лирика ли всё, что пишет Б. Аюшеев? Смееу сказать – лирика, состоящая из ассонансов, укладывающихся в строки ритмичные, встречаются рефрены, куда же без них.

В ней, лирике, чувствуется национальное начало, традиции русской дореволюционной поэзии. Сплав традиций дает интересный результат, если о поэзии, как таковой, можно так говорить. Над многими вещами приходится думать, вникать в них, открывать – чтение нелегкое, скажем прямо. Дотошному читателю доставляет удовольствие разгадывать «ребусы» автора, хотя он, возможно, не согласится с таким замечанием.

«Обычное дело» – люди занимаются тем, чем они занимаются в жизни: «ищут прибежища, катают костяные шарики в ладони, слушают проходимца Оле (вот и Оле появился из мифа и легенды), а своих героев в упор не видят». В сознании своем автор держит ближнее окружение, с ним он встречается ежедневно, но и картины мира видны в проходимце и плуте Оле – мировое пространство невольно расширяется, прошлое подвигается к нам в лице казака Российской империи Дамдина-Дугара Цыбикова из далекого девятнадцатого века с его бедным жильем, похожим на скворечник, и жалким огородом на пятерых детей: «По утрам полосатые дети молча щипали сорную траву. Поймав кузнечика, разглядывали его на свет и, бросив жребий, съедали» [1, с. 31].

Память поэта соединяет века и расстояния, мир героев Б. Аюшеева непостоянен, он меняется, неуловим иногда, текуч: «златоустые звезды над сопками Маньчжурии. Уснувший в Хабаровске, просыпается в Сиэтле» [1, с. 23].

Неспешно ведет повествование автор, воспоминания о далеких годах, когда он пастушил в родной деревне, крепко засели в голове как спокойное состояние души, особо ничем не омраченное: «Доят коров и поют словно во сне золотом ... о чем сплю я? – О той стороне реки, где люди братья, а не братки» – приметы из нового вре-

мени; кровь не льётся, никого не убивают. Автор отсылает читателя в далекую африканскую страну «в Буркина-Фасо лошади нет, а стремена поют», люди тамошние не забывают походы завоевателей – с тех пор прошли века [1, с. 9].

«Мы пришли к поэту в гости» – очередное стихотворение цикла направляет мысль читателя к ахматовским строчкам. При встрече с мамой поэта «в ее восемьдесят с чем-то ... смеркающихся лет» важные стихи молодых поэтов «показались смешными», сном и бредом.

Жизнь больше и страшнее,
и когда, в глаза осмелясь
посмотреть ей, просыпаюсь,
долго, долго просыпаюсь,
просыпаюсь – мамы нет [1, с. 21].

«Лампады малиновые. Пение»...Верующие отмечают Пасху. В церкви оказался из любопытства не умеющий креститься. Грешен сей отрок, грешен, но «имея в затылке почтение» к церковной службе, «в голубом от воскурений воздухе» видит ангела Сысоева». И Протасовым может быть этот ангел, и Митрохиным, да кем угодно, главное – «Иисус воскрес!»

В самом большом разделе сборника «Рог яка» (2008–2010) собрано пятнадцать стихотворений, в первом из которых «Некту снится друг и дом друга»; как бывает во сне, все зыбко, подозрительно, эфемерно, «появляется ужасный Омен» и лишает жизни некту, «взамен дарит великой смертью, безбрежной, как саванна». Счастье и облегчение просыпаться от дурного, мутного сна, а на дворе двадцать первый век и прохожий на вокзале мимоходом бросает: «земляк, не проспи свою лепездричку» [1, с. 29].

В «Грозе в Эрхирикe» герой, идущий берегом маленького ручейка, превратившегося в бурный поток, садится спиной к венкам и цветам на кладбище и думает:

Мои хтонические боги,
не бросившие меня в посудной лавке века,
там, за всеми ненасытными пределами,
ждите меня веселым! [1, с. 47]

Что подтолкнуло лирического героя прийти к подобной мысли, прямо не скажешь, то ли «обновленный свет» после грозы – она обрела забытую героем глубину и таинственность, то ли запах грозового воздуха и ая – ганги, может быть, лес, покрытый золотисто-прощальным блеском, возможно, все вместе взятое, зародили в душе светлое чувство причастности к своему нелегкому веку.

Последний раздел сборника «Голоса» (2011–2013) открывает стихотворение «Когда за окнами темнеет ...»

Но тело сильнее нас. Лаокоон –
вот оно что такое. Гибель
несущее, разум иссушающее, чувства
притупляющее зло.

И нет у нас родины,
Кроме тела.

Так словно муха, попавшая в чайник,
зудит душа [1, с. 52].

Очевидно, тело у Б. Аюшеева есть высшая целесообразность через образы, вызывающие устойчивую ассоциацию с гибелью, разумом и немощью человеческой. Весьма показательна тема телесной связи с мирозданием – связи через слабость, через уязвимость – в сущности, она обесценивает вопрос о свободе личности, духа. Сам ход поэтической мысли обнажает противоречие между теми традициями, которые соединяют в своем письме Б. Аюшеев.

Противоречивость – не порок, а нормальное свойство живой поэзии, чувствующей свою промежуточность, свое зависание между культурными циклами эпох.

Когда с Богом связывает не дух, а слабое и невольное тело, когда нет выбора между жизнью и смертью, теряется убежденность в том, что сознание способно быть центром мироздания. Эта двойственность определяет ту ломкую, как бы сомневающуюся в себе самую, интонацию, что так завораживает в поэзии Б. Аюшеева.

Все меньше верю
что по смерти

нам будет другая жизнь

Такой вот легкий, но деревянный кот [1, с. 57].

Список литературы

1. Аюшеев Б. Л. Легкий и деревянный кот. Улан-Удэ : Респ. тип., 2014. 64 с.

Особенности стилистического функционирования сравнений в бурятской поэзии 30-х годов XX века

В статье рассматриваются особенности стилистического функционирования сравнений в стихах бурятских поэтов 30-х годов.

Ключевые слова: лексические тропы, сравнение, поэтический образ, пейзажная лирика.

Важным средством усиления выразительности образно-художественной речи бурятских поэтов служат лексические тропы, использование которых придаёт оригинальные черты их индивидуальному стилю.

Поэты умело использовали все семантико-стилистические и художественно-изобразительные средства бурятского языка для реализации своих замыслов и обогащения новым образным содержанием выражаемой мысли, что повышало степень воздействия их поэтической речи на читателей и слушателей, придавало поэтической речи особое благозвучие.

В данной статье исследуется использование сравнений бурятскими поэтами 30-х годов и их стилистические функции.

Сравнение – одно из важнейших изобразительных средств языка, встречающееся в самых древних памятниках художественной речи. Л. Н. Толстой, например, писал: «Сравнение – одно из естественнейших и действительнейших средств для описания, но необходимо, чтобы оно было верно и уместно, иначе оно действует противоположно».

Сравнение, как средство конкретизации оценки предмета или явления, выступает, сохраняя свое значение лишь в авторском контексте. Важным признаком удачного использования сравнения является то, если писатель сумел образно отразить совершенно новую сторону предмета или явления. Именно эту сторону образного сравнения, на наш взгляд, удачно выражал литературовед А. Чичерин: «...оригинальный оборот хорош только тогда, когда в нем выражено что-то заново открытое в человеке и в жизни» [Чичерин, 1968, 77].

Сравнение способствует соотнесению, увязыванию различных сторон и элементов художественного образа. Употребление сравнений, которые делают предмет нагляднее и задерживают на нем внимание читателя, связано со стремлением изобразить предмет в яркой

выпуклой форме. Прибегая к сравнению, поэты придавали стихам ясность и живость, чем и достигали наибольшей эмоциональной выразительности. Сравнения усиливают художественную образность поэтических строк. Сравнения, как и другие лексические тропы, берутся из народного быта.

Д. Дашинамаев как поэт-новатор 20–30-х годов с помощью эмоционально-окрашенных сравнений оценивает сопоставляемые явления. Положительное он уподобляет красивым, чистым предметам и явлениям, а отрицательное – грязным, мерзким. Например, антипатия поэта к врагам революции выражается в стихотворениях таким образом: *Шаратын дабаа нюрганда / Шэрүүн дайсан шэбээлнэ; / Шоно шэнги хёлойжо, / Хирээ мэтэ хаагална.* / ‘За горой Шарата / Прячется коварный враг. / Косится, словно волк, / Каркает, как ворон’ («Улаан тугта дивизион»).

Поэт сумел уподобить врагов революции животному миру: *могой шэнги* ‘подобно змее’, *шоно шэнги* ‘словно волк’, *хирээ мэтэ* ‘как ворон’, где каждый олицетворяет определенный отрицательный образ: змея – хитрая, волк – чужой, ворон – беду предвещает, а вместе создают единый образ врага.

Когда неодушевленные предметы поэт сравнивает с человеческими существами при максимальной близости к фольклорным олицетворениям, сравнения являются первыми попытками создания литературных образов: *Урадхал найхан / Мүрэн Сэлэнгэ, / Уужам гоёор / Урдан байхадаа, / Уран үгээ хэлэхээр / Байхан мэтэ болоно.* / ‘Прекрасная / Река Селенга, / Широко и красиво / Неся свои струи, / Слово была готова / Сказать свое искусное слово’ («Улаан тугта дивизион»).

Анализ показывает, что поэты используют послелого *шэнги, мэтэ* намного чаще, чем послелого *адли, тухай, шэнээн*, имеющие такое же значение, но более книжный стилистический оттенок: *Модон / хойно, хойноһоо / Холбоотой шэнги.* Подобная конструкция придает его стихотворениям особую торжественность: *Уран үгээ хэлэхээр / Байхан мэтэ болоно.*

В стихотворных произведениях Дашинамаева встречаем несколько иные формы сравнения, где средства сравнения как бы опущены. Сравнение представляет собой простой параллелизм, где к одному художественному образу параллельно примыкает следующий образ. Особый интерес вызывает у поэта распространенное сравнение, которое, представляет собой самостоятельный художественный образ, построенный из целого ряда, аналогий. Такое распространенное сравнение называется параболой: *Огторгой уужам / Оёргүй гүнзэги / Оройгүй үндэр / Толи шэнги тунгалаг, / Тооһогүй харуул...* / ‘Небо про-

сторно, / Бездонно глубоко, / Бескрайне высоко, / Зеркально прозрачно, / Без пылинки светло...? («Улаан тугта дивизион»).

Бато Базарон, основываясь на фольклорных принципах сравнений часто прибегает в своих стихах к такой форме, как: /*Дайсад олон золгоо нэн, /Амаа ехээр ангайхан /Арсалан, барасууд тойроо гээ/ Шара хара шакалнууд, /Шаазгай хирээнууд байлдаа гээ/*, где враги сравниваются с коварными тиграми, львами, сороками и воронами, готовыми в любой удобный момент накинуться на трудовой народ.

Заметим, что помимо сравнительного послелого *шэнги* поэты употребляют форму, характерную для бурятской народной поэзии. Это так называемое отрицательное сравнение:

*Оёоргүй гүнзэги
Оройгүй үндэр
Тооһогүй харуул...*

Данная форма отличается от простого параллелизма тем, что отрицание строится при образе (*огторгой, толи*), а потом дальше идет утверждение самого предмета.

Такой тип фольклорного сравнения создает определенный колорит. Сама структура такого рода сравнений придает стихам поэтов народно-поэтический характер.

Сравнения составляются поэтом словами как разговорного (*хёлойжо* ‘косясь’, *хаагална* ‘каркая’), так и книжного (*шэнхинэжэ* ‘жужжа’ *ханхинажа* ‘звеня’) стилей.

Анализ показывает, что в своих поэтических произведениях поэты применяют разнообразную систему сравнений, основанную как на общебурятских нейтральных сравнительных конструкциях, так и на разговорных, фольклорных типах сравнений.

Сравнение, образно поясняя одно явление через другое, придает описанию изобразительность, т. е. автору художественного произведения удается более ярко охарактеризовать предметы и явления.

Сравнения, используемые Б. Базароном, тоже служат для более глубокого образного изображения явлений, оказывая большое эмоциональное воздействие. В свежем и оригинальном сравнении, на наш взгляд, проявилось его поэтическое мастерство, присущее только талантливым художникам слова. В этом отношении интересны пейзажные стихи Б. Базарона, написанные на высоком художественном уровне. Так, в небольшом стихотворении «Уляаһан» (Осина), поэт рисует несколько символический образ осины. На кромке берега бурного ручейка росла прекрасная осина. Налетевшая буря сломала её, и она упала. Шелковистой кистью своей верхушки захватила противоположный берег. Когда она росла, была красивая, высокая

украшала местность. Поэт, используя богатства родного языка, воспевает красоту родной природы. В другом стихотворении «Улаалзай» (Сарана) поэт говорит, что в теплое время года алеют цветы сараны на возвышенных местах. Цветы эти прекрасны, огненно-алые цветы сараны украшают землю-матушку. Волнующее описание родных просторов даёт поэт в стихотворении «Тала нютаг» (Родные просторы). Автор, как бы обращаясь к читателям, утверждает, что любой человек будет восхищаться, любоваться красотой родной степи, родных просторов, волнующихся, переливающихся хлебами, одетых в зеленые травы. Каких только ярких цветов вы не увидите под теплыми лучами солнца. Прохладный ласковый ветерок подбадривает их, они качаются на ветру, словно играя: *Таряалан намаагаар халюурагша, тала газарай найханише* ‘Переливающиеся хлебами родные просторы’.

Жаворонок-певец оглашает просторы мелодичными звуками жэмбура, лимбы. И как не воспеть благоухающие ая гангой родные просторы.

Характерной чертой творчества Б. Базарона этого периода является вдохновенное воспевание новой, советской действительности, родного края, его прекрасной природы. Красоту и славу родной Кижинги поэт видит в том, что она не спеша несет на своих волнах лес для строительства фабрик и заводов. Река Селенга блестит, как зеркало, лучится вся: *Шэл шэнги үнгөөрөө, шэнгэн гэрэл уһаараа* («Сэлэнгын үер»).

Пейзажная лирика Б. Базарона пронизана богатством лексических тропов, которые создают удивительно нежные, полные любви к природе картины. Например, как утверждает поэт в стихотворении «Найхан намар» (Прекрасная осень) осень – это не время «увядания» природы, а время созревания плодов растений; сбора урожая, подготовки к зиме. С помощью таких сравнений, как *Шэлбэ набшаһан шэрдэг шэнги бамбайшоод* / ‘Листва мягкая как войлочная подстилка’, создаётся осенний пейзаж изменившегося леса, богатого орехами, ягодами, грибами. Перелетные птицы, улетаая осенью в теплые края, поют о предстоящем радостном возвращении сюда, на свою родину:

*Холо орондо ошохомнай
Хожом тэхэрижэ ерэхэбди,-
Халуун налюун хабарай саг
Халажа абахаар ерээрэйш!
Баяртай бусажа ерэхэбди,
Батадхан мордоёо нүхэдүүд*

В далекий край мы улетаем,
Вернемся мы обратно.
– Вернись обратно, птичья стая,
Весною ласковой, приятной.
Вернемся радостно в свои края
В дорогу дальнюю – дружья.

Пейзажные стихи Б. Базарона пронизаны патриотическими мотивами. Они характеризуют поэта как вдумчивого тонкого лирика, не созерцающего бесстрастно природу, а любящего свой край.

Владея богатствами языка и арсеналом художественных средств, поэт умеет давать точную и меткую характеристику описываемому объекту:

<i>Шулуун дээгүүр</i>	Прытко прыгает
<i>Шурьян дэбхэрэжэ,</i>	По камням,
<i>Солгёон доихон</i>	Своенравно
<i>Собхолзогио,</i>	Скачет и гремит,
<i>Элһэн дээгүүр</i>	Протекает по пескам,
<i>Эльбэн гаража,</i>	Поглаживая их,
<i>Энхэ номгон</i>	Отблесками рябит,
<i>Мэлмэлзэгшэ,</i>	Остепенясь,
<i>Хэтэдээ яаруу,</i>	Обычно быстрая
<i>Хэжэнгэ гэя!</i>	Кижинга!

Так образно, точно, в немногих словах поэт воспевает родную Кижингу.

Особый интерес вызывает у поэта распространенное (многозначное) сравнение, которое представляет собой самостоятельный художественный образ, построенный из целого ряда аналогий, скрытых в повторении слова *сэнхир*, рифмующегося со словом *жэнгир*, например:

<i>Далай сэнхир, / тэнгэри сэнхир.</i>	Море голубое, / небо голубое
<i>Дайдын энгэр / баһал сэнхир</i>	Земля – / тоже голубая,
<i>Сээжэн сооһоом / жэнгир-жэнгир.</i>	Из груди моей [вырываюсь],
<i>Сэдьхэлэйм дуунай / аялга сэнхир.</i>	звенят – звенят... /

Лексическую основу сравнений поэтов основном составляют слова, входящие в мир природы, Вселенной, явления растительного и животного миров, например: *хабар мэтэ...*, *алтан шэнги, саһан шэнги...*, *наран шэнги...*, *долгин шэнги, һара мэтэ...*, *ургы сэсэг мэтэ...*, *...тэришээ түргэн горхондол, гургалдай мэтэ...*, *оёдол торгон майхандал, мүнгэн угаһаар мүрлэн ёһон угалза мэтэ, атан тэмээнэй торгон шэнгил...* и др. Заметим, что подобные сопоставления широко используются в фольклоре, где отбор сравнений определяется не столько сутью художественного текста, сколько народными образами мыслей, сопоставимых с глубокими художественно-философскими обобщениями «вечной темы» мироздания.

Список литературы

1. Базарон Б. Сэлэнгын үер. Улан-Удэ, 1957. 112 с.

2. Балданмаксарова Е. Е. Бурятская поэзия XX века: истоки, поэтика жанров. М., 2002. 365 с.
3. Буряад шүлэгэй дээжэ. Улан-Удэ, 1963.594с.
4. Галсанов Ц. Дуунайм дээжэ. Улан-Удэ,1962. 353с.
5. Дашинимаев Д. Шэлэгдэмэл зохёолнууд (Избранные произведения) / вступ. ст. Т. М. Дугаржаповой. Улан-Удэ, 1994.
6. Дугаржапова Т. М. Поэтика бурятского стиха. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.200 с.
7. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Д. : Наука, 1977. 407 с.
8. Санжина Д. Д. Язык бурятской художественной литературы (лингвостилистическое описание лексики). Улан-Удэ, 2000. С. 244.
9. Хабарай гэрэл: хорёод-гушаад онуудай шүлэгүүд. Улан-Удэ,1990.160 с.
10. Хамгашалов А. М. Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ : Б-М. Госиздат, 1940. 85 с.

УДК 821.512-32.09

Пүрэвсүрэн Яндий

Монголия, Улан-Батор

ХII Бандида Хамба лам Итигэловын захиас сургаалын зарим онцлогийг тодруулах нь

In most cases, teaching and literature by Itigelov Khamba are short and have conversation type and it is related with warned and instructed meaning. Expression of instruction and teaching by Itigelov Khamba is sarcastic and teaching because these have essence of higher teaching. Meanwhile I want to state that Itigelov Khamba's teaching is possible to be explained from many sides and it enlighten way of all Mongolian people.

ХII Бандида Хамба Лам Итигэлов нь хоосон чанарыг таньж, гэгээрэлд хүрч чадсан агуу ламтан билээ. Эдүгээ хүн төрөлхтний түүхэнд аврал энергээ үзүүлсээр байгаа лагшин нь ч хоосон чанарын гэгээрэлд хүрснийх нь илрэл юм. Үүнийг орчин үеийн эрдэмтэд тайлах ородлого хийсээр байгааг Б. Доржиев [Хамба Лам Итгэл эргэж ирсэн нь. (2007). /"ХII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл"сэдэвт I бага хурал/ Улан-Уд.], П. Жигжитов [Ичгүүр. (2009). /"ХII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл"сэдэвт II бага хурал/ Улан-Уд.], Ж. Николаев [Хамба лам Итгэлийн байдлыг шинжихүй. (2009). /"ХII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл"сэдэвт II бага хурал/ Улан-Уд.], В. Покровский [Үхлийн дөрөв дэх байдал. (2004.12.22.) Независимая газета. М.], А. Кочаров [Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдлийн тухай асуудалд. (2009). /"ХII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл" сэдэвт II бага хурал/

Улан-Үд], А. Е. Хачатуров [Итгэл хамбын гоц үзэгдэл шинэ шинжлэх ухааныг буй болгох түлхэц болох нь. (2011). /”XII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл”сэдэвт III бага хурал/ Улан-Үд], Э. Д. Дагбаев [Бандид Хамба Лам Итгэлд залбиран мөргөхийн учир шалтгаан хийгээд үнэ цэнэ. (2009). /”XII Бандида Хамба Лам Итгэлийн гоц үзэгдэл”сэдэвт II бага хурал/ Улан-Үд], Ц. Отгонбаяр [Отгонбаяр Ц. (2018). Миний мэдэх Буриад нутаг. Улаанбаатар] нарын судалгааны бүтээлүүдээс харж болно.

Тэрбээр юмс үзэгдлийн харилцан хамаарлын тухай тулгуур бүтээл болох Богд Зонховын “Дэмбэрэл додво” буюу “Шүтэн барилдлагын магтаал” хэмээх сударт зориулж тайлбар хийсэн байдаг. Энэхүү тайлбар нь орчин үеийн судлаачдад төдийгүй эгэл жирийн сүсэгтэн олон бурханы сургаалын мөн чанарыг ухааран ойлгоход дөхөм болсноороо онцлогтой ажээ. Үүнээс гадна 38 наснаасаа эхлээд лам нарын хүсэлтийн дагуу Итигэлов буддын гүн ухаанаар ном бүтээлээ туурвиж байснаас эдүгээ цөөн бүтээл нь үлдсэн байна. (*Нийтдээ 50 гаруй боть боловч одоохондоо бүгд бүрэн олдоогүй байгаа*). [5, х. 78]

“Санжид молон” буюу “Сайн явдлын ерөөл” хэмээх сударт “...бурханы сургаал тэнгэр, лус, хүн бүхний хэлээр бүгдэд ойлгогддог...” гэдэг шиг зөвхөн нэг хүний төлөө зориулагдсан сургаал гэж үгүй билээ. Энэ үүднээс Итигэлов Хамба ламын захиас сургаалыг анхааран үзэж, дээдийн ном хэмээн утга задлан ойлгох нь чухал юм. Энэ талаар эрдэмтэн Ц.Отгонбаяр “... *Итгэл Хамбын сургаалыг бурханы сургаалтай жишин нинжин сэтгэлийн үүднээс тайлбар хийх хэрэгтэй. Богд ламтаны айлдсан “Бодь мөрийн зэрэг” буюу “Ламиран”-тай тохируулан тайлбар хийх нь аньстай мэт санагдах аж...*” хэмээгээд жишээ баримтаар нотлон тайлбарласантай бид санал нийлж байна.

Бурхан багшийн сургаалыг “...*үсгэн төдий янагш ил утга, далд буюу чинагш... утга...*” хэмээн тайлбарладаг. Үүнтэй адил Итигэловын захиас сургаалыг задлан ойлгох нь чухалтай. Ингээд бид Итигэловын захиас сургаалын зарим онцлогийг дараах байдлаар авч үзлээ.

1. Итигэлов хамбын сургаал нь хүний дотоод сэтгэлийн чанадад нөлөөлөх арга ухаанаар баялаг болох нь.

Итигэлов хамбын сургаалыг ажиглахад голдуу богино эсвэл харилцан ярианы хэлбэр давамгайлсан байгааг захиж гэрээсэлсэн утга агуулгатай нь холбон авч үзэж болно. Мөн үг хэллэгийн хувьд ёгт, сургамжилсан өнгө аястай байна. Энэ нь дээдийн номын мөн чанарыг хадгалсны илрэл юм. Тиймээс гүн гүнзгий далд утга

санаатай ажээ. Жишээ нь: Могой сарын 26-ы шар бар өдрийн Итгэл Хамбын сургаалд: “Сайн замд гарвал яарах юмгүй.” гээд үүдэн дээр бичээстэй байна. Итгэл Хамба лам “Буян хишгээ дундруулалгүй тэвчээртэй яв” *Июнин 20-до, могой сарын 26-й шара бар үдэр. Этигэл Хамба Ламын сургаал. Сайн замда гарбал яараха юүмэн үгэй” гээд, үүдэн дээрэ бишэтэй байна. Этигэл Хамба Лама: “Буян хэшигээ дундаруулан үгэй тэсэбэритэй ябагты” гэжэ айлдаа. Замда яарахагүй амидралда тэсэбэритэй бол ошохо газартаа хүрээжэ буян хэшигтэй байха.* [4, х. 37] хэмээн айлдсан нь хүн янз бүрийн муу дадал зуршил, зан байдал, айдас хүйдсээсээ болж алдаж эндэж, зовж зүдрэх нь нэлээдгүй бий. Тиймийн учир аливаад хянамгай хандан, нэгэн үзүүрт сэтгэлийг барьж чадваас ямар ч саад бэрхшээлийг даван туулж зорьсон зорилгодоо хүрч чаддаг болохыг энгийн үгээр мэт боловч нарийн гүн утга агуулгаар илэрхийлсэн байна. Үүнтэй төстэй санааг XIV Далай лам “...*Анч нохдоос зугатсан нэгэн буга айж эмээснээсээ болоод арьс үс нь нилэнхүйдээ хөлөрч Мял Богдын өмнө ирсэн тухай Мял Богдын намтарт гардаг. Хүмүүс ч гэсэн ингэдэггүй бил үү? Гадна болон дотор талаасаа ямар нэгэн айдас түгшүүр мэдрэх үедээ хоромхон зуур ч гэсэн тэвчиж чадахгүй бол адгууснаас ямар өөрц байх билээ. ...Өөрөөр хэлбэл аливаа үйл явдлыг дүгнэн шинжиж болдгийн хувьд саад бэрхшээл тохиолдохын цагт айж сандарч буруу зүйлд авталгүй итгэл, зоригоор түүнийг орлуулах нь оюуны өндөр түвшинд хүрсний шинж юм...*” [3, х.32] хэмээн тайлбарлажээ. Энэ нь “Бодь мөр”-ийн утга агуулгыг тайлсан тайлал бөгөөд үүнийг дээр өгүүлсэн Итигловын захиас сургаалтай жишин тайлбарлаж болно хэмээн үзэж байна.

Ингээд өөр нэгэн жишээ авъя. Могой сарын 20-ы мичин өдрийн Итгэл Хамба ламын сургаалд Минийх гэх дуртай хүн: “Амьдрал, байгаль орчлон дэлхийг цөмийг минийх” гэж хэлнэ. Итгэл Хамба лам “Аливаа юм бүхэн хүн бүхэнд адил өгөгдсөн болно.” *Июнин 14-дэ, могой сарын 20-й хара бишэн үдэр. Этигэл Хамба Ламын сургаал. Манай гэхэ дуратай хүн: “Байсан бүхы амидрал байгаали оршолон дэлхэй хуу манай” гэжэ хэлэнэ. Этигэл Хамба Лама: “Хубаари үгэй алиндаш таараха харюу үгэдэг” гэжэ айлдаа.*

Мэдээжэ бүхы юүмэ өөрин болгоохо хүн энэ дэлхэйн амитанай дээдэ ударидалга гэжэ өөригөө санаад хэнтэйш хубалсаха үгэй бодолтой. Бүхы юүмэ газараас абаха тула ямарша хүнэй алиндаш энэ тааламжатай. [3, х.42] хэмээн айлдсанаас харахад бүх юмыг өөрийн болгох гэж чармайдаг нь хүний төрлөхийн хувиа хичээсэн зан

араншин болохыг өгүүлээд аливаа зүйлийг зөвхөн бийрхэж өмчлөх бус хүн бүр адил тэгш хуваалцаж байхын утга учрыг өгүүлжээ.

Могой сарын 10-ны хар нохой өдрийн Итгэл Хамба Ламын сургаалд “Монголын нэг аймагт очоод ирье” гээд нэг хүн явав. Итгэл хамба үнэн цагаан лянхуяа мэт яваад ир” хэмээн айлджээ.

"Июнин 4-дэ, могой сарын 10-й хара нохой үдэр. Этигэл Хамба Ламын сургаал. "Монголой нэг аймагта ошоод ерэхэм" гээд, нэгэ хүн гараба. Этигэл Хамба Лама: "Үнэн сагаан линхобо хэрэглээ" гэжэ айлдаа.

"Будда Багшын гэгээрсэнэй дараа алхаад улымыгаа табисан газартань сагаан линхобо тодорсон тула бэди энэ сэсэгы ехэ гүнзэгыгээр хүндэлжэ шүтэдэг юм. Тымэ ушараас замда гарахада сагаан линхуа бодожо сэдхэлдэ баряад тэрэ хүрэсэн газартаа сэсэгээ табихада энэ ехэ шухал." [3, х. 55] гэжээ. Энд лянхуяа хэмээн онцлон өгүүлсэн нь нэгдүгээрт буддын шашинд лянхуа цэцгийг эрхэмлэн дээдлэн хүндэтгэдэг. Хоёрдугаарт будда багш гэгээрсний дараа алхахад өлмий тавьсан газарт нь цагаан лянхуа дэлгэрсэн хэмээдэг. Ийм учраас аливаа хүн ямар нэгэн зүйлд тэмүүлэн зорихдоо сэтгэлээ буруулалгүй муу үйлд авталгүй цэгц шулуун явж учир үйлээ бүтээхийг сургамжлан айлдсан байна. Энэ бүхнээс харахад Итигэловын захиас сургаал нь хүний дотоод сэтгэлийн нарийн нандин учиг холбоосыг нээн харуулж, ялангуяа сэтгэлээ засах гэдэг бол бодь сэтгэл үүсгэхийн эрхэм дээд илэрхийлэл болохыг сургамжлан өгүүлснээрээ бурханы сургаалын мөн чанарын бас нэгэн илэрхийлэл болсон байна.

2. Итигэлов хамбын сургаалд юмсын мөн чанар, үйлийн үрийн учир шалтгааныг танин мэдэх арга замыг өгүүлсэн нь.

Итигэлов хамбын ихэнх сургаал нь энэ мэт хүний дотоод сэтгэл зүйн чанадад хүчтэй нөлөөлөх арга ухаанаар баялаг болохоос гадна аливаа юмсын мөн чанарын утга учрыг их нарийн гүн гүнзгий тайлбарласныг лам хуврага шавь нартаа сургасан олон сургаалаас нь харж болно. Жишээ нь: Могой сарын 5-ны улаагчин могой өдрийн Итгэл Хамба Ламын сургаалд \Майн 30-да, могой сарын 5-й улаагша могой үдэр\ “Бор ардаг хүлэг унасан залуу хүн булгиж тангаран давхихад нь ойчолгүй тогтож, дун үлээхэд ньмуу сайн үйлийн үрнүд дэнслэгддэг” гэж цагаан лавай дуугарна. Итгэл Хамба Лам “Үйлийн үрийг хаана ч нууж болохгүй” гэж айлдсан нь хүн ямар үйл тарина эргүүлээд түүнийгээ хураана гэдэгтэй агаар нэгэн адил төдийгүй аливаа зүйл хоорондоо ямагт шүтэн барилдлагатай болохыг өгүүлжээ. Үүнийг дараах жишээгээр тайлбарлавал манай нэрт зохиолч Доржийн Гармаагийн “Чонын үүр” өгүүллэгт “Балдан хүү

Галсангаа өөр шигээ хүн болгоно хэмээн бодно. Тэрээр олз ашигийн төлөө яахаас ч буцахгүй нэгэн бөгөөд хүүгээ таван нас хүрмэгц чонын бэлтрэг суйлуулахаар уул руу дагуулан явдаг. Үүрэнд яг орох болохоор хүү нь айж, царай нь хувхай цайгаад, уйлж бахиран гэдрэг зугатахад Балдан олз ашиг алдаж болохгүй гэсэн шунаг сэтгэл нь дийлж, бяцхан хүүг хүчээр чирэн чонын үүрэн дээр авчраад, аргамжаар оосорлож ганц түлхэхэд хүү нь хорхой шиг арваганаасаар далд орон эцгийн хүслийг гүйцээнэ. Зохиолын төгсгөлд хүү нь эрийн цээнд хүрч аав шигээ хүн болсон төдийгүй эцгээ салхинд гаргах нэрийдлээр дагуулан явсаар нэгэн газарт ирдэг. Хүүгийнх нь дагуулан ирсэн газарт худаг шиг гүнзгий агуй байдаг бөгөөд дотроо хажуу тийшээ хонгил болон салаалдаг байна. Тэр салаануудын нэгэнд чоно үүрээ засдаг аж. Балдан өвгөн өөрөө ч багадаа эл үүрэнд олон орж, хүүгээ анх энэ агуй руу хүчээр түлхэн оруулснаа санав. Энэ үед үүрэн дотроос хэдэн чонын бэлтрэг улилдахад хүү нь аваад өгөөсэй гэсэн харцаар эцгээ ширтэхэд өвгөн уул шиг биетэй хүүгийнхээ санааг сая л ойлгон чонын үүр лүү өөрийн биеэр ордог. Гэвч үүрэнд бэлтрэгнээс гадна өглөө хүүгийн нь шархтуулсан чоно үүрэндээ юуг ч байсан тасдан хаяхад бэлэн хэвтэж байгааг өвгөн эс мэднэ.” [3, х. 125, 126] хэмээн зохиол төгсдөг. Үүгээр бид юу хэлэх гээд байна вэ гэхээр өөдөө хаясан чулуу өөрийн толгой дээр гэгчээр өөрийн нь хийсэн үйлийн үр эргээд өөрт нь ирдэг болохыг эцэг Балдан, хүү Галсан хоёрын харилцаагаар зохиолч илэрхийлсэн байна. Энэ мэт үйлийн үр хийгээд шүтэн барилдлагын мөн чанарыг Итигэловын захиас сургаалд онцлон өгүүлснийг бид монголын орчин үеийн өгүүллэгтэй холбон тайлбарлалаа.

Дүгнэлт

1.Итигэлов Хамбын сургаал зохиол нь голдуу богино эсвэл харилцан ярианы хэлбэртэй байгаа нь захиж гэрээсэлсэн утга агуулгатай нь холбоотой юм.

2. Итигэлов Хамбын захиас сургаалын үг хэллэг нь ёгт, сургамжилсан өнгө аястай нь дээдийн номын мөн чанарыг хадгалсны илрэл болно.

3.Итигэлов Хамбын сургаалыг олон талаас нь тайлбарлах боломжтой болохыг онцлон тэмдэглэхийн сацуу уг сургаал нь монгол угсаатан хүн бүрийн зам мөрийг тодотгох болтугай.

Ашигласан ном зүй

1. Богд Зонхаба. Бодь мөрийн зэрэг / орч. Г. Пүрэвбат. Улаанбаатар, 2002.
2. Васильева Я. Д. Бандида Хамба Лам Итгэл Үхэл гэж үгүй. Улаанбаатар, 2015.
3. Гармаа Д. Араншин / Чонын үүр. Улаанбаатар, 1989.

4. Далай лам Данзанжамц. Их бодь мөрийн зэргийн тайлбар. Улаанбаатар, 2009.
5. Итгэлт Хамбын иш бошго-2018 / ред. Гавж, доктор (Ph.D) Ц. Отгонбаяр. Улаанбаатар, 2019.
6. Отгонбаяр Ц. Миний мэдэх Буриад нутаг // ”Ногоон ном” Долоодугаар цуврал. Улаанбаатар, 2018.
7. Янгутов Л. Е., Бардуева Т. Ц. XII Бандид Хамба Лам Итгэлийн Дашдоржийн бичгэн өвийг шинжлэн судлах асуудалд. Улан-Үдэ, 2009.
8. Этигэл Хамба Ламын Сургаал / Сэдэв-147, Сургал-810. Улан-Үдэ, 2017.
9. Этигэл Хамба Ламын Сургаал. / Иволгийн дацан. Улан-Үдэ, 2019.

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

С. Б. Дашиева

Россия, Улан-Удэ

Стилистический анализ монгольского перевода трактата тибетской медицины «Сокровищница царя»

В статье рассматривается общая характеристика и структура перевода трактата тибетской медицины «Сокровищница царя» и особенность старописьменного монгольского языка употребляемого в сочинении.

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык, тибетская медицина, трактат, Чжуд-ши.

The article discusses the general characteristics and structure of the translation of the treatise of Tibetan medicine “Treasury of the king” and the peculiarity of the old written Mongolian language used in the composition.

Keywords: Old Written Mongolian language, Tibetan medicine, tractat, Zhud-shi.

Тибетская медицина как древняя медицинская система, с самого начала появления на свет поэтапно развивалась, столетиями и веками проходя одну за другой династии, один за другим поколения, обогащаясь опытом и расширяясь среди народов стран Центральной Азии, дошла до наших дней. Она имеет обширный опыт в диагностике и лечении заболеваний, также в укреплении организма в целом, применяет на практике лекарственные средства природного происхождения и другие естественные методы лечения. Она была широко распространена в свое время в Тибете, Монголии, в России – на территории современной Тувы, Калмыкии и Забайкалья [3, с. 2–3].

Существуют многочисленные литературы по тибетской медицине, классический трактат «Чжуд-ши», комментарии к нему «Вай-дурья-онбо» «Лхантаб», «Атлас тибетской медицины» и т. д.

В Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) Сибирского отделения Российской Академии наук (СО РАН) находится круп-

нейшая коллекция письменных источников по тибетской медицине. Среди различных медицинских сочинений монгольского фонда недавно был выявлен рукописный материал на старописьменном монгольском языке, который является рукописным переводом «Гьялпо-кордзо» или «Соче-гьялпо-кордзо», что в переводе на русский означает «Сокровищница царя» (rGyal po'i dkor mdzod), или «Сокровищница царя – о методах лечения» (gSo dpyad rGyal po'i dkor mdzod). Соответственно, монгольский перевод неустановленного автора звучит как «Хааны эдийн санг нэрт увдис» («Qayan-u ed-ün sang neretü ubidis») и хранится в ЦВРК под шифром КМ-250. Сам же тибетский трактат был написан влиятельным буддийским деятелем Джецун Дракпа Гьялценом (rJe btsun Grags pa rgyal mtshan, 1147–1216) – третьим иерархом школы Сакья. «Гьялпо-кордзо» сохранился в составе его собрания сочинений сунбум (gsum 'bum) по различным отраслям буддийских знаний. Текст написан черной тушью на плотной желтой бумаге тибетского формата *ботхи* (внешние рамки составляют 55×8,5 см, внутренние – 48×6,5 см) каллиграфическим почерком, напоминающим стиль монгольского рукописного «Ганджура». В рукописи нередко встречаются тибетские вставки, вписанные красными чернилами. Эти пометки представляют названия лекарственных средств с тибетскими эквивалентами. Они подписаны рядом с монгольскими словами, выделенными желтоватым цветом [4, с. 1–51].

Источник «Сокровищница царя» содержит структуру классических текстов тибетской медицины, раскрывает методологические аспекты теоретической медицины, дает описания разных лекарственных форм, излагает правила и показания для проведения процедур прижигания, иглоукалывания, кровопускания, массажа, раскрывает основные приемы диагностики [3, с. 5].

Монгольский перевод трактата «Сокровищница царя» состоит из сорока семи глав:

1. «Ясная лампада» – собрание всех заболеваний.
2. Два чудодейственных так называемого «Колеса учения верхней части туловища».
4. «Успокоение страдания» – наставления о лечении жара.
5. «Сущность нектара» – наставления о лечении болезней горячего свойства.
6. «Из сущности нектара – о лечении подвидов заболевании желчи».
7. «Капли нектара о лечении заболеваний почек».
8. «Волшебство метода кровопускания для изгнания болезни».

9. «Драгоценная капля» – наставление о прижигании.
10. «Драгоценный поток» – наставление о слабительных средствах.
11. «Железный крюк», вызывающий рвоту.
12. Проведение клизмы нируха.
13. Гонец, вызывающий очищение носа.
14. «Клизма маслянная, умножающая нектар».
15. Руководство по очищению сосудов и желудочно-кишечного тракта.
16. «Сокровищница царя» – лечение разрозненных болезней.
17. «Умножающая нектар» – лечение отравлений.
18. «Устраняющий яд хала» – наставление о лечении мясного яда.
19. Руководство по устранению опухоли (медитация и мантра).
20. Лечение сибирской язвы, чумы и опухолей.
21. Лечение 9 разновидностей опухолей.
22. Лекарство для лечения заразных болезней.
23. Руководство по выведению чирей, нарывов.
24. Очищение огня «желтой воды».
25. Наилучший совет по устранению отеков.
26. Лекарственный состав для лечения опухоли.
27. Лекарственный состав для выведения (рвотой) гноя из легких.
28. Совет по предохранению от болезней римс.
29. Драгоценное наставление лечению инфекционных болезней.
30. Руководство по приготовлению ванны [для лечения ран].
31. Руководство по приготовлению китайского компресса для [промывания ран]
32. Руководство по лечению ран головы.
33. «Волшебные иссушающие капли» для лечения «желтой воды».
34. Мантра при отравлении мясным ядом.
35. Совет [по обработке и применению] кальцита (шпата).
36. Лечение многих опухолевых заболеваний.
37. Лечение паразитарных заболеваний.
38. «Лекарство царей» для остановки кровотечений.
39. Лечение некоторых заболеваний новорожденных.
40. Лекарство для подавления (слабительные и рвотные) заболеваний опухоли.
41. Лечение обширной (во многих местах) опухоли.
42. Обезболивание.
43. Лечение различных заболеваний.
44. Лекарственный состав для иссушения гноя из легких.
45. Метод лечения детских заболеваний печени.

46. Лекарство для лечения застоя ветра.
47. Лекарство для остановки кровотечений.
48. Совет по лечению ран.
49. «Лекарство царей» для остановки кровотечений.
50. Руководство по лечению эпидемической болезни брюшной полости новорожденных.

В тибетской медицине рассматривают человеческое тело как единое целое, в котором все органы, части тела тесно взаимосвязаны с психическим состоянием. Именно это мы обнаруживаем в монгольском переводе текста «Сокровищница царя». К примеру, на странице 37v, в 18-й главе написано о визуализации свирепого Хаянхирвы (Хаягрива санскр.), который помогает в излечивании недугов.

А также часто встречаются практические рекомендации по чтению мантр на странице 43 г, в 21-й главе.

Нужно отметить, что автор рукописи постоянно использует в тексте архаичные правила написания слов старописьменного монгольского языка. Например, ᠴᠢᠴᠠᠷᠭᠠᠨ čičaḡaṅa вместо ᠴᠢᠴᠠᠷᠭᠠᠨ čičaḡaṅan-a ‘облепиха’ (13r), ᠦᠨᠡᠭᠡᠩ ünegen вм. ᠦᠨᠢᠶᠡᠨ üniyen ‘корова’ (17v), ᠤᠨᠲᠠᠷᠠᠭᠰᠠᠨ umtaraysan вм. ᠤᠨᠲᠠᠷᠠᠭᠰᠠᠨ untaysan ‘уснувший’ (5v), ᠠᠷᠠᠭᠤᠴᠢᠨ quučin, ᠠᠷᠠᠭᠤᠴᠢᠨ quyučün вм. ᠠᠷᠠᠭᠤᠴᠢᠨ qaḡučin ‘старый’ (12v), ᠳᠡᠭᠡᠷᠡ degere вм. ᠳᠡᠭᠡᠷᠡ deger-e ‘наверху’ (18r), ᠡᠪᠡᠴᠢᠨ ebečün вм. ᠡᠪᠡᠳᠴᠢᠨ ebedčün ‘заболевание’ (2r), ᠰᠢᠷᠠ (sira) вм. ᠰᠢᠷᠠ (sir-a) ‘желтый’ (2v), ᠨᠢᠷᠢᠭᠤᠨ nigiyun вм. ᠨᠢᠷᠢᠭᠤᠨ niguyun (23r), ᠶᠡᠬᠡᠳᠡᠬᠡᠭᠡᠴᠢ yekedkeg-či вм. ᠶᠡᠬᠡᠳᠡᠬᠡᠭᠡᠴᠢ yekedkegči ‘увеличивающий’ (18r), ᠡᠰᠡ es-e вм. ᠡᠰᠡ ese ‘не’ (4r), ᠰᠢᠨᠢ sini вм. ᠰᠢᠨᠢ sin-e ‘новый’ (13v), ᠴᠠᠮᠠᠭ qabar вм. ᠴᠠᠮᠠᠭ qamar ‘нос’ (28r), ᠠᠶᠤᠯᠠᠭᠢ aḡul-qui вм. ᠠᠶᠤᠯᠠᠭᠢ aḡulqu ‘помещать’ (6v), ᠬᠡᠷᠪᠡ kerbe вм. ᠬᠡᠷᠪᠡ kerbe ‘если’ (13r), ᠬᠡᠭᠢᠰᠦᠨ küilsün вм. ᠬᠡᠭᠢᠰᠦᠨ küyisün ‘пупок’ (4r).

Также мы наблюдаем активное использование архаичных аффиксов настоящего времени изъявительного наклонения:

-*tu/müi*, -*yu/-yüi*, к примеру, ᠬᠠᠨᠢᠶᠠᠮᠤ qaniyatu вместо ᠬᠠᠨᠢᠶᠠᠨ qaniyan-a ‘кашлять’ (2r), ᠪᠣᠰᠠᠭᠢ bosqui вм. ᠪᠣᠰᠠᠭᠢ bosqu ‘вставать’ (2v):

Аффикс причастия будущего времени: -*qui/-kii* ᠲᠡᠭᠡᠨᠡᠭᠳᠡᠬᠡᠵᠢ tögenegdeküi вм. ᠲᠡᠭᠡᠨᠡᠭᠳᠡᠬᠡᠵᠢ tögenegdekü ‘прижигаться’ (3r), ᠲᠡᠪᠴᠢᠭᠳᠡᠬᠡᠵᠢ tebčigdeküi вм. ᠲᠡᠪᠴᠢᠭᠳᠡᠬᠡᠵᠢ tebčigdekü ‘воздержаться’ (18 v), ᠵᠠᠰᠠᠶᠳᠠᠴᠠᠵᠢ jasaḡdaqui вм. ᠵᠠᠰᠠᠶᠳᠠᠴᠠᠵᠢ jasaḡdaqu ‘быть исправленным’ (4r).

В тексте употреблены заимствованные слова с других языков, в частности, термины с тибетского языка: ᠭᠦᠭᠦᠮ güḡgüm ‘шафран’ (15r), ᠯᠢᠰᠢ lisi ‘гвоздика’ (15r), ᠪᠤᠷᠠᠮ buḡam ‘тростниковый сахар’ (23v). А также нами зафиксированы китаизмы: ᠯᠤᠪᠤᠭ luubang ‘редька’ (с кит. luobo 萝卜) (32v), ᠲᠠᠩ tang ‘отвар’ (24r) (с кит. tang 汤).

В тексте встречаются образные выражения (метафоры), к примеру: *jirüken-ü sudasun-u eki inu altan-iyer kigsen jögelen, aday inu temür-iyer kigsen qatayu bui* ‘начало сосуда сердца мягкое, словно сделано из золота, конец твёрдый, словно сделано из металла’ (8r). *Eligen-ü sudasun inu buyu-yin eber metü delgeregsen* ‘сосуд печени распространен словно рога изюбря’ (8v). *Āirai sira ulabur ʒal adali* ‘Лицо оранжевое словно огонь’ (10v). *Bulanggir-tu usun metü ilʒaran üdüi qalayun ebeċin*. Болезнь жара подобно не отделившейся мутной (9r). *ʒal metü badarayċi delgeregsen qalayun ebeċin* ‘болезнь жара, распространяющаяся словно пылающий огонь’ (8v). *sumu metü eberlegċi qoʒusun qalayun ebeċin* ‘болезнь пустого жара, наносящая боль словно пронзающая стрела’ (9r). *qarangqui metü bürkügsen niyuʒsan qalayun ebeċin* ‘скрытый жар, окутывающий словно темнота’ (9r). *buduʒ metü singgegsen quyuċin qalayun ebeċin* ‘застарелый жар, впитавшийся словно краска’ (9v). *qalayun ebeċin baraydaysan qoʒina idegen-iyer ülü urbayu, adalidqabasu qalayun ünesün adali* ‘болезнь жара после исчезновения не вернется с едой, это сравнимо с горячей золой’ (10r).

Изученная нами данная рукопись, является ценным источником не только в практической медицине, но и представляет научную ценность с филологической, исторической сторон. Отсюда мы почерпнули много интересных архаизмов, аффиксов не использующихся в современных текстах.

На наш взгляд, этот текст монгольского рукописного перевода тибетской медицины будет полезным материалом для источниковедов, филологов, философов, врачей и т. д.

Список литературы

1. Дашиев Д. Б. «Чжуд-ши» канон тибетской медицины : в 3 кн. / пер. с тиб. Д. Б. Дашиева. Улан-Удэ : Респ. тип., 2003.
2. Жамбалдоржэ. Дзэйцхар-Мигчжан монголо-тибетский источник по истории культуры и традиционной медицине XIX в. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011.
3. Жабон Ю. Ж., Ринчинова О. С., Дашиева С. Б. Монгольский перевод трактата тибетской медицины «Гьялпо-Кордзо» // Грамота, 2019. Т. 12, вып. 9. С. 156–159. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.33>
4. Рукопись на старомонгольской письменности «Qayan-u ed-ün sang neretü ubidis» ‘Сокровищница царя’, хранящаяся в ЦВРК под шифром КМ-250.

Об экзоэтнонимах бурят даур и баргу-бурат

*Работа выполнена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17–117021310264–4).*

В статье впервые поднята никогда не изучавшаяся ранее проблема экзоэтнонимов у бурят. Эти имена были даны им соседними народами, но самими бурятами они никогда не использовались. Экзоэтноним даур был дан бурятам в XVII в. эвенками, баргу-бурат – в это же время степными племенами Монголии. С первым именем связано появление в Восточном Забайкалье и на юге современной Бурятии двух топонимических названий: Даурия и Селенгинская Даурия.

Ключевые слова: экзоэтнонимы даур и баргу-бурат, Витим, Селенга, степные монголы.

The problem of exoethnonyms of the Buryats have never studied before and first raised in the article. Neighboring peoples gave these names to them, which have never been used by the Buryats themselves. The exoethnonym Daur was given to the Buryats in the 17th century, Evenki, Bargu-Burat – at the same time by the steppe tribes of Mongolia. The first name is associated with the appearance in East Transbaikalia and in the south of modern Buryatia of two toponymic names: Dauria and Selenginskaya Dauria.

Keywords: exoethnonyms of Daur and Bargu-Burat, Vitim, Selenga, steppe Mongols.

Как известно, одним из главных этнических признаков этноса является этноним. В прошлом наряду с ними существовали экзоэтнонимы, дававшиеся этносам другими народами. Они с их самоназваниями, как правило, не совпадали, а потому отторгались. По этой причине экзоэтнонимы использовались лишь теми народами, которые эти названия давали.

Принято считать, что не все этносы имели экзоэтнонимы. В частности, подобная точка зрения бытует в отношении бурят. Однако сейчас, когда с историей этнонима *бурят* сложилась более или менее ясная картина, выяснилось, что это далеко не так. У бурят были не один, а два экзоэтнонима: *даур* и *баргу-бурят*.

В 1641 г. поднимавшиеся по Витиму русские казаки во главе М. Перфильевым узнали от тунгусов, что «живет... верх по Витиму реке даурский князец именем Ботога... живет де он, Ботога, на Витиме реке... на одном месте улусами, а юрты... у того князца Ботоги рубленные, и скота... и соболя много, и серебро де у него Ботоги есть... он серебро Ботога и камни покупает на Шилке реке у князя Ловкоя; а от Ботоги верх по Витиму реке и до Яравни озера по обе

стороны Витима реки, даурские конные многие люди, а бой де у них лучшей...» [9, с. 38].

Приведенное сообщение тунгусов послужило основанием для появления ошибочной гипотезы, что в начале XVII в. монголоязычные дауры жили по Витиму и вокруг Еравнинских озер в Забайкалье [8, с. 205]. Ее авторы либо не знали, либо не придавали большого значения тому факту, что вблизи Байкала эвенки называли бурят *даурами*. Эта имевшая место реальность была установлена участником Первой Академической экспедиции по Сибири Я. И. Линденау. В 1745 г. им была сделана запись, что Братские называются *Burat*. Однако тунгусы, которые живут на Лене, Братских именуют *Dagur* [7]. Поэтому дауры на Витиме, о которых тунгусы сообщили Перфильеву, были бурятами, а отнюдь не даурами. По-видимому, это были группы бурятского населения, бежавшие в первых десятилетиях XVII в. от казачьих погромов на Ангаре и Лене. Долгое их проживание на Витиме, освоение ими новых земель в районе Еравнинских озер привели к тому, что по их экзоэтнониму *даур* в Восточном Забайкалье закрепился хорошо сохранившийся до наших дней топоним *Даурия*.

Подобным же образом можно объяснить появление совершенно неожиданного для Южного Забайкалья топонима *Селенгинская Даурия*. Автор настоящей статьи исходит из того, что забайкальские тунгусы, подобно ленским, бурят также называли *даурами*.

Я. И. Линденау, сообразуясь с уровнем знаний его времени, дауров называл тунгусами [7]. К настоящему времени твердо установлено, что дауры и их предки относятся к числу монголоязычных народов на Амуре. В середине XVII в., ко времени первых встреч с русскими, они обитали в верховье этой реки. Западнее их, от слияния Шилки и Аргуни, жили нерчинские тунгусы-нелюды [1, с. 581]. Нижнее течение Шилки, по всей видимости, контролировалось даурами. Это позволяло их князю Ловкою регулярно наведываться туда для меновой торговли с жившим на Витиме бурятами, как сказывали казаку Перфильеву тунгусы.

Исконная родина дауров находилась на северо-востоке Китая в долине р. Нонни, с VI в. входившей в ареал расселения шивэйских племен. В эпохи Суй и Тан в составе южных шивэйцев, живших восточнее Большого Хингана, упоминается общность дагоу-шивэй, которую, на мой взгляд, можно считать прямыми предками дауров. По данным «Бэй ши», при Тан киданьский род дахэ завоевал земли южных шивэйцев. С этого времени в ряде источников южные шивэйцы называются не только своим именем *шивэй*, но и *киданями*

[2, с. 347]. На мой взгляд, не исключено, что со временем киданидахэсцы и жившие вокруг них шивэйские группы консолидировались в единое этническое образование, которое стало основой будущей даурской народности.

Что касается экзоэтнонима *баргу-бурят*, то он имеет долгую и непростую предысторию. В XIII в. степные монголы группу племен, преимущественно населявшую западную сторону Байкала, называли *баргут*. Рашид-ад-дин этот феномен раскрыл так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [6, с. 121].

В процитированном тексте источника слово *баргут* использовано не как этноним (как самоназвание оно сопряжено с обитавшим в Забайкалье племенным этносом баргут. – Б. З.), а как этническое прозвище некоторой части, главным образом, предбайкальского населения, данное ей по названию той территории, какую она занимала – *Баргуджин-Токум*, кратко – Барга. Семантика его прозрачна: «жители Баргуджин-Токума или Барги». В дальнейшем произошло расширение функции прозвища. Оно стало обозначением не узкой группы племен, а всего аборигенного населения у Байкала.

Буквальное значение топонима *Баргуджин-Токум* – «Баргузинская низина». Так назывался исторический центр региона на восточном берегу Байкала, где обитало крупное племя баргут. Со временем *Баргуджин-Токумом* стала называться территория по обе стороны озера, которую освоили лесные монголы. Увеличение площади и численности населения, разность его этнического состава и др. факторы не могли не наложить свой отпечаток на семантику понятия *Баргуджин-Токум*. Степные монголы, игравшие доминирующую роль в монгольском мире, за счет наполнения его этническим смыслом с явно тенденциозной направленностью, придали ему выгодное для себя звучание. Они в соответствии с естественным противопоставлением своей группы другим («мы» – «они»), лежавшим в основе этнической идентификации, Баргуджин-Токум стали понимать как глухой, холодный по климату, малокультурный уголок на далекой окраине их державы. Жившие там племена, как им думалось, не имели палаток и шатров, быков и баранов и никогда не выходили из своих лесов. Они не причислялись прежде к монголам, а стали именоваться таковыми лишь недавно [6, с. 92, 123, 124]. Эти характеристики (особенности культуры, отношение к жизни, этногенез), при помощи которых степными монголами был сконструирован образ

Баргуджин-Токума, в сжатом виде составили содержание прозвища *баргут*. Оно в оценочном плане мало отличалось от негативно окрашенной семантики этнонима *баргут*, также несомненно полученного в свое время племенем баргут от степняков юга – «грубый, некультурный, отсталый» [4, с. 1108].

Степные монголы прозвище *баргут* прилагали и к отдельным племенным группам Баргуджин-Токума. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринцам, которые, находясь в даннической зависимости от монгольского Цэцэн-хана, подолгу находились в Восточной Халхе. В первой половине XVII в., подражая халхасам, баргутами стали называть хоринцев маньчжуры.

Традиция давать северным соседям прозвище *баргут* имела у монголов характер долговременной тенденции. Во второй половине XVI в. на западной стороне Байкала сложилось племенное объединение, вначале называвшееся *бурат*, а на рубеже XVII–XVIII вв. – *бурэт* [buræ:d]. На базе этого союза с дальнейшим перекидыванием объединительных тенденций в Забайкалье и возникновением там имени *бурят* (значение всех трех форм – «лесные») в конце XVIII в. образовалась бурятская народность [3, с. 70–79]. Оставаясь верными своему обычаю, степные монголы племенное объединение бурат также нарекли прозвищем *баргут*, автоматически перенеся все характеристики, дававшиеся понятию *Баргуджин-Токум*, на буратов и занимаемую ими территорию. Вполне возможно, что прозвище *баргу-бурат* было дано буратам ойратами Монголии. На такое предположение наталкивает тот факт, что сложный экзоэтноним *баргут-бурат* в слегка усеченной форме *баргу-бурат* встречается в ойратских памятниках XVIII – начала XIX в. [10, т. 34, 65]. Во всех других источниках в качестве архетипа этнонима *бурят* фигурирует одно слово *бурат*, что говорит о том, что в ойратских источниках в термине *баргу-бурат* слово *баргу* (*баргут*) однозначно использовано как дополнительно введенное прозвище, а не как этническое наименование.

То, что в экзоэтнониме *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений ни у кого не вызывало. К примеру, именно так трактовал его известный монголовед А. М. Позднеев. Касаясь названия *баргу-бурат*, он заметил, что буряты (так им написано слово *бураты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, т.е. западных. Последние заметно разнятся от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, – подчеркивал А. М. Позднеев, – что это наречие и было поводом, почему северобайкальские

Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т. е. грубых, неотесанных Бурятов» [5, с. 180].

С высоты сегодняшнего дня не все замечания А. М. Позднеева о культуре и языке северных (западных) бурят можно принять, но его вывод, что в экзоэтнониме *баргу-бурят* компонент *баргу* является прозвищем, безусловно верен, потому что он соответствует содержанию приводившегося сообщения Рашид-ад-дина, почему степные монголы баргуджин-токумовцев называют *баргут*.

Постепенный выход из лексикона монголов слова *баргут* как прозвища их северных соседей начался, надо полагать, на рубеже XVII–XVIII вв., когда на западной стороне Байкала имя *бурат* сменилось этнонимом *бурэт*. Окончательно прозвище *баргут* вышло из употребления вместе с канувшим в Лету топонимом Баргуджин-Токум. Это произошло после 80-х гг. XVIII в., когда в основе нового названия региона – *Буряад* или *Буряад орон* (т. е. Бурятия) – закрепилось наименование образовавшейся бурятской народности.

Список литературы

1. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
2. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ, комм. и прил. В. С.Таскина. Памятники письм. Востока. Т. 35. М. : Наука, 1979. 608 с.
3. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М. : Вост. лит. РАН, 2011. 278 с.
4. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2 / сост. О. Ковалевский. Казань : Унив. тип., 1846. С. 595–1545.
5. Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов / собраны и изданы А. Позднеевым. Вып. первый. СПб.: Тип. Императ. Академии Наук, 1880. 346 с.
6. Рашид-ад-дин. Сборник летописей / пер. с перс. А. А. Хетагурова ; ред. и прим. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. первая. М ; Л.: Изд- во АН СССР, 1952. – 221 с.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 199. Ед. хр. 511. Ч. 1. Д. 6.
8. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 264 с.
9. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост.: Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ : Тип. М-ва культуры БурАССР, 1960. 493 с.
10. Баатар увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2006. 165 т.

Бурятский филиал Восточно-Сибирского краевого союза художников, 1930-е гг.

Ситуация становления союза советских художников в отдаленных краях страны не до конца изучена, но представляет интерес для понимания процессов развития отечественной культуры. В статье рассматривается вопрос начального этапа создания союза советских художников в Бурят-Монгольской АССР в свете образования единой организации художников Восточно-Сибирского края (1930-е гг.). Изыскание основывается на документах, отложившихся в фондах государственного архива новейшей истории Иркутской области и, практически, до сегодняшнего времени не изученных.

Ключевые слова: Союз советских художников Восточно-Сибирского края, художники Бурятии, советское искусство 1930-х годов.

The situation of the formation of the organization of the union of Soviet artists in the remote parts of the country has not been fully studied, but it is of interest for understanding the processes of development of national culture. The article considers the question of the initial stage of creating a union of Soviet artists in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the light of the formation of a unified organization of artists of the East Siberian Territory (1930s). The research is based on documents deposited in the funds of the state archive of recent history of the Irkutsk region and almost until today time not studied.

Keywords: Union of Soviet Artists of the East-Siberian Territory, artists of Buryatia, Soviet art of the 1930s.

Союзы советских художников в республиках, регионах, краях и областях страны были образованы после постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.). Эти объединения, созданные по единому типу, были разбросаны по обширной стране: от Москвы (МОССХ) до самых до окраин (ВСКРАССХ). Они, фактически, не были связаны между собой и, в целом, союз не имел вертикального управления из центра. Только в 1957 году была создана единая союзная организация – Союз художников СССР, на 1-м Всесоюзном съезде принят Устав и выбран руководящий орган организации. Согласно исторической справке РГАЛИ, в Союз вошла 91 местная организация.

Вышеупомянутое постановление вышло в газете «Правда» № 114 от 23 апреля 1932 г., в «Восточно-Сибирской правде», главной газете Восточно-Сибирского края, – в № 96 от 29 апреля. Оно явилось мощным толчком к созданию сибирскими художниками своей организации, причем при активном участии и поддержке местных высших партийных властей – процедура курировалась Крайкомом. У художников попытки объединиться были и до 1932 г.,

но неудачные. Наиболее серьезная была осуществлена в 1927 г., когда было образовано общество «Новая Сибирь» с филиалами в городах и центром в Новосибирске. Но правление общества бездействовало, и деятельность организации постепенно сошла на нет. Художники понимали, что разрозненность тормозит их профессиональное развитие: не проводятся общие выставки, неизвестен количественный состав мастеров края, нет устойчивой связи между городами и поселками для работы в области изобразительного искусства.

После образования Восточно-Сибирского края, который, в конечном итоге, вместил в себя Иркутскую область, Красноярский округ, Бурят-Монгольскую АССР, Читинский округ, вновь была предпринята достаточно серьезная попытка создать единую организацию в 1931 г. Но ничего не получилось, художники затихли, да и партийные органы особо вопросом объединения мастеров изобразительного искусства не занимались вплоть до выхода вышеупомянутого постановления, после которого они уже вынуждены были быстро и точно действовать для достижения положительного результата. Выход партийного документа прозвучал как решительный сигнал, после которого резко изменилась атмосфера вокруг идеи создания организации, потому что это уже было делом не столько художников, сколько местного руководства, которое прекрасно умело доводить постановления ЦК до логического конца.

В Восточно-Сибирском крае (1930–1936) организация художников называлась Восточно-Сибирский Краевой союз советских художников (ВСКРАССХ). Союз был создан в 1933 г., краевое правление находилось в столице Восточно-Сибирского края – Иркутске. Председателем правления был избран Александр Иванович Вологдин, который руководил работой всех филиалов вплоть до своего ареста органами НКВД в 1937 г. Разумеется, создание такого крупного объединения требовало огромной подготовительной работы, которую совершили иркутские художники, для начала образовавшие в мае-июне 1932 г. свой городской союз. Они инициировали и взяли на себя все хлопоты по устройству конференции, объединившей художников обширного Восточно-Сибирского края, куда с 1930 г. входила и Бурят-Монгольская АССР. Иркутскими художниками были налажены контакты с Крайкомом и Крайоно, получены средства в размере 5000 руб. на контрактацию работ к краевой выставке, установлена письменная связь с художниками районов края, организован Красноярский филиал и т. д.

Первая краевая конференция художников Восточно-Сибирского края являлась делом государственной важности. Об этом свидетель-

ствуется факт того, что решение о ее созыве принимал Секретариат Восточно-Сибирского Крайкома ВКП (б) 15 марта 1933 г.: «Разрешить КрайОНО созвать 5 апреля краевую конференцию художников с вызовом с мест не более 10 человек. Задачей конференции поставить: проработку решения ЦК о художественных организациях, создание краевой организации союза Советских художников и его филиалов на местах, вопросы учебы и подготовки кадров; подготовку к созданию краевой выставки (в октябре с/г)» [1, л. 27].

Конференция художников Восточно-Сибирского края начала свою работу в Иркутске 10 апреля 1933 г. и шла три дня. Представителей от Бурят-Монгольской АССР на конференции по неизвестным причинам не было, но для бурят-монгольского филиала зарезервировали место в Краевом правлении. Было постановлено: «Оставить место для Бурятии, когда кандидат будет на месте» [2, л. 28]. Это решение подтвердил Пленум ВСКРАССХ, проходивший 14 апреля 1933 г. под председательством А. И. Вологодина. В планах работ ВСКРАССХ предполагалось «развертывание» работ «в Красноярске, Иркутске, Чите, Верхне-Удинске и Черемхово и др. городах Края».

В резолюции конференции по докладу А. И. Вологодина «О подготовке кадров» отмечалась необходимость учета художников Бурятии и других национальных республик и привлечение их к участию в выставке. Речь шла о Краевой выставке, причем в резолюции по докладу Добрынина «Об организации Краевой выставки работ художников Восточной Сибири» было отмечено состав выставочного комитета, куда также должен был войти представитель от Бурятии.

На конференции отдельно рассматривался вопрос празднования 10-летия Бурят-Монгольской республики, точнее – художественного оформления этого торжества. Миронова (представитель от Бурятии), сообщила: «У нас оформитель т. Ковалев. Художников недостаточно. Времени осталось мало, а потому просьба к конференции выделить художников – 3-х оформителей и 2-х исполнителей» [2, л. 26]. Добрынин пояснил, что празднованию 10-летия Бурят-Монгольской АССР придается большое политическое значение. Делегаты обсудили этот вопрос и вынесли решение о предварительной поездке иркутского художника Мигаева в Верхнеудинск для ознакомления ситуации на месте и составления расчетов, а также создании бригады художников для оформительских работ, что и было в дальнейшем воплощено.

Председателем правления Бурят-Монгольского филиала ВСКРАССХ был выбран Г. Е. Павлов, ответственным секретарем – Р. С. Мэрдыеев. Должность председателя правления, в отличие от

секретарской, не оплачивалась. Филиал неуклонно прирастал новыми художниками. Согласно данным материала «У художников Бурят-Монголии», опубликованном в газете «Восточно-Сибирская Правда» 20 апреля 1936 г., в республике на тот период «насчитывалось 35 членов, кандидатов и соревнователей Союза советских художников. Кроме того, активно работают около 40 художников-самоучек».

«Работа наша идет благополучно», – писал Р. С. Мэрдыеев ответственному секретарю ВСКРАССХ В. И. Богданову. Шло тесное взаимодействие между филиалом и центром. В Иркутск регулярно посылались протоколы заседаний общих собраний и заседаний правления. В. И. Богданов приезжал в Улан-Удэ и выступал 16 декабря 1935 г. на собрании художников с отчетом о проделанной работе ВСКРАССХ, кооператива «Художник», художественной студии, а также информировал художников о намеченных выставках на ближайшие два года. В свою очередь, Р. С. Мэрдыеев докладывал о деятельности бурятского филиала.

Как и остальные творцы Восточно-Сибирского Края, художники БМАССР находились в сложных материально-бытовых условиях. Президиум ЦИК отмечал в постановлении от 3 декабря 1935 г., что художникам не оказана помощь со стороны президиума Улан-Удэнского Горсовета, поэтому они «находятся в явно невыносимых условиях (художники живут в архивных помещениях, бане, чердаке и др.), наряду с этим отсутствует помещение под мастерскую для коллективной творческой работы художников, вся художественная работа производится на квартирах». Художник Березков на собрании, проходившем 16 декабря 1935 г., сообщил: «... моя квартира в буквальном смысле конура, в которой ютятся 3 человека, отсюда говорить о какой-либо творческой работе дома нет никакой возможности. Одна моя надежда на то, что скоро откроется наша мастерская-Студия, где я смогу плодотворно начать работу». Народный художник Бурят-Монгольской АССР Цернаджап Сампилов работал «в своем жилом помещении в столовой. Хоть и просторно, но не совсем удобное место работы. Приходят знакомые семьи и часто мешают» [3, л. 74]. Собрание художников постановило просить ЦИК БМАССР предложить Горсовету выполнить вынесенные им решения о предоставлении квартир художникам. Вопрос студии был решен положительно: «Для коллективной работы художников предоставить под мастерскую в бывшем помещении кино «Комсомолец», ныне переданном Зооветинституту, одну крайнюю комнату расположенную слева на право со входом со двора». Также поручалось принять меры к обеспечению квартирами художников и писателей.

Уже 20 марта 1936 г. на общем собрании художников отмечалось, что «мастерская-студия готова к открытию. Она предназначена для творческих работ художников и Студии. Предполагается, что с утра художники будут заниматься творческой работой, а студия работать в вечернее время. Директором назначен Г. Е. Павлов (для чего предложено отозвать его с работы БурГиз и найти кандидата для замены), преподаватели: Сампилов, Окладников, Тимин и Фалилеева» [3, л. 65].

Любопытна попытка отделения бурят-монгольского филиала от краевого союза. На общем собрании художников был поставлен вопрос о реорганизации филиала в самостоятельный «Союз Советских Художников БМАССР». Из доклада Мэрдэеewa: «Работать на правах филиала становится нам невозможно. Край Союз нас не финансирует и не оказывает нам помощи ни в руководящей работе, ни в организационной. Все время приходится работать самостоятельно. Работа Правления союза приобретает с каждым днем все более сложные и ответственные задачи, переходящие за грани филиала. Мы находимся в центре Буреспублики и должны будем обслужить ее всю, тем более что мы живем исключительно на дотациях правительства БМАССР. Нам необходимо выделиться в самостоятельный Союз Советских художников БМАССР». Он указал, что есть московский и краевой устав, и имеются «законные права на реорганизацию филиала в самостоятельный союз». Предполагалось, что новообразованный союз будет подчиняться непосредственно Москве. На вопрос художника Сампилова: «Имеются ли мотивы к выделению союза в самостоятельный со стороны правительственных органов?» последовал отрицательный ответ. Постановили: «выбрать комиссию для составления резолюции по данному вопросу в составе Президиума собрания с добавлением Сампилова, Павлова и Радионова» [3, л. 63]. Протокол собрания был зачитан председателем правления ВСКРАССХ А. Вологдиным в Комитете по делам искусств, образованном при Крайисполкоме. О результатах он написал Мэрдэеewу 9 мая 1936 г.: «...нашли, что Вы поступаете неправильно в особенности при существовании Краевого комитета по делам Искусств. Я уже писал Вам, что Вам нужно вообще подождать со всем этим, пока не выяснится вопрос в Москве. Что мы Вам не помогаем известно, Вы достаточно крепки, чтобы работать самостоятельно и т. д. У вас больше и денег. Подчиниться Московскому Союзу Вы не можете так как у него филиалов нет; не подчиняемся и мы ему...» [3, л. 57]. Как уже отмечалось, у союзов советских художников в тот период не было единого вертикального управления из столичного центра, они существовали в виде разрозненных республиканских, краевых,

областных подразделений, не связанных между собой. Примкнуть же к МОССХУ филиал художников ВСКРАССХ Бурят-Монгольской АССР не мог ни по территориальному, ни по административному признакам. Но вопрос решился сам собой: в декабре 1936 г. Восточно-Сибирский край был упразднён, а территория разделена между Восточно-Сибирской областью и Бурят-Монгольской АССР. Филиал стал самостоятельной организацией, но творческие дружеские связи между творцами Иркутской области и Республики Бурятия, заложенные в далеких 1930-х годах, развиваются и крепнут до сих пор, и свидетельство тому – совместные художественные выставки.

Список источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 4. Д. 83.
2. ГАНИИО. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАНИИО. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 10.

УДК 323.1(=512.3):070.23

Т. Д. Романцова

Россия, Иркутск

Проблемы бурятского этноса в «Литературном Иркутске» эпохи перестройки

Показана смена форматных характеристик региональной корпоративной газеты конца 80-х годов XX века, повлиявшая на обращение редакции к этнопроблематике. На основе проблемно-тематического анализа публикаций описан просветительский, научный, идеологический потенциал выпуска «Литературного Иркутска», посвященного бурятской народности и возрождению национального самосознания этноса. Номер газеты представлен как результат эффективной работы редакторского коллектива и площадка для медиакритики.

Ключевые слова: национальная проблематика СМИ, бурятский этнос, «Литературный Иркутск», пресса перестройки, медиакритика.

AChange in format characteristics of a regional corporate newspaper of the late 1980s, which influenced the editorial staff appeal to ethno issues is shown. On the basis of a problematic and thematic analysis of publications, the educational, scientific, ideological potential of the publication of the “Literaturnyy Irkutsk” devoted to the Buryat ethnic group and the revival of the national ethnos self-identity is described. The newspaper issue is presented as a result of the effective work of the editorial staff and a platform for media criticism.

Keywords: national problems in the media, Buryat ethnosc, “Literaturnyy Irkutsk”, perestroika press, media criticism.

С июля 1976 г. по март 1987 г. газета Иркутской писательской организации «Литературный Иркутск» (далее ЛИ) выходила в основном в виде специальных выпусков и освещала знаковые события литературной жизни региона: семинары и совещания молодых литераторов, дни советской литературы в Иркутской области, итоги областной конференции молодых писателей «Молодость. Творчество. Современность», посещения Иркутска известными писателями Москвы, Ленинграда, союзных республик. В марте 1988 года номер ЛИ вышел без обычного подзаголовка «*Специальный выпуск*», в открывающей статье Р. Филиппов, ответственный секретарь Иркутской писательской организации, отметил, что отныне ЛИ станет «*выходить регулярно, раз в два месяца*» [3]. Хотя на последней полосе не были названы члены редколлегии, было очевидно, что перед читателем корпоративное издание не только с новой периодичностью выхода, но с новыми редакционными установками. Мартовский выпуск отличался от предыдущих большим объемом публицистических материалов, проблемно-тематическим единством публикаций, острой актуальностью и полемичностью, социальной прагматикой текстов. Основательно продуманный и тщательно собранный в год тысячелетия крещения Руси, номер прочертил идейно-тематическую перспективу, которой ЛИ остался верен вплоть до последнего выпуска 1993 года. На протяжении пяти последующих лет ЛИ поднимал проблемы народной духовности и культуры, взаимоотношений человека и природы, истории и современности православия, духовного образования и нравственного воспитания в России, русского национального самосознания, русской государственности и народности, исторического взаимодействия русских с другими этносами Сибири.

Особо примечательно, что уже через год после коррекции проблемно-тематического и адресного профиля редакционный коллектив – архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом, иркутские литераторы В. Распутин, В. Сидоренко, А. Байбородин, Р. Филиппов, С. Китайский, В. Козлов, В. Семенова – решил посвятить все шестнадцать полос газеты-альманаха национальной жизни бурят, «*одного из самых могучих <...> сибирских народов*». При этом составитель и ответственный за выпуск А. Байбородин и трудившиеся вместе с ним над подготовкой номера Б. Жигмытов [1], В. Сидоренко, К. Житов, Г. и И. Зиновьевы вполне сознавали, что в одном выпуске «*не объять необъятного, и возможности газеты позволяют лишь прикоснуться, слегка приоткрыть для широкого читателя национальную жизнь*» бурят, лишь обратиться к «*истории,*

вероисповеданию, культурным, семейным традициям, проблемам национального укрепления» бурятского народа.

Интересно, что о сложности тематики и ответственности за освещение глубоких религиозно-философских и историко-социальных проблем национальной жизни бурят редакция говорила в той же равнодушной и самокритичной манере, в которой незадолго до этого объясняла читателю «несовершенство» выпуска о тысячелетии крещения Руси. Сравним приведенный выше текст с цитатой из ЛИ за июнь 1988 года: «...сама попытка в одном номере хотя бы поверхностно обозреть то духовное тысячелетие, которое лежит в основе нашей национальной и общечеловеческой культуры, вряд ли может претендовать на глубину в постижении темы. И все же коснуться ее необходимо».

Значимо, что вопросы возрождения национального самосознания бурят редакция осветила раньше, чем проблемы русского этноса: лишь в апреле 1991 года ЛИ начнет разговор о народности как одном из оплотов русской государственности. Редакция ЛИ доверит составлять и редактировать выпуск «*О русской народности*» А. Байбородину. Вполне вероятно, что такое решение было оправдано читательским успехом номера о бурятах: в июле 1989 года выпуск тиражом в десять тысяч экземпляров стал библиографической редкостью, мгновенно разошелся среди иркутян, жителей других городов России и Русского Зарубежья.

Рассмотрим проблемно-тематическое наполнение интересующего нас выпуска.

На его первой полосе – традиционное для ИЛ обращение к аудитории и цитата из «Гэсэра» как общий эпиграф к публикациям.

На второй полосе, в рубрике «*Буряты: происхождение*», напечатана проблемная статья Д. Д. Нимаева «*Баргу Батор и его сыновья Буядай, Хоредой, Оледой*», посвященная вопросам этногенеза бурят, «*одного из наиболее крупных по численности народов среди коренного населения Сибири*».

Третья и половина четвертой полосы под единой рубрикой «*Буряты: религия*» заняты статьей доктора исторических наук Р. Е. Пубаева «*Буддизм*» об одной «*из трех великих религий Востока*», распространенной «*среди двух народов Сибири – бурятского и тувинского*».

Четвертая полоса, кроме означенного выше материала, включает два лирических стихотворения Баира Дугарова – «*Есть глубокие старцы в улусах...*» и «*О гривастое чудо, мой конь!*» и серию фотографий о памятниках протомонгольской цивилизации – комплексе могильных плит.

На пятой, шестой, седьмой полосах, под рубрикой «*Буряты: культура*», располагается исследование И. А. Манжигеева «*Хурса ухаан – мэргэн бодол (острый ум – меткая мысль). О философии народных речений*», посвященное не только историческим особенностям бытования устойчивых речевых формул и их «*непреходящему значению*», но социальному, гносеологическому, философскому осмыслению «*сущности народного остроумия*». Научный труд И. А. Манжигеева – единственная публикация номера, которая сопровождается биографическими сведениями об авторе и кратким списком его исследований.

Восьмая и девятая полосы продолжают рубрику о вере («*Буряты: религия – шаманизм*») и дают возможность ознакомиться со статьей Т. М. Михайлова «*Песнь Буха-нойона и Будан-царицы*» о бурятском шаманизме – форме религии, особом философском мировоззрении, «*огромном комплексе верований, воззрений и обрядов*», связанном с общественной жизнью, искусством, устным словесным творчеством.

На десятой полосе, под рубрикой «*Буряты: эпос “Гэсэр”*», размещена статья С. Чагдурова «*Гимн человеку, гимн земле*» об искусстве слова, роли поэзии в жизни человека; «*исконной и глубоко народной по сути и духу культуре прошлого*»; эпосе «*Гэсэр*», который «*был и остается самой высокой вершиной*»; бурятских вариантах устных произведений, признанных «*самыми древними и самобытными по форме и содержанию*».

Рубрика «*Буряты: семья*» одиннадцатой полосы знакомит читателя со статьей «*Крепость нации в семье*» кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института общественных наук Бурятского научного центра СО АН СССР К. Б. Басаева. Автор рассуждает о традиционных нормах семейного общежития, «*прочных родственных связях между поколениями и необычайной внутренней сплоченности семьи <...> высоком проценте трехпоколенных семей <...> помощи друг другу родственников второго и даже третьего поколений по боковой линии*».

Проблемный материал старшего научного сотрудника Бурятского филиала НИИ национальных школ Министерства народного образования РСФСР, кандидата филологических наук, члена Союза писателей СССР Ш. Р. Цыденжапова «*Востоковедению – возрождение*» написан к 750-летию «Сокровенного сказания», письменного памятника монгольских народов, и помещен в рубрике «*Буряты: национальные проблемы*» на двенадцатой полосе. Автор ищет причины упадка исследований «*по истории и филологии Центральной*

Азии», рассуждает об истреблении «плеяды одаренных востоковедов» и уничтожении «многих объектов <...> духовного наследия бурятского народа» в эпоху сталинизма, о современных путях «развития бурятской науки, в том числе востоковедения».

Пространство тринадцатой и четырнадцатой полос занимает статья Т. М. Михайлова «Судьба бурятской нации. Poleмические заметки» об историческом «сложении бурятской народности», «территориально-этническом воссоединении» в 20-е годы XX века и последующем искусственном распределении «по трем административно-территориальным единицам, экономически и юридически не связанным между собой» в 1937 году; о послевоенной «раздробленности народа, ущемлении его социальных прав и устремлений», обеднении истории, деформации национального самосознания; об «урбанизации, изменении в социальной структуре и расселении населения» в 60–70-е годы XX века; о «роли и значении Бурятской АССР и ее столицы г. Улан-Удэ в современной жизнедеятельности бурятского народа», «роли и месте двух автономных округов в жизнедеятельности бурятской нации» и национально-культурных проблемах бурят, живущих вне автономий; о «родном языке и двуязычии бурят», об ассимиляции и слиянии с русскими, якутами, тувинцами, казахами; о «наиболее оптимальных мерах по регулированию национально-культурного развития бурят». Вторая часть проблемного материала Т. М. Михайлова соседствует с лирикой Дондока Улзытуева «Русскому брату» и «Предсказание».

Лирика плавно перетекает на пятнадцатую полосу газеты (Намжил Нимбуев «Осень в Еравнинских лесах»), и впервые стихи получают подстрочник с толкованием бурятских лексем, примечаниями к географическим наименованиям. Здесь же, в рубрике «Буряты: письменность», Р. Рыбкин публикует материал «Береги родной язык». По мнению автора, проблема бурятского национального языка искусственна, ее нет, а «есть равнодушные издательские чиновники, закоренелые бюрократы, прокураторы от перестройки». Р. Рыбкин утверждает, что «нет разных бурят по эту или ту сторону Байкала, нет бурят из Баяндая, которые не понимают бурят из Бохана, а есть разные диалектные словечки, фразеологические обороты и языковые конструкции, исторически сложившиеся из-за родовых, географических (топонимических) и бытовых условий и различной хозяйственной деятельности, и есть единый литературный бурятский язык, за основу которого взято хоринское наречие». Начинаящий исследователь эмоционально заключает: «А начать надо – и не останавливаться на полпути! – с повышения националь-

ного самосознания, в частности, глубокого внимания к проблеме изучения родного языка».

На последней полосе – «*“Литературный Иркутск” прощается...*» опубликован некролог о политическом публицисте Владимире Яковлевиче Бегуне и его статья «*Оппоненты и аргументы*», где автор показывает стереотипные приемы лжи, которыми пользуются его оппоненты для производства обвинений и нападок.

Широкое проблемно-тематическое пространство, логичное сочетание текстов разного стиля и разной авторской манеры, полемичность и актуальность материалов сделали номер достойным внимания читателя и конца 80-х годов прошлого века, и конца первого десятилетия нынешнего столетия. Более того, составленный А. Байбородиным выпуск способен вызвать интерес у современного исследователя медиа. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к предваряющему публикации «Слову от редактора». В небольшом тексте находим оценочные фрагменты, которые сегодня принято относить к области медиакритики – критике средств массовой информации, где «основным материалом для анализа, интерпретации и оценки являются опубликованные <...> медиатексты», их содержательные и формальные аспекты, а также «репродуктивное воспроизведение в средствах массовой информации творческих работ <...>, созданных вне медийных организаций» [2, с. 204].

Так, руководствуясь установкой на объективность в освещении этнопроблематики, редактор ЛИ В. Сидоренко поясняет, почему в июльский выпуск включены и тексты, отвечающие взглядам редакционного коллектива альманаха, и материалы, в которых авторские концепции не соответствуют представлениям редакции: «*Статьи, помещенные в этом номере газеты, исследуют национальные проблемы с разных точек зрения, и не со всеми из этих точек зрения редколлегия полностью согласна: в частности, мы не можем вполне согласиться с мыслями, выраженными в статье Т. М. Михайлова, о том, что этнос (нация, народность) может сохраниться без своего родного языка, что ассимиляция не несет “отмирания национальных особенностей”*»; полемично в статье С. Чагдурова (в статье, тем не менее, глубокой, талантливой) противопоставление этноса (достояния простонародья) религии (достояния знати – шаманов, нойонов), служащей для порабощения черни. Это, думается, все же упрощенный, огрубленный взгляд на народную культуру; так же спорна точка зрения Р. Рыбкина, утверждающего, что общественная функция бурятского языка усилилась в связи с переходом бурятской письменности на русскую графику (латинизация графики). Но,

несмотря на некоторое несовпадение точек зрения, мы все же считаем, что все они должны быть высказаны во имя Истины». Точно выверенным профессиональным «поступком» редактор дает урок медийной, научной, речевой толерантности, параллельно продвигая основную идею, отвечающую времени и цементирующую номер, – идею межнациональной толерантности: «<...> важно, чтобы возрожденное национальное самосознание не вылилось в свою крайность, в межнациональные распри, чтобы наднациональная, космополитическая воля не посеяла в бурятском народе антирусских настроений, которые, как известно, имели место в Грузии и Прибалтике».

Многие грани июльского ЛИ 1989 года достойны внимания, с одной стороны, обычного читателя любого времени и любой национальности, с другой стороны, исследователя – этнографа, историка, культуролога, социолога, филолога, теоретика и практика медиа. Так, с научной и образовательно-просветительской позиции перестроечный ЛИ интересен широчайшим спектром насущных, вызывающих полемику тем, связанных с национальной историей, религиозными особенностями этноса, нравственными идеалами и культурными ценностями народа, его языком, словесным и художественным творчеством, достижениями в сфере науки. С идеологической стороны номер ЛИ актуален тем, что он появился в период активизации национального самосознания народов, входивших в состав СССР. В это время необходимо было проговорить голосами национальных литераторов, ученых и публицистов, насколько важно не посеять междоусобную рознь, а «усилить патриотическое и интернациональное воспитание», развить и укрепить «историческую память в народе». С точки зрения медийной теории и практики альманах полезен возможностью добавить нюансы к истории местной печати, детализировать картину региональной этнопроблематики, обогатить представление об отечественной периодике, посвященной национальным вопросам, оценить профессиональные качества редакционного коллектива: способность разбираться в научных проблемах и скрупулезно анализировать источники, стремление быть верными этическим нормам журналистики, желание уважать аудиторию и учить ее критически воспринимать прочитанное, умение сохранять честность и принципиальность в отборе материала, попадающего на газетные полосы.

Список литературы

1. Жигмытов Баяр // Soyol.ru Discover Buryatia: Все о культуре и искусстве Бурятии. URL: <http://soyol.ru/personas/poets-and-writers/386/> (дата обращения: 25.09.2019).
2. Короченский А. П. Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 204–208.
3. Литературный Иркутск. 1989. Июль.

«Освещение цитат из классических источников по истории Буддизма (тиб. chos byung lung rigs sgron me)» Кенсур Агван Нимы (1907–1990) как источник по изучению буддизма в Бурятии

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов Внутренней Азии: исследование, перевод и презентация»)

Статья посвящена изучению истории буддизма в Бурятии на основе уникального сочинения жанра чойжун «Освещение цитат из классических источников по истории Буддизма (тиб. chos byung lung rigs sgron me)». Это сочинение на тибетском языке, написано бурятским ламой Кенсур Агван Нимой и посвящено истории и становлению буддизма в Индии, Тибете, Монголии и России. В статье приведены сведения о дацанах Бурятии, традиции в обучении и количестве монашеской сангхи в дацанах.

Ключевые слова: Агван Нима, чойжун, история буддизма, история Бурятии, бурятские дацаны.

The article is devoted to the study of Buddhism history in Buryatia on the basis of the unique composition of the chos 'byung genre: «Coverage of quotes from classical sources on the history of Buddhism (Tib. Chos byung lung rigs sgron me)». This essay is in Tibetan, written by the Buryat Lama Kensur Agvan Nima and is dedicated to the history and formation of Buddhism in India, Tibet, Mongolia and Russia. It also contains information about the datsans of Buryatia, traditions in training and the number of monastic sangha in Buryat datsans.

Keywords: Agvan Nima, chos 'byung, the history of Buddhism, the history of Buryatia, Buryat datsans.

Кенсур Агван Нима (1907–1990 гг.) – величайший ученый буддийский деятель XX века. Ученик Агван Нимы, Еше Лодой Ринпоче, пишет в предисловии к автобиографии своего учителя: «Он родился в 1907 году поблизости от города Верхнеудинска в местности Даба-тай. В 1914 году Агван Нима вступил в двери Дхармы в общине Шулутуйского (Ацагатского) дацана, где дал обеты “барма рабжуна” (обеты послушника) и “гецула” (средние монашеские обеты). До 9 лет он обучался тибетской и монгольской грамоте, чтению и письму» [2, с. 4]. Затем в 1923 году уехал учиться в Тибет. Проучившись много лет в Лхасе, стал большим ученым ламой. Стал известен как знаток классических писаний. О времени написания исследуемого сочинения Еше Лодой Ринпоче пишет: «Трижды совершал паломничества в Индию, пока по указу Его Святейшества в 1960 году не стал преподавателем в Институте санскрита в городе Варанаси. Он про-

был там 7 лет и за это время написал свой труд “Чойджун Лунриг Донмэ” – “Освещение цитат из классических источников по истории Буддизма”, а также издал в 16 томах собрание биографий более 200 ученых и йогов Индии, Тибета и Монголии вместе с каталогом многих менее значительных мудрецов, тибетских и монгольских ученых. Вышеупомянутый “Чойджун Лунриг Донмэ”, видимо, был первым из его трудов» [2, с. 4]. Агван Нима проделал огромную работу по переизданию величайших сочинений тибетского буддизма. Труды буддийского авторитета вносят весомый вклад в изучение и исследование сложнейших вопросов буддийской философской и комментаторской литературы. Одна из интереснейших его работ «Чойжун лунриг джонме» – уникальный источник по изучению истории буддизма, в том числе и в Бурятии.

Текст входит в шести томное собрание сочинений сумбум (gsung 'bum) автора, изданного в библиотеке Гоман Дацана в 2003 г. Данное сочинение Кенсура Агван Нимы относится к жанру «*чойжун*» – история религии. «По своему содержанию *чойжуны* весьма разнообразны. Такого рода произведения бывают посвящены либо истории Тибета и буддизма в Тибете, либо истории распространения буддизма в Китае в целом, в Индии, в Монголии и т. д., либо, наконец, изложению светской и духовной истории всех или некоторых из народов этих стран вместе» [1, с. 89].

Работа Кенсура Агван Нимы было написано на тибетском языке в 1965 году в Индии. В начале текста по истории буддизма в Тибете упоминается о появлении тибетских лам возле Байкала: «Во время гонения на учение Будды Ландармой (glang dar ma) (Лангдарма совершал гонения на буддизм в Тибете в IX в. н. э.), (в Тибете) на горе Балчен чупо (dpal chen chu po) три гелонга - Мар Шакья (dmar sha kya), Е Гэжун (gyo dge byung) и Зан Равсал (gtsang rab gsal) занимались медитацией. Зная, что цель учения Будды это есть пробуждение или освобождение и чтобы сохранить во что бы то ни стало учение Будды, они спрятали тринадцать манускриптов винаи (chos 'dul ba'I ro ti), карма (karma), шадам (sha tam) и отправились в местность Нгари (mnga ris). Побывав здесь недолгое время монахи направились на западную сторону Байкала. Именно здесь они удостоились внимания со стороны Хаана северного монгольского пространства Борто Чоно Тамчиг Хаан (ta chi ne'I tsha bot ham chig rgyal po), а также его племянника Хурса Мэргэн (hor tsha mer gen) и на протяжении нескольких лет передавали учение, разные посвящения и таким образом достигли высот и сохранили учение Будды. Именно то место, где пребывали монахи, находится на правом берегу озера Байкала

на одном хребте гор имеется даже отпечаток их местонахождения, о чем можно узнать из зарубежного документального архива (phyi rgyal khag gi yig tshang du)» [5, с. 65–66]. Отсюда можно сделать вывод, что, по мнению Агван Нимы, буддизм проник на территорию Бурятии уже в IX веке н. э. Другое упоминание по об этих же тибетских ламах мы находим в конце главы по истории буддизма в Монголии: «Мар (dmar), Е (gyo) и Цанг (gtsang) втроем прибыли из Тибета. Опираясь на генина Шакья Рабсала провели в ретрите два года на правой стороне Байкала. Это известно по архивным данным России. Озеро называющееся «Байгал далай» находится на юге России. В древности в южной и западной части находилось много буддийских храмов, что свидетельствует о могущественных людях проживавших там» [5, с. 270]. Здесь, скорее всего, имеется ввиду, что, когда из Тибета пришли 3 монаха, то буддизм уже был на территории Бурятии. И, следуя этой версии, буддизм проник на берегах Байкала еще до IX века. А поскольку буряты входили в состав Монгольской империи, они могли быть знакомы с буддизмом также как и монголы в период от эпохи хуннов до Чингис-хана.

В сочинении подробно описано насколько широко распространился Буддизм в Бурятии. Здесь автор останавливается на монастырях (mgon), традиции в обучении (yig cha) и количестве монахов (grva pa) в каждом монастыре: «В местности Бурят-Монголия монастырей, если посмотреть, то первоначально это Хамбын Хурэ (mkhan po khure), где учеба сутры и тантры велась в традиции Гоманг (Гоман (sgomang) – один из факультетов монастыря Дрепун основанного учеником Цонхавы Даши Балданом (bkra shis dpal ldan) (1379–1448) в 1416 г.) (sgomang) и численность монахов составляла около двух тысяч. В Цупэльском (tshu pel) дацане где обучались тантре (snags), медицине (sman pa) в традиции Гоманг и численность монахов (gra ba) составляло около тысячи пятьсот. Агинском (dzo ga' la'i ag dgon) дацане учеба велась в традиции Гоман и численность монахов составляло тысячи пятьсот, где также обучались Калачакре и Медицине. В Цугольском (dzo ga' la'i) дацане численность монахов составляло пятьсот, также занимались тантрой. Камниганском (kham nyi kvan) дацанов было пять, где учеба велась в традиции Гоманг и численность монахов в каждом составляло по триста. В Хилгантуйском (khel kvan tha) дацане послушников было восемьсот с лишним, учеба велась в традиции Сэра Жэ (ser byes)(Сера Же (ser byes) – так же как и Гоман дацан один из факультетов монастыря Дрепун) были факультеты тантрический, медицинский и ламрим (lam gim). Галтайском (gal tha) дацане сутра и тантра учеба велась в традиции Гоманг

и численность монахов составляло пятьсот. Цолгинском (mtsho la ga) дацане послушников насчитывалось четыреста. Имелись там два храма по тантре, учеба велась в традиции Гоман. В Атаганском (a tha' ga'ng) дацане послушников было около девятьсот, так же имелись два храма тантры и медицины. В Ара Кусочинском (ark khe si te) дацане послушников было около пятьсот, где учеба сутры и тантры велась в традиции Гоманг. В Янгажинском (yans ya san) дацане послушников было около шестьсот. Обучались там сутре и тантре в традиции Гоманг. В Санагинском (sa sna ga) дацане послушников было около семьсот, где сутра и тантра изучалась в традиции Гоманг. В Сээжынском (se e ci) дацане монахов около пятьсот, где сутра и тантра изучалась в традиции Гоманг. Асинский (a sa) дацан был тантрический (sngags). Там насчитывалось около пятисот практикующих лам. В Шулутском (chu lu'u tha) (Именно из Шулутского монастыря Кенсур Агван Нима ушел учиться в Тибет.) монастыре послушников было около пятьсот, где сутра и тантра изучается в традиции Гоман. А так же имелось там жуд (rgyud) дуган, Калачакра, медицина. В Эгэтуйском (e ke thu) дацане послушников было около семьсот, где сутра и тантра изучается в традиции Гоманг. Там же были жуд дуган, медицина. Самая основная святыня Эгитуйского дацана сандаловая статуя "Зандан Жуу" (gtso bo san dan jo bo rin po che), которая в 1900 году в Пекине в момент мятежа восьми провинции Китая была перемещена сюда, в северную Монголию-Бурятию, и с тех пор считается святыней нашего народа. В Анинском (a na'a) дацане послушников было около семьсот, где сутра и тантра изучалась в традиции Гоманг. Там же изучали и Жудмэд (rgyud smad), Калачакру ('dus 'khor) и медицину. В Кижингинском (khe cing ge) дацане послушников было около шестьсот, где изучались сутра, тантра и медицина. В Чесанском (cha tsha na) дацане монахов было около семьсот, где сутра и тантра изучается в традиции Гоманг и жудмэд. В Аларском (a la ra) дацане монахов было около триста, она больше как тантрический. В Тункинском (thung khung) дацане монахов в обоих верхнем и нижнем было по четыреста лам, где сутра и тантра изучается в традиции Гоманг. Там имелось так же факультет тантры. В Хужирском (kho shog tha) дацане послушников было около шестьсот, где изучается сутра и тантра и медицина, традиция Гоманг. В Джидинском (dzi thi) дацане послушников было около пятьсот, где сутра и тантра изучается в традиции Гоманг» [5, с. 278–280]. Итого здесь перечислены 23 дацана. Далее автор пишет, что «все дацаны не может вспомнить и в общем в Бурятии насчитывалось сорок девять дацанов и почти в каждом из них имелось по Дуйнхор

(dus 'khor) дуган, Гунриг (kun rig), Астрологии (rtsis), ламрим (lam rim)» [5, с. 280]. Исходя из текста можно сделать вывод, что в монастырях Бурятии занимались астрологией, медициной, тантрой и сутрой. А обучение происходило в основном в традиции Гоман дацана. Лишь в одном Хилгантуйском дацане обучались в традиции Сераже. Здесь стоит отметить, что тибетское слово dgon мы перевели как дацан, а не монастырь, поскольку в Бурятии устоялось название дацан. В действительности дацаном в Тибете называют факультеты больших монастырей. Например, Гоман дацан монастыря Дрепун.

Во всех дацанах Бурятии было большое количество послушников, это говорит о широком распространении буддизма среди большинства жителей Бурятии, Иркутской области и Агинского округа до тридцатых годов XX века. Про важность количества монашеской сангхи крупный исследователь монгольского буддизма Позднеев пишет: «Проф. Васильев в своем сочинении «Религии Востока» говорит, что, по «понятиям буддистов, чем больше считается у них лам, тем больше почитается у них процветающей религия», и это совершенно справедливо. Такой взгляд был, очевидно, усвоен халхасцами с самого первого времени и за сим развивался тем более, чем дальше находились халхасы под влиянием ламства» [3, с. X]. О введении специального ритуала в Гоман дацане для увеличения количества монашеской сангхи Кенсур Агван Нимой говорится в интервью, который дал его ученик Гелег Ринпоче: «Кенсур Ринпоче учредил проведение особых пудж (Обряд поклонения) Черного махакалы – Гонпо Дрибсел, которая проводится ежегодно и Гонпо Пунцог – его проводя раз в два года. Кенсур Агван Нима ввел этот обычай с Триджангом ринпоче (Учитель Далай ламы XIV). Было установлено, что эти ритуалы будут способствовать «пополнению» сангхи монастыря, а чем больше монахов, тем больше тех, кто изучает и практикует дхарму. И вот с того, момента как ген (Ген. (генла) – уважительное отношение к учителям) Агван Нима учредил этот обычай, обширный ритуал Махакалы ежегодно проходится в нашем монастыре» [<https://www.youtube.com/watch?v=TEaajB3PwKg>]. По поводу количества членов монашеской сангхи один из немногих бурятов, кто встречался с самим Кенсуром Агван Нимой, эмчи лама Чимит Доржи пишет, что Агван Нима говорил, что «когда в дацане 100–200 послушников, они толком не учатся, а когда больше 400, тогда начинают хорошо учиться. Сейчас их более 2000 лам и хуvaraков (в Гоман дацане)» (Жимба хамба, 2008, с 83). Если следовать этой теории, поскольку практически во всех дацанах Бурятии было по 500 и более учеников, значит, учеба происходила более чем хорошо. И

можем заключить из этого, что буддизм был распространен очень широко на территории Бурятии в дореволюционное время.

Список литературы

1. Востриков А. М. Тибетская историческая литература. М. : Изд-во вост. лит., 1962. 425с.
2. Кенсур Агван Нима. Переправа через реку сансары. Автобиография. Улан-Удэ : Центральное духовное управление буддистов РФ, 1996. 41 с.
3. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринт. Элиста : Калмык. кн. изд-во 1993.-512с.
4. Цырендашиев Д.-Н., Ким Д. Жимба Хамба. Ага : Агын Үнэн, 2008. 138 с.
5. Ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa tje btsun ngag dbang nyi ma'I gsung 'bum bzhugs so. Тома (ka ga) Deli: DREPUNG GOMANG LIBRARY, MUNDGOD. 2003. 710p. (на тибетском языке)
6. Гелег Ринпоче. Воспоминания об Агван Ниме [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TEaajB3PwKg>

УДК 07(091)

«Красная Тофалария»

А. П. Шинкарева

Россия, Иркутск

Сочетание традиционной культуры тофов и нового советского уклада жизни в отражении газеты «Красная Тофалария» / «Кызыл Тофа» (1936–1950 гг.)

В статье рассматриваются процессы социализации образа жизни тофов, малочисленного народа юго-запада Восточной Сибири. Создание Тофаларского национального района Иркутской области, издание районной газеты «Красная Тофалария» (1936–1950). Анализируются тематика и контент газеты, отражение на ее страницах общих для СССР тенденций экономической и социально-политической жизни и особенности Тофаларии, массовая работа газеты с читателями, с рабоче-крестьянскими корреспондентами, участие тофов в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Тофы, национальные особенности, социализация, газета «Красная Тофалария»/ «Кызыл тофа» 1936–1950 гг.

The article discusses the processes of socialization of lifestyle of tofs, small people of south-west of Eastern Siberia. Creation of the Tofalar National District of the Irkutsk Region, publication of the district newspaper "Krasnaya Tofalaria" (1936–1950). The topics and content of the newspaper, the reflection on its pages of trends of economic and socio-political life common to the USSR and the peculiarities of Tofalaria, mass work of the newspaper with readers, with worker-peasant correspondents, participation of toffs in the Great Patriotic War are analyzed.

Keywords: Tofa, national features, socialization, newspaper "Krasnaya Tofalaria"/"Kyzyl Tofa" 1936–1950

В юго-западной части Иркутской области, в горах Восточного Саяна расположена Тофалария, родина одного из самых малочисленных коренных тюркоязычных народов Сибири. Подданными русского царя, платящими ясак соболями, они стали с 1648 г., когда в низовьях на реке Уде поставлен Удинский острог, Нижнеудинск. До революции этот во многом этнически уникальный народ назывался карагасами, принято считать, что по одному из родовых наименований, «черный гусь». В Советской России официальным названием стало тофалары или тофы, образованное от самоназвания «тофа».

Охотники и оленеводы, уникальные следопыты, со второй половины 1920-х годов от полукочевого образа жизни достаточно быстро перешли к непривычному ранее коллективному, к артельной, колхозной жизни.

В номере газеты «Кызыл Тофа» за 9 января 1947 г. даются сведения из истории Тофаларии». «В 1648 г. на реке Уде русскими был основан Удинский острог (нынешний Нижнеудинск), а в 1727 году на месте, где сейчас стоит Алыгджер, был учрежден казачий кордон. ... Ежегодно под Нижнеудинском собирался зимний суглан...»

Авторы публикации, сопоставляя «темное прошлое» и «социалистическое сегодня», отмечали: «Тофалары не имели представления о школе, больнице и вообще ничего не знали, кроме тайги. В первые годы советской власти были построены дома почти для всех колхозников, кроме того, построены школа и интернат, клуб, больница, кооперация. ... За годы сталинских пятилеток Алыгджер стал хорошо благоустроенным райцентром. Построено более 50 жилых домов, появились улицы. Имеются библиотека, детский дом, радиостанция. В квартирах рабочих и служащих установлено 130 радиоточек, выписываются десятки периодических изданий – газет и журналов. Газета, радио стали первой необходимостью населения. ... Благодаря ленинско-сталинской национальной политике, благодаря огромной заботе партии и правительства тофаларская народность стала равноправной в большой семье советского народа и вновь возрождена к жизни» [5, с. 2].

Так появились села Алыгджер, Верхняя Гутара и Нерха. Сформировано административное устройство, созданы национальные и поселковые советы. С 1939 по 1950 г. существовал Тофаларский национальный район с центром в селе Алыгджер в составе Иркутской области. Кроме тофаларских сел, район включал поселки рабочих золотодобывающих приисков в верховьях Бирюсы, а также Саянский заповедник. После очередной реорганизации Тофалария во-

шла в состав Нижнеудинского района Иркутской области, с администрацией сельских советов Алыгджера и Верхней Гутары.

Это административное объединение соответствовало давним естественно сложившимся связям. В. Г. Распутин когда-то горную Тофаларию назвал поэтично краем возле самого неба – и до сих пор сюда можно добраться только авиацией, еще зимником по замерзшей реке Уде. В советское время было налажено регулярное авиационное сообщение, из аэропорта Нижнеудинска в Алыгджер летали вертолеты и маленькие самолеты Ан-2, доставлявшие почту, грузы и пассажиров, ставшие такими же привычными транспортными средствами для тофов, как и олени.

Зимняя река издавна служила основным транспортным путем, связывающим села Тофаларии и Нижнеудинск. Это отражалось и в публикациях газеты «Красная Тофалария». К примеру, 26 декабря 1946 г. газета сообщала: «18 ноября вышел первый обоз по реке Уде с Алыгджера до г. Нижнеудинска. В первый рейс пошли 22 подводы. Обоз с продуктами и материалами первой необходимости вернется обратно в первых числах января». По этим сухим строкам можно лишь приблизительно представить, насколько непростым и длительным был этот санный путь туда и обратно.

В рассматриваемые годы население составляло около 450 человек.

В истории сибирской советской журналистики «Красная Тофалария» / «Кызыл Тофа» представляет несомненный интерес. Газета ранее не исследовалась, полных комплектов издания за все годы не сохранилось. В соответствии с административными изменениями в регионе в подзаголовке в выходных данных указывалось разная принадлежность газеты. В 1936–1937 гг. – орган РК ВКП(б) и Нацсовета Тофаларского района Восточно-Сибирского края. После реорганизации и образования отдельной Иркутской области осенью 1937 г. – орган РК ВКП(б) и оргкомитета Иркутского облисполкома по Тофаларскому району, и с 1940 г. – орган Тофаларского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Иркутской области.

Газета выходила с 1 января 1936 по 1950 г., раз в неделю, на две страницы, тираж 400–480 экземпляров. Редакция и собственная типография газеты располагались в районном центре, селе Алыгджер. Бывали периоды и двухразовой периодичности в неделю, например при подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в январе 1946 г. Областная научная библиотека имени И.И.Молчанова-Сибирского позволяет ознакомиться с газетой удаленно. В электронной краеведческой библиотеке Иркутской области «Хроники Приангарья» представлены номера за 1944–1949 гг.» [6]. О некоторых публикациях

предыдущих годов выхода «Красной Тофаларии» можно узнать по материалам газеты «Восточно-Сибирская правда» (далее «ВСП») из рубрики «Обзор печати», где анализировались успехи и недостатки районных газет Иркутской области в выполнении планов и постановлений партии и правительства, в достижении успехов социалистического строительства и работы с читателями. Краткие информационные заметки о событиях в городах и селах области давались и под рубрикой «По страницам газет». «Красная Тофалария» цитировалась неоднократно, выбирались наиболее яркие события. Например, «ВСП», 19 июля 1940 г. в № 165 отмечала, что «в школах Тофаларии в этом учебном году обучалось 507 школьников... Раньше в Тофаларии школ не было совершенно» («Красная Тофалария», с. Алыгджер). Через несколько дней, в № 169 от 24 июля, областная газета опять дает информацию из районной газеты: «В Тофаларии приступает к работе землеустроительная экспедиция в составе 15 специалистов. Экспедиция проведет землеустройство района, выявит земельные фонды и ресурсы района, а также произведет выбор и планировку хозяйственных центров колхозов». («Красная Тофалария»)

Интересная информация из Тофаларии, значимая для широкого круга читателей «ВСП» также представлена в рубрике «По страницам газет» 1 февраля 1941 г. в №26: «530 килограммов оленьего масла в истекшем году получил колхоз «Красный охотник» Тофаларского района». Большой смысл несут в себе и следующие краткие строки «ВСП» из № 63 от 16 марта этого же 1941 года: «Между Иркутском и Алыгджером установлена радиотелефонная связь». Подобные информационные заметки, печатаемые со ссылкой на районную газету (в данном случае «Красная Тофалария», с. Алыгджер) в рубрике «По страницам газет», знакомят аудиторию областной газеты с наиболее важными для развития района событиями или характерными особенностями общественной жизни, зримо и ярко отражая процессы социализации тофов.

Номера газеты «Красная Тофалария» / «Кызыл тофа» с 1936 года имеются в Российской государственной библиотеке в Москве.

В День печати 5 мая 1945 года газета «Красная Тофалария» отметила свой 10-летний юбилей публикацией поздравлений и краткими итогами прошедших лет. Заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) отмечал в праздничной статье: «Появление газеты – важное событие для трудящихся Тофаларии. С ее именем связана большая работа по перестройке экономики района, организационному укреплению колхозов, упрочению оседлой жизни бывших кочевников. Газета провела колоссальную борьбу с пережитками

старого в быту тофов, за повышение их идейного и культурного уровня, за поднятие грамотности коренного населения и привитие ему навыков социалистического общежития.

Во время войны газета «Красная Тофалария» систематически разъясняла великие цели Отечественной войны, воспитывала у трудящихся любовь к Родине и Красной армии, жгучую ненависть к врагам; на конкретных примерах звала трудящихся на выполнение сталинских указаний победы, мобилизовала их на улучшение работы колхозов, предприятий, учреждений, на оказание всемерной помощи фронту.

Действенность и авторитет газеты росли из года в год. Освещая вопросы соцсоревнования, хозяйственной и партийной жизни, популяризируя примеры трудовой доблести, внедрение передовых методов труда – газета оказывает большую помощь райкому ВКП(б) и райисполкому в выполнении задач, стоящих перед районном. Строя свою работу в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б), редакция газеты добилась широкого освещения жизни района, изжила ненужные перепечатки, расширила рабселькоровский актив. Только за последний год в редакцию поступило более 500 корреспонденций, большинство их помещено в газете, по 43 письмам, без их опубликования, приняты необходимые меры» [4, с. 2].

Газете быть интересной и эффективной помогали ее читатели, с ней сотрудничали более сорока штатных корреспондентов, автор статьи называет своих наиболее активных рабселькоров, среди них доярка, зоотехники, охотник, избач (т.е. библиотекарь), воспитатель детского сада, приисковые рабочие, бывшие фронтовики.

«Красная Тофалария» / «Кызыл Тофа» непросто завоевывала свои позиции. Газета появилась как новое бытовое и общественно-политическое явление, ориентируясь на прежде неграмотную аудиторию потенциальных читателей из народа, никогда прежде не имевшего письменности и школ.

Иркутская областная партийная газета «Восточно-Сибирская правда» в своих обзорах местной печати довоенных лет указывала на недостаточную связь отдельных газет с жизнью своего района, недостатки в организации массовой работы, в неумении привлекать на свои страницы местных авторов. Подобной критике главным областным партийным органом наряду с другими изданиями подвергалась и газета «Красная Тофалария». Например, в обзоре печати «Выдержать политический экзамен» в 1939 г. («ВСП», 17 ноября 1939, № 262) газета отмечала, что за прошедшие три месяца после издания нового избирательного закона – Положения о выборах в

местные Советы депутатов трудящихся отдельные редакции районных газет не «сумели дать никаких откликов трудящихся на это величайшее политическое мероприятие». И вышедший Указ Президиума Верховного Совета о начале избирательной кампании в местные советы застал редакции врасплох. Среди подобных редакций шести районных газет Иркутской области «ВСП» называет и газету «Красная Тофалария» (редактор тов. Изерский).

Подвергается критике партийного органа тофаларская газета наряду с другими и в обзоре «Печать Иркутской области» 5 мая 1940 г. После анализа лучших газет области заведующий сектором печати обкома ВКП(б) отмечает: «К сожалению, у нас есть и такие газеты, которые не справляются со своими обязанностями. Выходят они регулярно, в обычном формате и тираже, но беда в том, что от них читатели не получают должной политической зарядки. Полнокровная, яркая, разнообразная жизнь и работа района не находит на страницах своей газеты по существу никакого отражения.

Возьмите Нижнеудинскую районную газету «Путь Ильича» (редактор тов. Мариниченко). Из газеты вы ничего не узнаете об этом интересном большом районе, имеющим самую разнообразную экономику. Газета живет какой-то замкнутой жизнью. Она не умеет привлекать на свои страницы местных авторов. С рабселькорами эта газета не работает. Примерно на таком же невысоком уровне остаются газеты Слюдянская «Ленинское знамя», Тангуйская «Знамя Сталина», «Илимский партизан – Нижнеилимского района, Братская – «Знамя коммунизма», «Красная Тофалария» – Тофаларского района и другие. Читая эти газеты, встретите массу отдельных казусных случаев, обнаружите поразительное равнодушие редакторов к своей продукции – опечаткам, оговоркам, ошибкам и просто безграмотности»... [1, с. 3]

Мы приводим пространную цитату для понимания общей картины развития районной печати, включенной в общегосударственные задачи организации, агитации и пропаганды предвоенного периода, находящейся под строгим контролем партийных органов. Видны и объективные причины недоработки редакций, существующие в данное время: штатные газетные кадры – это, по сути, в большинстве бывшие рабселькоры, без должного образования.

Редакция газеты «Красная Тофалария» прислушивалась к замечаниям и старалась исправлять недоработки. Это мы видим и по дальнейшим материалам в «Восточно-Сибирской правде». Иногда в виде публикаций в областной газете корреспонденций сотрудников тофаларской газеты о конкретных формах массовой работы и повы-

шении «политических знаний партийным и беспартийным активом Тофаларского района» («ВСП», 16 октября 1942, № 246).

«Красная Тофалария», ее сотрудники с годами набирались опыта, показателем уровня эффективности материалов газеты можно назвать отчет в «ВСП» о втором областном совещании рабселькоров, проходившем в Иркутске зимой 1944 года.

«С интересом прослушали участники совещания выступление редактора тофаларской газеты тов. Перминовой.

– «Красная Тофалария», – говорит она, – только сейчас стала подлинно местной газетой. Мы стали поднимать вопросы быта, имеющие у нас особо важное значение, стали пропагандировать высадку овощей, бороться за тщательную подготовку к выходу охотников на промысел. И газету стали с интересом читать и русские, и тофы». («ВСП», 8 февраля 1944, № 27)

Успешная работа редакции газеты с массами показана и в представленной ранее статье праздничного выпуска газеты к своему 10-летию 5 мая 1945 г.: «Упрочению связи с авторами способствовало проведение в истекшем году 10 рабселькоровских рейдов, собрания с читателями и рабселькорами. На места было послано около 300 инструктивных писем начинающим корреспондентам.

Газета любовно поддерживает связь трудящихся района с фронтовиками. На ее страницах за последние 10 месяцев опубликовано более 40 писем с фронта и на фронт, в том числе от земляков-воинов.

С помощью редакции газеты в районе выпускается 24 стенгазеты. Лучшими из них являются «Вперед» (колхоз «Кызыл Тофа») и «Бирюсинский горняк» (участок Сергеевский). Благодаря дружной и четкой работе коллектива редакции и типографии, добросовестного отношения к порученному делу со стороны редакторов, районная газета справилась с возложенными на нее обязанностями в военное время.

Дальнейшая задача газеты – закрепить достигнутое, добиться улучшения связи с читателями, рабселькорами, редколлегиями стенгазет, полнее и глубже освещать основные отрасли хозяйства района – оленеводство, охотпромыслы и золотодобычу, ввести раздел «трибуна стахановского опыта», систематически публиковать материалы о ходе сева, смелее критиковать недостатки в партийно-политической и хозяйственной работе, больше уделять внимания вопросу поднятия материального и культурного уровня коренного населения» [4, с. 2].

Последний год существования газеты «Красная Тофалария» отражен с очередным обзором печати «Восточно-Сибирской правды» (28 мая 1950 г., №106) «Лицо района в газете». После значительной

порции критики в адрес некоторых районных газет, «ВСП» пишет: «По другому строит свою работу редакция газеты «Красная Тофалария». Ее корреспонденции конкретны, взяты из жизни района.

Большое место в газете уделяется организации и подготовке к промысловому сезону. Редакция дает ценные советы труженикам тайги, отправляющимся в путь за добычей пушнины.

Газета показывает трудовые дела охотников, оленеводов, развертывание социалистического соревнования, партийно-политическую работу среди населения. Учитывая специфику района, редакция помещает материалы о подготовке кадров охотников, об оленеводстве, борьбе с хищниками и охране оленьих стад. Она находит место и для таких статей, как «Возникновение и сущность шаманства», «Вера в духов – пережиток дикости», «От суеверий к науке». Интересны информации «Вести из тайги», печатающиеся в сезон охотничьего промысла. На страницах газеты отражаются и вопросы истории Тофаларии, прошлого и настоящего этого маленького народа, возрожденного советской властью» [3, с. 3].

Материалы в газете «Красная Тофалария» отражают текущие моменты, давая актуальные материалы, отражающие происходящие события и конечно, сезонность. В зимний промысловый период обязательны такие заметки, например: «Охотники колхоза «Кызыл Тофа» еще на 1-е декабря выполнили годовой производственный план по добыче пушнины на 126, а план 4 квартала – на 200 процентов». (1946, № 47, 26 декабря).

С наступлением весны «Красная Тофалария» больше места уделяет вопросам оленеводческого хозяйства, сохранению молодняка оленей, оленеводству в новых условиях, овощеводству.

Много материалов в газете отражают жизнь школы, детского дома, детского сада и яслей. Постоянно присутствуют темы физкультуры и спорта, организации досуга в клубах, библиотеках, праздники в школах и детсадах.

В военные годы газета «Красная Тофалария», отражала вклад жителей района, как и всей страны, в приближении победы над врагом. Рубрики и заголовки разные: «На фронтах Отечественной войны», «Будем бороться за первенство», «Работать нужно еще упорнее», «Ускорить внесение средств по подписке», «Подарки детям фронтовиков»... Заметки о перевыполнении заданий, о самоотверженной работе, помощи фронту. Показатели потрясающие. «За первые три года войны Тофалария выделила на оборону более 1 млн. руб., тысячи теплых вещей, десятки тонн продуктов питания, собрала средства на танковую колонну и эскадрилью «Красная Тофала-

рия», подарила госпиталю 6 оленей. Пионеры собрали деньги на пионерский танк» [2, с. 237]

Газета «Красная Тофалария» / «Кызыл Тофа» издавалась на русском языке. С 1989 г. в Тофаларии начали возрождать родной язык и стали преподавать его в детских садах и школах, напечатали букварь и учебники для 2-го и 3-го классов.

Список литературы

1. Бабкин В. Печать Иркутской области // Вост.-Сиб. правда. 1940. 5 мая, № 102.
2. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк / отв. ред. В. В.Свинин. Иркутск, 1994. – 304 с.
3. Обзор печати. Лицо района в газете // Вост.-Сиб. правда. 1950. № 106, 28 мая.
4. Пудин М. Десять лет на боевом посту // Красная Тофалария. 1945. 5 мая, № 18.
5. Унгуштаев И., Саянский В. Из истории Тофаларии // Красная Тофалария. 1947. 9 февр., №2.
6. Хроники Приангарья: электронная краеведческая библиотека Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <http://i.irklib.ru> (дата обращения 30.09.2019)

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

УДК 398.22

Б. Д. Балдандоржина

Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологийн аргануудыг литературын хэшээлнүүдтэ хэрэглэлгэ

*Намда хэлэ – би мартахаб.
Намда харуула – би хадухаб.
Намагэ хабаадуула – би нурахаб.
Конфуций*

Нээрээшье, хэрэгтэй мэдээсэлээ өөрөө оложо, мэдээд абахадаа, бидэ найнаар ойлгожо, мэдэжэ абадагбди. Яагаад хэшээлээ бүри һонирхолтой болгохобиб? Хэшээлдээ үхибүүдые дуратай болгохобиб? Яагаад хэшээлдээ үхибүүн бүхэндэ амжалтатай байдал (ситуаци) байгуулхабиб? – гэхэн асуудалнууд мүнөө багша бүхэнэй толгойдо ороно. Үхибүүд хэшээлдээ хайн дураараа, зохёон байгуулан, дээдэ хэмжээндэ амжалтатай предметээ ойлгожо абаһай гэжэ мүнөөнэй багша бүхэн хүсэнэ.

Минии багшалхы ажал ябуулгада энэ гол асуудалнууд бүри һонирхолтой, үржэлтэй һуралсалай технологи бэдэрэлгэдэ шэглүүлэ. Би шүүмжэлхы ухаан бодолой технологи шэлэжэ абаһан байнаб.

Мүнөө үсын һурагша ганса мэдэсэ абаха бэшэ, харин шадабария бодото хэрэг дээрэ хэрэглэхэ, ондоо шэнэ оршон байдалда (нестандартный) зүгөө алдахагүй (ориентироваться) ёһотой. Литературын хэшээлдэ һурагша текст дээрэ хүдэлжэ шадаха ёһотой, харин тиихын түлөө шухала асуудалнуудыг бодолгодо творческо хандаса, асуудалнуудыг һураха, мэдээсэл согсолхо (обобщать) шадабари хэрэгтэй.

Яагаад литературада үхибүүдэй хонирхол татуулхаб? Юун гээшэб шүүмжэлхы ухаан бодолой технологи?

Шүүмжэлхы ухаан бодолой технологи гээшэ хүнэй творческо ухаан бодолой ажал ябуулгын түхэлэй нэгэн, дээдэ шатада хадуун абажа, ойлгожо абадагаараа онсо илгардаг (характеризует).

Ухаан бодол хүгжөөхэ гээшэ бодомжолхо шадабари хүгжөөхэ болоно. Шүүмжэлхы ухаан бодолой технологи хадаа шэнэ онол аргуудай нэгэн, үхибүүдэй ухаан бодолой ажал ябуулгын эмхидэлгэдэ зүбтэй (позитивная), үрэтэй дүн туйлахадань туһална.

Технологийн бии бололго ба дэлгэрүүлгэ. XX зуун жэлэй эхээр Америкэдэ энэ технологи бэлэдхэгдээ. Авторнуудын хэд бэ гэбэл, Стил, Мередит, Темпл, Уолтер. Эдэ «За демократическое образование» гэхэн консорциумай гэшүүд болоно. 1996 онһоо энэ технологи «Открытое общество», Уласхоорондын уншагшадай Ассоциаци ба Гуманнистическа педагогикын Консорциумтай хамта дэлгэрүүлэгдэжэ, олон гүрэнүүдэй хургуулинуудаар туршалга гараа. Россиин педагогическа практикада энэ технологи 1997 онһоо хэрэглэгдэнэ.

Шүүмжэлхы ухаан бодолой технологи хайшаашье тэгшэ (универсальная), нэбтэрэн ородог (проникающая), «надпредметнэ» технологи болоно. Энэ технологи эрхим тодо байгуулгатай, хүгжөөлгын ба хүмүүжүүлгын зорилгонуудтай.

Технологийн онсо илгаа (особенность). Шүүмжэлхы ухаан бодол гээшэ бээе даанхай ухаан бодол, асуудал табилгаһаа эхилээд, тэрэнээ бодохо болоно. Энэ бодол хадаа сэгнэлгын, бодолгото боллогын ухаан бодол гэхэн удхатай.

Шүүмжэлхы ухаан бодол – творческо ухаан бодол хүгжөөлгын эхин (отправная точка). Шүүмжэлхы ба творческо ухаан бодол нэгэдэн, харилсан хүгжэдэг.

Энэ технологи:

– хурагшые хонирхуулха;

– шэнжэлхы, творческо эдэбхи (активность) һэргээхэ;

– байһан мэдэсыень үйлэдүүлхэ (задействовать);

гэхэн шэглэлтэй. Һүүлээрнэ шэнэ материал ойлголгын байдал дэбжүүлхэ (представить), тиигээд эсэстэнь абahan мэдэсээ согсолхонь ба болгожо болбосоруулхадань (переработать) туһалха.

Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологийн теоретическэ үзэл хараа (аспект). Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологи Һүүлэй 20-ёод жэлэй туршада 29 гүрэнүүдээр хуралсалай эмхинүүдээр үргэнөөр тараһан байна.

Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын методико **3 шатаа**аа бүридэнэ:

1. Дуудалга (вызов)
2. Удха ойлголго (осмысление)
3. Рефлекси

1-дэхи шата – **Дуудалга**. Дуудалга шата хэшээл бүхэндэ заабол байха ёһотой. Энэ шата иимэ аргуудыг үгэнэ (позволяет).

– хурагшын тус темээр байһан мэдэсын үндэнэ баримталха (актуализировать) ба согсолхо;

– үзэжэ байһан темэдэ тогтууритай һонирхол түрүүлхэ, һуралсалдань үндэнэлхэ (мотивировать);

– харюу абахаа һанаһан асуудалнуудаа найруулан хэлэхэ;

– хэшээлдэ ба гэртэ эдэбхитэй ажаллахыень идхаха, баадхаха;

Түрүүшын шатада абаһан мэдээсэл шагнагдана, бэшэгдэнэ, хэлэгдэнэ. Энэ ажал аминдаа, хоёроор, бүлэгөөр хэгдэжэ болоно.

Түрүүшын шатада иимэ аргуудыг хэрэглэхыетнай дурадханаб:

«Ухаанай добтолго» («Мозговая атака»)

«Ухаанай эрид добтолго» («Мозговой штурм»)

«Гол үгэнүүд» («Ключевые слова»)

«Кластер»

«Уридшалан мэдэдэг модон» («Древо предсказаний»)

«Таанад үнэншэнэ гүт?» («Верите ли вы, что»)

«Мэдэнэб – мэдэхэ һананаб – мэдээб» («Знаю – хочу узнать – узнал»)

«Туулмагтай идеянууд (үзэл суртаалууд)» («Корзина идей»)

5-дахи класста «Харуу ябадал – муугай эхин» гэхэн темээр хэшиээл гарахадаа, нэгэдэхи шатада «Ухаанай добтолго» («Мозговая атака») гэхэн арга хэрэглээб. Хэшиээлэй эхиндэ Саян Жамбаловой «Хун шубуун» гэхэн дуун зэдэлнэ, хун шубуудтай видео табигдана. Хараһанайнь, шагнаһанайнь һүүлээр иимэ асуудалнууд табигдана.

– Юун тухай дуун бэ?

– Энэ видео дээрэ ямар шубууд бэ?

– Хун шубуудыг хаража үзөө һэн гүт?

– Танай һанамжаар энэ дуун, видео манай буряад арадта ямар удха шанартай? Ямар хабаатай?

Үзэхэ темэдэ тогтууритай һонирхол татуулжа, хун шубуунай образ тухай хөөрөлдөө эмхидхэнэб.

● *Литературадашые, искусстводошые хун шубуунай образ дайралдана.*

● *«Хун шубуун» гэжэ Ц. Ж. Жимбиевэй роман байха.*

• *Майн эхээр хун шубуунай угтамжа тэмдэглэдэг болоhon гээшэ. Үндэһэн соёлдомнай нэбтэрэн ороһон образ гээшэ гэжэ тэмдэглэнэб.*

2-дохи шата – Удха ойлголго (осмысление). Эндэ иимэ зорилгонуудтай:

- шэнэ мэдээсэл абаха;
- тэрэнэйнгээ удха ойлгохо;
- байһан мэдэсэтгээ тэнсууриень олохо (соотнести);
- түрүүшын шатада табигдаһан асуудалнуудта харюунууды олохо;

Шэнэ мэдээсэлтэй сэхэ (непосредств) холбоо барисаа байгуулха (текст, фильм, материал параграфа), ажал аминдаа гү, али хоёр хоёроор гү үнгэргэгдэнэ.

«Тогтолтонуудтай уншалга» («Чтение с остановками»)

«Инсерт»

«Кластер»

«Бэе бэеһээ һуралга» («Взаимоопрос»)

«Ута, богони асуудалнууд» («Толстые и тонкие вопросы»)

«Үолонго» («Радуга»)

«Ассоциаци» («Ассоциации»)

«Ролевая игра» (Ролёор наадалга)

«Мэдэнэб – мэдэхээ һананаб – мэдээб» («Знаю – хочу узнать – узнал») гэһэн аргууды удха ойлголгын шатада хэрэглэхыетнай зууршалнаб.

«Алтан үдэтэ хун шубуун» гэһэн онтохон уншахадаа, 2-дохи удха ойлголгын шатада «Тогтолтонуудтай уншалга» гэһэн арга хэрэглэһэн байнаб. Текстээ уншахадаа, удхаарнь 3 хубида хубаанаб, тон һонирхолтой газарнуудтань тогтожо, асуудалнууды һуранаб.

– *Һамга басагадайнгаа зарасанар болоод ябахадань, алтан үдэтэ хун шубуун ишгэжэ бодобо. Юун гэжэ, яаха гэжэ бодооб? Таанад юун гэжэ һананат?*

– *Бодисадын һамганишинь, басагадын тэдэ алтан үдэнүүдынь худалдан, ядаха дутахы мэдэнгүй һуутараа, нэгэтэ эхэнь басагдтаа ишгэжэ хэлэбэ. Юун гэжэ хэлээ хаб? Таанадай һанамжа.*

– *Тэрэ алтан үдэнүүдээрээ юу саашань хээ хаб? Юун болоо гэжэ һананат?*

Үхибүүд саашань өөһэдөө зохёоно, харюусана. Һүүлээрнь би эхэ зохёолойнгоо харюу уншанаб. Энэ ажал хэхэдээ, үхибүүд хоёроор гү, али бүлэгөөр хүдэлнэ. Олоной урда гаража харюусахадаа ядалсадаг һурагшадта параар, бүлэгөөр хүдэлхэдэ хүнгэн болоно.

3-дахи шата – Рефлекс. Гол шухала зорилгонууд:

– дүүрэнээр (бүрин бүтэнөөр) удха ойлголго, абаһан мэдээсэлээ согсололго;

– һурагшын шэнэ мэдэсэ, шэнэ мэдээсэл олголго (присвоение);

– һурагша бүхэндэ үзэжэ байһан материалдаа өөрын хандаса бүридүүлгэ (формирование);

Рефлекси гэхэн шатада иимэ аргууды хэрэглэхыетнай зууршалнаб:

«Письмо по кругу» («Дүхэригөөр бэшэг»)

«Синквейн»

«Эссе»

«Фантастическая добавка»

«Ключевые слова»

«Перепутанные логические цепочки»

«Групповая дискуссия»

«Уридшалан мэдэдэг модон» («Древо предсказаний»)

«Мэдэнэб – мэдэхээ һананаб – мэдээб» («Знаю – хочу узнать – узнал»)

«Ута ба богони асуудалнууд» («Толстые и тонкие вопросы»)

Хэишээлэйнгээ 3-даху шатада «Дүхэригөөр бэшэг» гэхэн арга хэрэглээб. Эндэ 3 бүлэг дүхэригөөр һууна.

Хэрбээ Буддын шажанай ламанар хомхой шунахай сэдхэхыле, үлүү харалгы буруушаахаа болёод, булта хомхой хобдог сэдхэлтэй байхада болохо юм гэжэ заажэ эхилээ һаань, бидэ ямар байха һэм-бибди? – гэхэн асуудалда хүн бүхэн нэгэ мэдүүлэлээр харюусаад, хажуудахыдаа үгэнэ. Дэбтэрнай тойрон эзэндээ бусаха ёһотой. «Харуу ябадал – муугай эхин» гэхэн темээ хэишээлэй һүүлдэ үхибүүд гаргана.

Рефлексиин үедэ шүүмжэлэл, творческо болбосоруулга, үзэһэн мэдээсэлээ өөрын болгон бэлүүлэгдэнэ. Аминдаа, хоёр хоёроор, бүлэгөөр ажал ябуулагдана.

Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологи хэрэглэн хэсээлээ үнгэргэхэдэм

– зохёолойнгоо удхаар һонирхоно;

– зохёолойнгоо удха гүнзэгыгөөр, дүүрэнээр ойлгоно;

– творческо арга шадал (потенциал) хүгжөөнэ;

– Буддын шажанай хургаалнууды ойлгожо абана;

Хэишээлдээ абаһан мэдэсээ саашань ажабайдалдаа хэрэглэнэ, хүгжөөнэ.

Шүүмжэлхы ухаан бодолой арга бүхэниинь зорилгоороо һурагшын творческо арга шадал (потенциал) хүгжөөхэдэнь туһална. Ли-

тературын хэшээлнүүдтэ эдэ аргууды хэрэглэхэдэ эгээ үржэлтэй (продуктивный) гэжэ һананаб.

Дүн гаргалга. Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологиин аргууд хэшээл удха түгэс, баян, ондо ондоо, адли бэшэ болгоно, харин хурагшадай ажал ябуулгатай, үрэтэй, һонирхолтой, ехэ хангалта (удовлетворение) абахаар болгодог. Энэ технологиин аргууд хурагшадай хэлэ хүгжөөнэ, хөөрэлдөө эмхидхэхэ, дискуссии үнгэргэхэ, өөрынгөө хараа бодол аршалха шадабаритай болгоно.

Энэ технологи өөрынгөө хэшээлнүүдтэ нэбтэрүүлжэ байнаб. Олон хурагшад һонирхон текстээ уншана, найруулга бэшэхэдээ, өөрын үзэл үндэхэлхэ (аргументировать), группаар хүдэлхэдөө хани харилсаатайгаар хүдэлжэ хурана, өөрын ажал түсэблэхэ шадабаритай болоно, зорилго табижа, өөрынгөө ажалай дүн шүүмжэлжэ хурана.

Шүүмжэлхы ухаан бодол хүгжөөлгын технологиин аргууды литературингаа хэшээлнүүдтэ хэрэглэжэ байгыт гэжэ зууршалха байнаб. Материалаа бата бэхээр мэдэжэ, ойлгожо абана, юундэб гэхэдэ хурагшад мэдэсээ өөһэдөө мэдэрэл ехэтэйгээр (сознательно) оложо абана. Федеральна гүрэнэй хуралсалай стандартын ёһоор иимэл эрилтэнууд табигдана ха юм.

УДК 81'373

А. А. Борлдоев

Россия, Харат, Иркутская область

О работе ономастического кружка в школе

У каждого человека есть своя малая родина – город, поселок, село. И всякому он дорог и любим. Любовь к родному краю заставляет меня обратить внимание на природу, историю, культуру села, задуматься о разумном использовании её природных богатств, об экологии села, о бережном отношении к культурному наследию края. Знакомство с историей села в этой работе связал с изучением топонимики села. Узнал много интересного, познакомился с этой наукой еще на пятом курсе, так как писал дипломную работу на тему «Структурно-семантическая типология эргонимов Усть-Ордынского и Агинского округов».

Всё, что нас окружает, имеет своё название, своё имя. Хорошо об этом сказал русский писатель К. Г. Паустовский: «Для всего, что существует в природе, есть великое множество хороших слов и

названий». Этим и занимается наука топонимика. В переводе с греческого слово «топос» обозначает место, а «онима» – это имя. Работая с интернет-ресурсами, я узнал, что ойконимы – это название мест. Гидронимы – это название рек. Годонимы – это названия улиц. Микротопонимы – это название небольших населенных пунктов, мелких географических объектов, известность которых не выходит за пределы узкого круга живущих на одном месте людей. Антропотопонимы – это имена, прозвища людей.

В своей работе мы с ребятами попытались разгадать названия знакомых мест в окрестностях нашего села. Я никогда не задумывался над тем, почему то или иное место так названо, по каким признакам произошло название объекта, как связан топоним с историей, географией. Стараясь найти ответ на основополагающий вопрос «Почему мир не может быть безымянным?», мы с ребятами поставили перед собой ряд проблемных вопросов:

1. Как в топонимике села кодируется информация о духовной культуре жителей села?

2. Как реалии жизни повлияли на выбор топонимических названий окрестностей моего села?

3. Как и чьими именами названы улицы села?

Итак, цель нашей работы – знакомство с прошлым края через названия рек, улиц, прозвищ сельчан. Задача работы – собрать и как-то систематизировать информацию по топонимике села.

Приступая к работе над темой, мы обнаружили, что никаких печатных источников по топонимике села не существует, нет словаря топонимов. Это осложняло работу. Нам удалось выявить историю только некоторых названий объектов села. И началась наша работа вот с чего. Ребята провели соцопрос среди учащихся нашей школы. Нами был разработан и создан опросник, который насчитывал всего три вопроса: 1. Что такое топонимика? 2. Что такое топоним? 3. Какие названия окрестностей села вам известны?

Оказалось, что 89 % опрошенных учащихся (с 5-го по 11-й класс) не слышали об этой науке, 59 % ребят смогли назвать некоторые топонимы села. Но, что отрадно, 91 % учащихся хотели бы разгадать загадки знакомых названий окрестностей села.

Ребята получили задания – собрать сведения об истории названия улиц села, (они работали с годонимами) на которых они проживают, собрать и обработать микротопонимы, собрать и поработать над антропотопонимами. А главная задача – попытаться определить принцип, положенный в основу каждого топонима. Надеюсь найти хоть какой-нибудь материал, взял в руки географическую энцикло-

педию. Впервые прочитал о топониме «Сибирь», т. е. моей малой родине. Название «Сибирь» впервые упоминается у иранских авторов XVIII века, на карте впервые обозначено как *сибур* в каталонском атласе в 1375 году. Какие только значения и «переводы» не приписывают Сибири: на любой вкус! И «захолустье», и «горный волк», и «тюрьма», и «чистое, прекрасное место». Также происхождение названия связывают с проживающими здесь в разное время народами. Но единства в версиях тоже нет. Упоминаются кочевники из бассейна Тобола – сыбыры и лесной народ савиры, и жители мест «севернее Алтая и западнее Ангары сибиря (шибиры)». Также своего рода загадка!

На первом этапе работали поисковики. Село Харат было разделено на несколько участков, где и собирались топонимы. Собрано их было очень много. На втором этапе работы нужно было их как-то классифицировать, нужна была какая-то методика. Вот методы ведения исследования в моей работе:

1. Опрос местных жителей-старожилов.
2. Изучение архивных документов через работу с домовыми книгами в администрации сельского поселения со статистической отчетностью.
3. Использование справочной литературы.
4. Метод сравнительного анализа помог прийти к определенным выводам.

Эта работа оказалась довольно сложна. Мы пришли к выводу, что чаще всего название объекта реализует ассоциативные связи, т. е. микротопоним образуется по аналогии, учитывается схожесть по внешним признакам, по своему семантическому значению. Например, микротопоним *Солдатское*. Это красивый лесистый массив на окраине села, где, по словам старожилов, в 70–80 годы жили солдаты. Они помогали колхозу копать картофель, убирать зерно, строили цементные блоки для силосных ям. На месте их палаток остались выкопанные ямы. Так и живет до сих пор в языке этот топоним. Сейчас там сенокосные угодья. Думается, что, по этому же семантическому признаку названы места села: *Мостки, Полив*.

Вторая многочисленная группа микротопонимов указывает на связь с фамилиями или уличными прозвищами жителей села. Это так называемые антропонимические топонимы. В языке местных жителей живут такие красивые названия мест: *Баеханиха, Куреганиха, Фролиха, Винниково, Сарioniха, Изониха, Кротиха*. Суффикс *-их* по своей семантике обозначает принадлежность кому-либо. Это пади, поля, названия которых существуют с далекого прошлого, и названы

они по прозвищам людей, которые ими владели, обрабатывали эти поля, косили там сено. Выращивали и обрабатывали картофель, а раньше его очень много сажали, особенно во время войны. Сейчас эти сенокосные угодья заросли высокими деревьями. Интересна история *Фролихи*. Это падь, где была расположена известковая гора, где добывали известь, а раньше наши прадеды варили известку. О топониме Винниково местные жители рассказали целую историю. С ним связан еще один топоним *Завод*, так как это место расположено за заводом. Когда-то это была деревня, а теперь она опустела, и только камень напоминает о ней. Деревня жила до 60-х годов. Здесь насчитывалось 36 домов. Это красивая местность с ягодными и грибными полянами. Есть тут подземный родник, по словам старожилов, он обладает лечебными свойствами. А в наше время из него берут святую воду в Крещение. Родник был выкопан солдатами, в этой деревне стояла ракетная воинская часть с 1952 по 1956 г. До 1968 года работала водяная мельница, которая располагалась на берегу реки. Сюда ездили молоть хлеб из близлежащих деревень: Харата, Корсука, Ишин. Мука получалась отменная. До 1968–1969 гг. работала в деревне начальная школа (четырёхклассная). Она была расположена в доме начальника ручной пилорамы Винникова. Дом у него был большой, богатый. Теперь и местность так и называется *Винниково*, т. е. по имени этого человека. Заготавливали лес, сплавляли его по реке в Харат, из него построили мельницу, что при въезде в село. Сейчас это строение рухнуло. Винников же и построил здесь винокурный завод. Так и появился топоним *Винниково* и до сих пор живет в народе.

Третья группа топонимов подчеркивает какой-то характерный признак местности. К этой группе можно отнести следующие топонимы: *Лужки*, *Пеньки*, *Травеж* (*Большой* и *Малый*). *Лужки* – это, действительно, ряд небольших поляночек, тянущихся вдоль берега реки и, причём, расположенных друг за другом. Микротопоним *Глубокая Падь* – это как бы впадина, образованная двумя небольшими горами. Когда-то здесь был колхозный сад, выращивали яблони, ранетки. В колхозе были пчелы, которых вывозили на медосбор именно в *Глубокую Падь*.

Можно выделить и еще одну группу микротопонимов, отражающих особенности рельефа, географического положения объекта. Так, у нас в селе есть *Шишка*, *Долгонькое*, *Кругленькое*, *Средненькое*. *Шишка* – это чуть возвышенное место, *Долгонькое* вытянуто по своему рельефу, *Кругленькое* напоминает форму круга.

Топонимы отражают и цвет географического объекта. Так, за нашим селом есть *Красный Яр*. Это невысокие горы. До сих пор видны красные горы. Цвет придает красный камень-плитняк. Его долбили вручную, кирками всем селом. Дорогу делали, пробивали среди гор, а камнем мостили дорогу.

Наверное, самая немногочисленная группа топонимов отражает историю заселения местности, или отражает частную жизнь селян. Так стихийно возник в языке топоним *Бичегорск*. В его основу, можно предположить, положен социальный признак. В 70-ые годы возник этот небольшой поселок, в котором жили рабочие-лесозаготовители. В поселке был клуб, магазин, общежитие. И назывался он поселок *Светлый*, а в народе закрепилось и жило название *Бичегорск*.

Существует и еще одна группа микротопонимов, связанная с этническими особенностями. Например, ойконим *Харат*. Возраст этого ойконима перешагнул трехсотлетний рубеж. Протекает река *Харатка*, явно и послужившая основой названия села. И, как выяснили мы со слов местных жителей соседнего бурятского села *Корсук*, этот ойконим бурятского происхождения. И, видимо, произошло заимствование из бурятского языка, что в переводе означает «чёрная вода», это по одной версии. Существует и другая. Из опроса местных жителей села Корсук, выяснили, что у этого названия может быть две топоосновы: топооснова «хара», что в переводе с бурятского означает «черный» и топооснова «хари», что в переводе означает «дальний». Какая из них верная? Хотелось бы узнать. Но, по легенде, живущей в нашем селе, первым жителем был бурят Хаара, он был больным, весь покрылся струпьями, язвами, но чистый воздух, лечебные травы нашей местности излечили его. И он остался здесь жить. Красивая легенда. Но можно предположить, что в этом топониме скрывается значение «дальний», в том смысле, что заселяли, обживали нашу местность ссыльные, которых не пропускали в Иркутские земли, и они вынуждены были идти жить далеко от Иркутска. В нашей местности существуют бурятские названия: гора *Малахадай*, *Мухор*, *Ухор*, *Тулухай*, *Хангорой*. По словам местных жителей-бурят, «*Хонгор уула*» – это чуть холмистая поверхность. Вывод напрашивается – в основе некоторых топонимов лежит и этимологический признак, произошло заимствование из других языков. Наверное, речь можно вести и о сохранении межнационального благополучия, о сохранении национального языка, о дружбе людей на языковом уровне, о взаимопроникновении двух культур, двух языков. Я пришла к выводу, что в основе некоторых топонимов лежит народная этимология, и точное значение узнать просто не представляется

возможным. Классификация, сравнительный анализ микротопонимов показал, что топонимика села формировалась под влиянием определенных лингвистических факторов: географических, этнокультурных, исторических.

Из отчетной работы учащихся: «Я проживаю в селе Харат. Каждый день хожу по его улицам. А ведь у улиц, как у людей, свои лица, своя судьба, своя история. Названия улиц могут рассказать о многом. В них, как в зеркале, отражаются не только быт и нравы людей, но и история села. Не каждый житель знает, откуда появились названия улиц. Предметом исследования стали истории названия улиц. Цель работы заключалась в изучении истории происхождения названия улиц. Мне было интересно узнать годонимы села. Для достижения поставленной цели мне необходимо было решить следующие задачи: собрать сведения об истории названия улиц, определить основной принцип, положенный в основу называния улиц. Выдвинул такое предположение, что большинство улиц села получили свое название по объектам, расположенным на улице или поблизости от нее.

В начале исследования был проведен опрос 125 обучающихся нашей школы по вопросу о происхождении названия улицы, на которой они проживают. Результаты опроса показали, что лишь 15 % ребят знают историю названия улицы. Работа над темой исследования началась с изучения домовых (похозяйственных) книг, которые ведутся в администрации нашего сельского поселения. В настоящее время в состав поселения входит два населенных пункта: *Верхний Кукут* и *Харат*.

На территории сельского поселения проживает 1222 харатца, насчитывается 408 усадеб, расположившихся на 10 улицах. Они составляют несколько жилых массивов. О некоторых из них хочу рассказать, уж очень интересны эти годонимы. Один из них называется *Черёмушки*. Мотивировкой названия стали, скорее всего, внешние особенности улицы. Здесь с незапамятных времен буйствуют кусты черемухи, они росли, когда еще и в помине не было улицы.

Недавно появился в языке местных жителей годоним *Харатская Рублевка*. Он написан каким-то шутником крупными буквами на одном из заборов. Эта улица, *Рублёвка*, имеет особый внешний вид. Резные ворота у каждой усадьбы оформлены по-своему. В палисадниках буйствует зелень, красивые разноцветные современные заборы. А какое буйство красок! Наверное, поэтому и *Рублёвка*. Остроумно, красиво.

Еще один годоним *Аппендицит*. Местный юморист назвал так улицу *40 лет Победы*. В основе названия отражается историческое прошлое. Улица, ведущая к Харату, по своему внешнему виду напоминает отросток. Вот и появился интересный годоним.

В целом можно выделить несколько принципов, по которым улицы моего села получали название: 1) по именам выдающихся людей (улица *Горького*), 2) по объектам, расположенным на улице (улица *Школьная*; улица *Ленина*, на ней до сих пор установлен памятник Ленину), 3) по внешним особенностям улицы (улица *Горная*, раскинулась вдоль небольшой горы)».

Большой интерес вызвала работа с антропонимами села. Ребята-кружковцы младшей группы получили задание: собрать антропонимы села –

фамилии, имена, прозвища людей. Собрали так много интересного! Убедились в том, что изучать антропонимы – значит, изучать прошлое села. Записывая прозвища жителей села, дети удивлялись их большому количеству. Спросили об этом старожилка села Артомонову Константину Трофимовичу, который ответил: «Да это всегда было в деревнях, потому что было много однофамильцев. Как их различить, только по прозвищу. Спросишь по фамилии – не знают, а по прозвищу сразу поймешь, о ком идет речь. Помню, жил Иван Матвеевич Просекин, он всегда говорил о своей нищете, поэтому и прозвали его «нужда». Ивана Михайловича Просекина звали «Курмушка», потому что вместо слова фуфайка он всегда говорил «Курмушка». Вот живой юмор народа!

Интересные оказались наблюдения над фамилиями. В селе проживает несколько семей Сыроватских. Для их различения появляются фамильные прозвища: *Шурдаевы*, *Хыбэевы*, *Шихаевы*, *Шестипальцевы*. Семьи Макаровых различают по прозвищам: *Духареновы*, *Бархатны*, *Булынины*, *Церковны*, *Крюковы*, *Громы*. Семьи Баяновых: *Валетовы*, *Хохоевы*, *Анисимовы*, *Байгасовы*. Появление в языке многих фамильных прозвищ связано с фамилией зачинателя рода (Хыбэй, Шурдай), или с прозвищем главы семейства (дед *Булыня*, *Байгас*, *Шихай*). Фамильное прозвище могло появиться и в результате какого-либо случая. Так, после рождения некогда ребенка с шестью пальцами, семья получила соответствующее прозвище.

Таким образом, следует отметить, что местный ономастический материал позволяет обнаружить много интересного и увлечь детей исследовательской работой.

Создание интерактивных заданий и упражнений при обучении бурятскому языку и литературе

*Познание начинается с удивления.
Аристотель*

Современное образование в России перешло на Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения (ФГОС). Особенность ФГОС нового поколения – деятельностный характер, который ставит главной задачей развитие личности ученика. Изменяются и технологии обучения.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) открывает значительные возможности расширения образовательных рамок учебных предметов в общеобразовательном учреждении. Информационно-коммуникационные технологии призваны стать неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность.

Каждый учитель задаётся вопросом о том, какие средства позволят наиболее эффективно сформировать познавательный интерес обучающихся, активизировать их деятельность, раскрыть интеллектуальный потенциал каждого ученика. Одним из самых эффективных средств достижения такого результата является формирование универсальных учебных действий (УУД) в процессе использования информационных технологий.

Сейчас в сети размещено огромное количество интерактивных материалов и пособий, различных тренажеров и прочих образовательных ресурсов, позволяющих включить обучающегося в активную познавательную, исследовательскую, проектную, творческую деятельность.

Развитие информационных технологий – это динамичный процесс и сегодня мы живем в эпоху развития социальных сервисов Web 2.0. До появления этих сервисов пользователи могли искать информацию в сети, общаться на форумах и в чатах, но лишь немногие могли создавать собственные сайты, чтобы выражать себя максимально полно.

Совсем недавно о массовом использовании в школе новейших информационных технологий мы только мечтали. А сегодня каждый

школьник имеет такую возможность. Современные информационные технологии – это не просто новая техника, позволяющая повысить, улучшить, заинтересовать. Это возможность изменить формы и стиль взаимодействия ученика и учителя и эффективно добиваться основных результатов обучения. Сегодня сервисы Web 2.0 активно используются в педагогической практике. Благодаря социальным сервисам процесс обучения может стать не просто более интересным для учителей и ребят, но и подняться на очередную ступень своего развития. В последнее время сервисы активно используются для организации сетевых образовательных проектов.

Технологии Web 2.0 прочно укрепились в нашей повседневной жизни, как средства коммуникации (социальные сети: Facebook, Twitter, Вконтакте), быстрого поиска нужной информации, средства «коллективного авторства» (Wiki, блоги).

Казалось бы, как еще можно применять возможности технологии Web 2.0, причем в целях педагогической практики? На этот вопрос есть ряд ответов:

- Использование сетевых сообществ для свободного распространения учебных материалов. В результате распространения социальных сервисов в сетевом доступе оказывается огромное количество материалов, которые можно использовать в учебных целях.
- Самостоятельное создание сетевых учебных материалов. Теперь каждый может не только получить доступ к цифровым коллекциям, но и принять участие в формировании собственного сетевого содержания.
- Участие в новых формах деятельности без специальных знаний и навыков в области информатики. Новые формы деятельности связаны как с поиском в сети информации, так и с созданием и редактированием собственных цифровых объектов.
- Наблюдение за деятельностью участников сообщества. Общение между людьми все чаще происходит не в форме прямого обмена высказываниями, а в форме взаимного наблюдения за сетевой деятельностью.

Основное изменение учебного процесса связано с активным участием учеников в создании собственных материалов. Во всех сферах технологии Web 2.0, наибольшее значение для обучения имеет совместная созидательная деятельность.

Одним из сервисов, предоставляющих учителю и самим обучающимся возможность создавать интерактивные учебно-методические пособия, является LearningApps.org.

LearningApps.org является приложением Web 2.0 для поддержки обучения и процесса преподавания с помощью интерактивных модулей. Существующие модули могут быть непосредственно включены в содержание обучения, а также их можно изменять или создавать в оперативном режиме. Целью является также собрание интерактивных блоков и возможность сделать их общедоступным.

На сайте имеются готовые интерактивные упражнения, систематизированные как по популярности, так и по предметным областям. Здесь представлено 34 макета для создания интерактивных дидактических материалов. Макеты распределены по блокам в зависимости вида деятельности: выбор, распределение, последовательность, заполнение, онлайн-игры, инструменты. Так, например, в блоке «Выбор» можно создать собственную игру «Кто хочет стать миллионером».

С учащимися 5–6-х классов при изучении темы «Байгал» по бурятскому языку как государственному мы создали два варианта этой игры, в которую дети с удовольствием играют и создают сами уже по другим темам.

С помощью сервиса LearningApps.org можно создать свои задания различного типа (игры на развитие памяти, кроссворды), викторины с выбором правильного ответа, тесты, найти пару и установить соответствие за незначительный временной промежуток, а интерактивная форма способствует повышению мотивации учащихся к предмету. Например, при изучении памятника дореволюционной бурятской литературы «Зерцало мудрости» Э.-Х. Галшиева, мы создали викторину в форме тестов. Пройдя все задания, учащиеся могут проверить свои знания по данной теме. (приложение)

Упражнения создаются очень просто:

1. Зарегистрироваться на сайте.
2. Выбрать тип упражнения.
3. Создать подобное приложение.
4. Сохранить приложение.

Освоение таких сервисов позволяет учителю сформировать интерактивную среду учебной деятельности в классе и сделать процесс обучения насыщеннее, интереснее, ярче; ученику – получить компетенции в области информационных технологий, овладеть навыками самостоятельной и коллективной работы, структурировать свои знания, связывать теоретические знания с практикой, получить мгновенный отклик на свои учебные действия.

Создание таких интерактивных заданий и упражнений способствует формированию и развитию коммуникативных и познавательных УУД у обучающихся

Список литературы:

1. Бурданова Л. Ю. Роль ИКТ в реализации требований ФГОС ООО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/Burdanova/ss-12982425>
2. Галузо И. В. Мультимедийные технологии в учебном процессе. Витебск, 2003.
3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М., 1988.
4. LearningApps.org. URL: <http://learningapps.org/about.php>
5. Винницкий Ю. А. Учимся – играя, или старый добрый LearningApps [Электронный ресурс] // Сообщество учителей IntelEducationGalaxy. URL: <https://edugalaxy.intel.ru/index.php?automodule=blog&blogid=6885&showentry=5530>
6. Сидоров С. В. Возможности создания интерактивных модулей в обучающих приложениях LearningApps.org. [Электронный ресурс] // Сайт педагога-исследователя. URL: <http://si-sv.com/blog/2013-08-02-48>

Н. Г. Замбулаева

Россия, Бохан, Иркутская область

Изучение учебной дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» студентами Боханского педагогического колледжа

В многонациональном государстве, построенном по этнорегиональному принципу, необходимо учитывать этнокультурные потребности общества и в сфере образования. Сама концепция этнокультурного образования в нашей стране, реализуется, прежде всего, на «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», которая дает приоритет образования в государственной политике, определяет стратегию и направления развития системы образования в России на период до 2025 года.

В соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» в России введены образовательные стандарты. Национально-региональный компонент стандарта определяет те нормативы, которые относятся к компетенции регионов (к примеру, в области родной речи и литературы, географии, искусства, трудовой подготовки и др.). За счет национально-регионального компонента учитываются потребности и интересы в области образования всех народов стран, национальное своеобразие культуры.

В разное время к проблеме этнокультурного воспитания и образования обращались такие исследователи, как Б. Т. Лихачев, Т. А. Костюкова, Т. В. Поштарева, Г. Н. Волков, А. С. Каргин, С. М. Малиновская, М. А. Капаев, рассматривающие этнокультурное образование как помощь школьникам в овладении культурой своего народа и во взаимодействии с представителями других национальностей.

Этнокультурное образование, прежде всего, направлено на ценностное отношение к Родине, к природе, к семье, родному дому и родителям, к труду, к творчеству, к культурному наследию и традициям своего и других народов.

Этнокультурное образование, как отмечает М. А. Капаев, в среднем профессиональном образовании (СПО) это образование, направленное на защиту и развитие этнокультурной идентичности студентов путем приобщения к родному языку и культуре своего народа. Специфика этнокультурного образования в СПО отражает воспроизводство национальной этнической личности через включение ее в процессы социализации и инкультурации. Задачей техникумов и колледжей стало последовательное развитие и совершенствование учебного процесса в неразрывной связи с воспитанием студентов на основе ценностей мировой культуры. Один из способов внедрения этнокультурного компонента – корректировка учебного плана и программ, а также разработка и внедрение педагогических технологий [6].

В Боханском педагогическом колледже студенты изучают учебную дисциплину «Теория и методика этнокультурного образования», которая относится к междисциплинарному циклу программы подготовки специалистов среднего звена по специальности 44.02.02 Преподавание в начальных классах.

Структура рабочей программы состоит из трех разделов. В первом разделе «Этнокультурное образование в системе российского образования» раскрывается роль этнокультурного образования в воспитании и образовании подрастающего поколения, рассматриваются исторические основы становления отечественного этнокультурного образования и роль государства в ее развитии.

Во втором разделе «Методические основы этнокультурного образования» уделяется внимание основным направлениям этнокультурного образования и дается характеристика основным этнокультурным образовательным технологиям, используемым в практике педагогов образовательных организаций.

В третьем разделе «Этнокультурное образование и воспитание детей и молодежи» рассматривается вся система образования и воспитания на разных ступенях общего образования, а также роль системы дополнительного образования детей и молодежи по этнокультурному образованию и воспитанию. Отдельно рассматриваются проблемы и перспективы развития этнокультурного образования в целом по России и в частности, в образовательных организациях Иркутской области.

Будущие учителя начальных классов системно изучают проблемы этнокультурного образования детей и молодежи. Занятия проводятся с использованием образовательных технологий, позволяющих развить творческий потенциал студентов, их инициативность. В рамках самостоятельной работы студенты готовят проекты, пишут доклады, статьи по проблемам этнокультурного образования детей и подростков, с которыми выступают на научно-практических конференциях различного уровня, подбирают литературу и составляют библиографические списки по изучаемым темам. Например, по теме «Этнокультурное образование младших школьников» студентами Ахтамовой М., Ангажановой А. составлен такой список:

1. Белянкova Н. М. Роль учителя начальных классов в поддержании национального согласия в России // Начальная школа. – 2013. – № 5. – С. 7.

2. Белянкova Н. М. Некоторые формы организации внеурочных мероприятий в классах смешанного этнического состава // Начальная школа. – 2014. – №9. – С. 94.

3. Васильева М. С. Этническая педагогика бурят и глобализация : монография / М. С. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2009. – 245 с.

4. Васильева М. С. Этническая педагогика бурят / М. С. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. – 134 с.

5. Гарченко М. Н. Влияние семейных традиций на становление культуры детского чтения / М. Н. Гарченко, М. Б. Полтавская // Начальная школа. – 2014. – № 2. – С. 90.

6. Гурева Л. А. Праздник «Широкая славянская Масленица» // Начальная школа. – 2013. – № 2. – С. 63.

7. Нуржанова Т. Т. Этнокультурная компетентность учащихся начальных классов // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 596–601. URL <https://moluch.ru/archive/84/15757/> (дата обращения: 04.11.2018).

8. Шаманова Т. А. Компоненты и факторы этнокультурной социализации младших школьников / Т. А. Шаманова, Н. В. Тюкавкина // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 8 – С. 164–167.

В качестве научно-исследовательской работы студенты по изучаемой дисциплине выполняют курсовые и выпускные квалификационные работы. Например, примерные темы курсовых и дипломных работ таковы: *«Роль народной мифологии в духовно-нравственном воспитании младших школьников»*, *«Организация внеурочной работы с этнокультурным содержанием в начальной школе»*, *«Народный этикет как средство нравственного воспита-*

ния младших школьников», «Этнокультурное образование младших школьников в ходе проведения фольклорных праздников», «Народные игры как средство развития коммуникативных компетенций младших школьников» и др.

Таким образом, студенты нашего колледжа получают необходимую, на наш взгляд, методическую, практическую подготовку для будущей успешной профессиональной деятельности в рамках специальности 44.01.02 «Преподавание» в начальных классах.

Список литературы

1. Афанасьева А. Б. Актуализация этнокультурного образования в поликультурной среде современной школы [Электронный ресурс] // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-etnokulturnogo-obrazovaniya-v-polikulturnoy-srede-sovremennoy-shkoly>
2. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование: сущность, структура, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. 2009. № 3. С. 189–195.
3. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Изв. Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 68.
4. Афанасьева А. Б. Сущность, структура, содержание, проблемы совершенствования // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.
5. Григорьева М. И., Журавлева Н. Н. Этнокультурное образование: сущность, подходы, опыт реализации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (6). С. 28–33.
6. Капаев М. А. Специфика этнокультурного компонента в системе среднего профессионального образования // Регионоведение. 2012. № 4 (81). С. 74–79.

Т. Х. Мархаева

Россия, Санага, Республика Бурятия

ФГОС-ой эрилтээр “Оюун түлхюур” зохёолые хургуулида үзэлгэ

Статья посвящена вопросу изучения в школе дидактической литературы бурят “Оюун түлхюур” (Ключ разума), написанный неизвестным автором. “Оюун түлхюур” является письменным памятником монголоязычных народов. Данное литературное произведение написано в жанре сургаалов (поучения). Знание духовной истории и культуры, в которой отражен народный опыт воспитания, помогает глубже понять специфику воспитания и лучших качеств человека и способствуют просвещению бурятского народа. В бурятской дидактической литературе “Оюун түлхюур” обобщены и отражены вековые педагогические знания народа, которые помогают в обучении и воспитании подрастающего поколения. Статья будет интересна методистам и учителям бурятского языка и литературы.

Ключевые слова: народная дидактическая литература, народные назидательные поучения, изречения, афоризмы, духовная культура, методы воспитания, традиции народа.

The article is devoted to the issue of studying at the school of didactic literature the Buryats “Oyun tülhuur” (Key of Reason), written by an unknown author. “Oyun tülhuur” is a written monument of the Mongol-speaking peoples. This literary work is written in the genre of surgale (teaching). Knowledge of the spiritual history and culture, which reflects the national experience of upbringing, helps to better understand the specifics of upbringing and the best qualities of a person and contribute to the enlightenment of the Buryat people. In the Buryat didactic literature “Oyun tülhuur”, the centuries-old pedagogical knowledge of the people is summarized and reflected, which helps in the education and upbringing of the younger generation. The article will be interesting to methodologists and teachers of the Buryat language and literature.

Keywords: folk didactic literature, folk edifying teachings, sayings, aphorisms, spiritual culture, methods of education, traditions of the people.

Буриад хургуулинуудта хүүлэй үеын буриад уран зохёол үзэлгэдэ хургаалай зохёол шудалалга дунда ангиуудта (5–8 классуд) үзэгдэнэ.

“Оюун түлхюур” гэһэн суута бэшэмэл хүшөө 13–14-дэхи зуун жэлнүүдтэ бии болоһон түүхэтэй гэжэ эрдэмтэд багсаадаг. Академик Ц. Дамдинсурэнэй тэмдэглэнээр, 20-ёод онуудаар Монгол уласта үзэг номтой танилсаһанай удаа энэ зохёолые хурагшадта уншуулдаг байһан гэшэ.

“Тус бүтээлые хэн, хэзээ зохёогооб гэжэ мэдэгдэнэгүй, баримтанууд байхагүй”, – гэжэ эрдэмтэн Г. И. Михайлов тэмдэглэнэ. [1] Зарим шэнжэлэгшэд Чингис хаан өөрөө зохёһон гээд багсаадаг юм. “Магад, энэ ном соохи хургаалнууд хадаа Чингис богдын бэлиг суртаалһаа абтажа болоо,” – гэжэ эрдэмтэн Ц. Дамдинсурэн тэмдэглэе. “Оюун түлхюур” зохёолые Монголой академик Ц. Дамдинсурэн “Монгол уран зохёолой дээжэ зуун бэлиг оршибой” (1959) гэһэн согсолбори соогоо оруулхадаа, Улаан-Баатарта хоёр удаа толилуулагдаһан номуудые нэгэдүүлжэ, хинан бэлэдхэнэн юм. Зохёолой эхиндэ Чингис хаанай заабаринууд үгтэнхэй. Удхаараа гүрэн түрэ хүтэлбэрилжэ ябаһан ноёдто, хаашуулда, юрын зондо эсэн мэргэн үгэнүүдын зорюулагданхай. Тиихэдэ хайшан гэжэ зүбөөр засагаа барихаб, муу ябадалтай тэмсэхэб, бээ зүбөөр абажа ябахаб, хургахаб гэхэ мэтэ тухай гүнзэги удхатайгаар хэлэгдэнэ. Манай ханахада, энэ зохёол арадай урда сагай тобшо хургаалнуудые, мэргэн үгэнүүдые суглуулан, мүнөө сагай ургажа ябаа хүүгэдые хургахада, хүмүүжүүлхэдэ, хүгжөөхэдэ ехэ нүлөө үзүүлхэ ёһотой.

Хургуулида ФГОС-ой эрилтээр дээрэ хэлэгдэнэн зохёол үзэхэдөө, компетентностнэ гурим (шэглэл) баримталан, хургуулида уран зохёол шэнжэлэлгын олон янзын онол аргуудые хэрэглэжэ үзэнэбди. Гадна хурагшадай “Оюун түлхюур” текстээ анхартайгаар уншаад, хараад хүдэлхын түлөө тэдээндэ түшэг тулгуури (опора) болгон, даабаринуудые зохёонобди. Буриад уран зохёолой хэшээлэй

хүсөөр хурагшадтаа эрдэм болбосоролой үндэхэ хууриие гүнзэгыгөөр ба батаар бэхижүүлхэдээ, тэдэниие ажабайдалдаа хэрэглэхэ дадал шадабаритай болгохо, хүгжэлтын юрэнхы үзэл бодолтойгоор хүмүүжүүлхэ, харилсаанай (коммуникативна) талаар, лингвистическэ (хэлэнэй) талаар, үндэхэн соёлой (культурологическа) талануудаар шадабари олгохо шэглэлтэй хүгжөөхэ ёхотой болонобди.

Манай ханамжаар, оршон сагта буряад хэлэнэй багшанар хэшээлнүүдтээ хурагшадайнгаа аман ба бэшэмэл хэлэлгэдэ анхаралаа ехээр хандуулха ёхотой. Тиимэхээ бидэ хэшээлдээ хэлэлгын, тэрэнэй бүхы янзануудайнь (шагналга, уншалга, хэлэлгэ болон бэшэлгэ) аман ба бэшэмэл хэлэлгэ хараадаа абадагбди.

Нэгэдэхээр, бидэ хэшээлдээ харилсаанай элдэб ушар (оршон) болон байдалда хэрэглэхэ гол дадал шадабаринуудтай болгохоёо хараадаа абанабди:

- ▶ литературна хэлэнэй (орфоэпическэ, лексическэ) ёхо гурим баримталжа хургаха,
- ▶ үхибүүдэй үгын сан баяжуулха,
- ▶ хэлэнэй үзэгдэл болон баримтануудые шэнжэлжэ, шүүмжэлжэ шадабаритай болгохо.

Хоёрдохээр, уран зохёол гээшэ үндэхэн соёлоймнай нэгэ хуби, түүхэтэймнай тахаршагүй нягта холбоотой юм. 10-дахи ангида “Оюун түлхюур” гэхэн зохёолоор класшаа гадуур хэшээл үнгэргэхэдөө, хэшээлдээ проектнэ онол арга хэрэглээбди. Хэнэйшье мэдэхээр, оршон сагай хуралсалай системнэ-деятельностна хандалгын ёхоор, проектнэ онол аргаар (методико) шабинартай хуралсалайнгаа ажал зохёоходо, тэдэндэ ехэ һонин байдаг гэжэ ханагдана. Туд онол аргын ёхоор хурагшад хэшээлдээ гол түлэб өөһэдөө ажалаа ябуулдаг.

Гурбадахаяр, “Оюун түлхюур” гэхэн зохёолоор үнгэргэхэн хэшээлэйнгээ дүй дүршэлтэй мүнөө таанартай хубаалдахаяа хананаб.

10-дахи ангиин хурагшадта 5 хадагай үнгөөр 5 бүлэг боложо өөһэдөө бүлэгүүдтэ хубаархыень дурадхагдаа. Бүлэг бүхэн өөрын нэрэ, урыал зохёожо хамгаалаа бшуу. Эдэ бүлэгүүд тусгаарлагдahan саг соо (2 хэшээлэй хугасаа соо) даабаринуудаа дүүргэхэ ёхотой байгаа. Гадна хурагшад хэхэ ажалайнгаа зорилго өөһэдөө табижа, түсэб зохёонон байна. Энэнь тэдэнэй ажалаа дүүргэхэдэ, ехэ туһа боложо үгөө.

Хурагшадта удаадахи даабаринууд дурадхагдахан байгаа.

1. 1-дэхи бүлэгэй даабари: Чингис хаан тухай мэдээсэл сахим юртэмсэһөө бэдэрэн олохо. (Чингис хаан тухай үзэсхэлэн (портрет, номууд, фото-зурагууд, кинодо наадаһан артистнууд г. м.) класс соо дэлгээтэй). Энэ материал хэрэглэжэ болохо.

а) хэнэй дүрэ танай урдаб?

б) энэ мэдээжэ хүн тухай выставкэдэ байһан номуудые хэрэглэн, сахим юртэмсэһөө мэдээсэл оложо шэнжэлэгты;

в) суута Чингисхаан тухай хөөрөө бэлдэгты. Юунэй түлөө тэрэ хургаалнуудые зохёогоо гээшэб? Бодомжологты.

Тухалагша-мэдүүлэлнүүд: (Чингис хаанай дүрэ харуулнабди. Юундэб гэхэдэ, “Оюун түлхюур” зохёолые Чингис хаан зохёонһон гэжэ зарим эрдэмтэд багсаадаг).

Нурагшадта үгтэһэн асуудалнууд үхибүүдтэ түшэг тулга (опора) боложо үгэнэ.

2-дохи бүлэгэй даабари: “Оюун түлхюур” гэнэн зохёол анхаралтайгаар уншаад, словарна, литературоведческэ ажал ябуулха.

а) зохёол сооһоо мэдэгдээгүй, ойлгогдоогүй үгэнүүдые оложо бэшээд, толинууд сооһоо, сахим юртэмсэһөө оложо, тэдэниие тайлбарилха; (Выставка: С. М. Бабушкин Буряад-ород ба ород-буряад толи. – Улаан-Үдэ: Издательство ОАО “Республиканская типография”, 2008. – 568 с.; Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Буряад-ород толи, хоёр боти. – Улаан-Үдэ: Издательство ОАО “Республиканская типография”, 2006; Буряад хэлэнэй тобшо тайлбари толи. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. – 176 н. ; Сахим нураха номой толи).

б) зохёол соо ямар уран аргууд хэрэглэгдэнхэйб, тэдэниие ологты.

Эндэ нурагшад бэдэрэлгын, шэнжэлэлгын ажал ябуулна.

3-дахи бүлэгэй даабари: “Оюун түлхюур” гэнэн зохёолой текстээр ажал. “Оюун түлхюур” гэнэн зохёол анхаралтайгаар уншаад, хургаалнуудые системэ болгон хубаарилха ажал ябуулха.

а) “Оюун түлхюур” зохёол сооһоо хаашуулда, ноёд эзэдтэ хабаатай хургаалнуудые ологты;

б) ноёд хаашуулай бэеэ абажа ябаха заабаринуудые түүжэ бэшэгты;

в) “Оюун түлхюур” зохёолой хургаалнуудай удхаар синквейн зохёожо туршагты.

4-дэхи бүлэгэй даабари: “Оюун түлхюур” гэнэн зохёолой текстээр ажал. “Оюун түлхюур” гэнэн зохёол анхаралтайгаар уншаад, хургаалнуудые системэ болгон хубаарилха ажал ябуулха.

а) “Оюун түлхюур” зохёол сооһоо юрын албатанда ба бусад ажалтанда хабаатай хургаалнуудыг ологты;

б) юрын зоной бэе абажа ябаха заабаринуудыг түүжэ бэшэгты;

в) “Оюун түлхюур” зохёолой хургаалнуудай удхаар синквейн зохёожо туршагты.

5-дахи бүлэгэй даабари: “Оюун түлхюур” гэһэн зохёолой текстээр ажаябуулга: “Оюун түлхюур” гэһэн зохёол анхаралтайгаар уншаад, хургаалнуудыг системэ болгон хубаарилха.

а) “Оюун түлхюур” зохёол сооһоо ламада хабаатай хургаалнуудыг ологты;

б) тэдэнэй бэе абажа ябаха заабаринуудыг түүжэ бэшэгты;

в) “Оюун түлхюур” зохёолой хургаалнуудай удхаар синквейн зохёожо туршагты.

Удаань бүлэг бүхэн өөһэдынгөө ажал тусгаарлагдһан саг соо хамгаалһан байна. Эндэ онсолон тэмдэглэбэл, хурагшад аргагүй һониноор ажалаа хамгаалаа: гайхалтай тобшололнуудыг хээ, бодомжонуудаараа хубаалдаа, хурагшадай синквейнууд онсо шэнжэтэйгээр зохёогдоһон байгаа гэжэ шабинар тэмдэглээ.

Үшөө гэхэдэ, эдэ 5 бүлэгэй ажалаа хамгаалхада, ахамад ангиин 3 хурагшад (экспертнүүд) тэдэнэй хүдэлмэридэ өөһэдэйн зохёоһон эрилтэнүүдээр сэгнэлтэ баллнуудаар үгөө. Тиин хэшээлдэмнай сэгнэлтын ехэ ажал ябуулагдаа.

Саашань хэлэбэл, 1-дэхи ба 2-дохи бүлэгүүд ехэ нэмэлтэ материалнуудыг хэрэглэжэ, ажалаа зохёоһон байна. Тиин эдэ хурагшад ехэ материал соо өөһэдтөө хэрэгтэй нэмэлтэ материалаар хүдэлжэ шадаха байна гэжэ тобшололдо ерээбди. Иигэжэ тэдэнэй личностна, метапредметнэ ба предметнэ компетенцинь хүгжөөгдөө.

Эндэ онсолон тэмдэглэхэ юумэн гэхэдэ, буряад уран зохёолой хэшээлдэ “Оюун түлхюур” гэһэн текстээр хүдэлхэдөө, 3-дахи, 4-дэхи ба 5-дахи бүлэгүүдтэ хүдэлһэн хурагшад өөһэдыгөө хэлэлгын талаар хинаха, заһаха, мүлихэ шадабарияа, хэлэнэй баримтануудыг зэргэсүүлхэ, хубаарилха, сэгнэхэ шадалаа хүгжөөнэ. Гадна тэдэнэй үгын сан баяжуулагдажа, хэлэлгэнь хүгжэнэ. Мүн лэ гүнзэгырүүлэгдээ гэжэ тэмдэглэе. Тиин шабинарай личностна, метапредметнэ ба предметнэ компетенцинь дээшэлүүлэгдээ.

Хурагшад хэшээлэй дүн гаргажа, хэһэн ажалаараа сэдхэл дүүрэн байгаа гэжэ тэмдэглэхэ ёһотойбди. Бээ бэеынгээ, бүлэгүүдэйнгээ бүтэһэн ажалаар һонирхожо, тэдэ юумэ мэдэхэ болоо. Бүлэг бүхэнэй хурагшад өөһэд хоорондоо аргагүй эбтэйгээр хүдэлһэн байна. Иигэжэ «Оюун түлхюур» зохёолоор үнгэргэгдэһэн хэшээлнай бүхэ хурагшадта ехэтэ һайшаагдаа.

Эндэ хэлэгдэһэн хэшээлэй дүнгөөр багшашье баһал сэдхэлээ хананги байгаа бшуу. Гадна тэрэ буряад уран зохёолой проектнэ хэшээлдэ хурагшадайнгаа бүтээһэн ажалаар ехэтэ омогорхожо байһанаа мэдүүлээ. Тиигэбэшье эндэ ушарһан дутуу дундануудые тэмдэглээ, хурагшадайнгаа сэгнэлтэдэ өөрынгөө сэгнэлтые тайлбарилла.

Һүүлдэнь хэшээлэй түгэсхэлдэ багша гэрэй зохёохы даабари бүлэгүүдтэ үгөө.

Гэрэй даабари: Орхигдоһон үгэ тааруулан нэмэжэ, мэргэн үгэнүүдэй удхыень тайлбариллагты:

а) Үхэр хараасгай муу уһа _____, (уудаггүй) Арсалан бөөлжэһөө _____ (эдидэггүй)

б) _____ хүн үгэдөө _____ урбанагүй, (һайн) _____ хүн үгэдөө урбаха. (муу)

“Оюун түлхюур” гэһэн зохёол үзэхэдөө, 10-дахи ангиин хурагшад ажабайдалдаа, ниитын болон ажахын хэрэгтэ хэрэглэхэ хургаалнуудые мэдэжэ, ойлгожо, хэлэнэй аргаар харилсаха шадабаритай болоно. Һуралсалда хэрэгтэй юрэнхылэгдэһэн шадабари олгогдоно. Гадна өөртөө зорилго табиха, ажаябуулгаяа түсэблэхэ, толи болон мэдээсэл тараадаг аргуудһаа, Интернетһээ – сахим юртэмсэһөө мэдээсэл абаха шадабарияа хурсадхана. “Оюун түлхюур” уран зохёолой удхые өөрынгөө үгөөр ойлгоһоно тобшолон хэлэхэ, текст шэнжэлхэ аргуудта һурана, һанал бодолоо зүбөөр дамжуулха шадабаритай, дадалтай болоно, ажабайдалда тохёолдоһон ушарнуудһаа бээ зүбөөр абажа ябаха хургаал заабаринууд түшэг тулгууринь болоно.

Хэрэглэһэн литература

1. Дылыкова В. С. Тибетская литература. М., 1986. 240 с.
2. Махатов В. Б., Цыденова Х. Г. Алтан гадаһан. Улаан-Үдэ : “Бэлиг” хэблэл, 2008. 396 х.
3. Цыденова Х. Г. К вопросу изучения бурятской дидактической литературы и ее роли в народной педагогике // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 15. С. 183–186
4. Цырендоржиева Б. Д. Лекция. Обновление содержания языкового образования на ступени ООУ: реализация коммуникативно-ориентированного подхода в содержании Примерной программы по бурятскому языку (как родному, углубленный уровень). Улан-Үдэ, 2019.

Диалог культур и нравственно-экологические концепты в литературе (на примере бурятской школы)

В статье говорится о том, что изучение нравственно-экологических концептов в свете диалога культур на литературных занятиях в условиях школы имеет весьма важное значение в процессе формирования духовно развитой личности.

Ключевые слова: глобализация, концепт, экология, природа, рассказ, литература, национальная школа и др.

Изучение русской и родной литературы в свете диалога культур весьма актуально во времена глобализации. В особенности такой подход важен в отношении обсуждения проблем экологии в национальной школе. В современном обществе есть все условия для гармоничного сосуществования человека с природой. Но все дело в том, что люди далеко не всегда правильно понимают свой долг перед природой. Отсюда появляются вопросы, темы экологического порядка, изучение которых становится необходимым, в частности, на литературных занятиях в школе.

В опорной бурятской школе нами было рекомендовано изучение на уроках русской литературы в девятом классе таких рассказов, как «Две жизни» Батора Романова, «Волчица» Балдан Ябжанова как национально-региональный компонент, а также рассказ Нодара Думбадзе «Хазарула». Они выдержаны во времени, их объединяет актуальная в наше время тема экологии.

На занятии был зачитан и проанализирован великолепный по художественному уровню отрывок из замечательного рассказа Батора Романова «Две жизни» в переводе на русский язык (2).

«... Изюбриха насытилась, детеныш в животе шевельнулся. Самое время сейчас полизать соли, до которой молодая мать в последнее время стала особой охотницей. Изюбриха принялась медленно спускаться по крутому склону, где несколько ее сородичей еще щипали сочную травку.

Солнце село, и летняя ночь распространялась по всему белому свету... Только крик филина раздаётся во тьме.

...А двое людей, спрятавшись в кустах неподалеку от солонцов, держат наготове заряженные стволы.

Филин и человек вышли на охоту. Вековой инстинкт движет птицей, жестокая борьба за выживание. А что в эти мгновения дви-

жет человеком? Он как будто познал тайны природы, создал самолет, подобный птице небесной, пароход, подобный рыбе морской. Всех превзошел человек, но страсть к охоте не утихает. Неужели тот же темный, звериный, перешедший к нам от далеких предков, инстинкт движет им?

Она (т. е. изюбриха. – *И. Н.*) подошла к яме, встала на колени и принялась жадно лизать соль. Вдруг посторонний шорох коснулся ушей. Она подняла голову, прислушалась. Уже явственный жесткий звук заставил ее прыгнуть от ямы в сторону, в то же мгновение раздался выстрел. Изюбриха, как подрубленное дерево, рухнула, покатила по склону вниз и замерла... Ноги внезапно онемели, внутренности закипели жаром, но толчок детеныша внутри как будто придал ей силы: она встала, шатаясь, с невероятным напряжением сделала один шаг... И вновь грянул выстрел!

Изюбриха упала, прижалась к поверженному дереву. Всё было кончено. И, тем не менее, она подняла голову, чтобы в последний раз увидеть бесконечное небо, бесчисленные звезды... Уже безмятежный покой воцарился в природе, как будто ничего не случилось.

Изюбриха содрогнулась, с шумом выпустила воздух и затихла навсегда. А детеныш в смертной тревоге ударил несколько раз в материнское чрево, словно, укоряя в чем-то мать, и тоже затих, так и не увидев белый свет...»

В этом эпизоде звучат ноты искренней боли и настоящей тревоги, которые пронизывают читателя. Автор мастерски описывает предсмертное состояние изюбрихи и ее детеныша, так и не успевшего открыть свой ясный и чистый взор на этот прекрасный, несмотря ни на что, мир. Как же ему хотелось увидеть этот мир! Как такое возможно, чтобы чистая, непорочная природа уничтожалась безжалостной рукой человека, долг которого защищать и оберегать природу! Ответы на эти риторические вопросы и составляют содержание обсуждения данного рассказа.

Как еще примеры проявления человеческой жестокости и его безжалостного отношения к природе, учащиеся приводили примеры из других произведений, вычитывая отрывки из них. В частности, из повести Балдана Ябжанова «Волчица» в переводе на русский язык (3) прозвучал следующий отрывок, содержащий не менее яркий и пронзительный эпизод по сравнению с предыдущим:

«...Волчица поспешила к детенышам и была уже на подходе к логову, как вдруг слух уловил странный глухой стук об землю и слабый писк. Волчица замерла на мгновение – стук и писк повторились. Это щенята зовут мать на помощь. Извергнув мясо, она про-

неслась сквозь ельник, овраг, бурелом стрелой, пущенной из лука, но как вкопанная остановилась в колючем кустарнике неподалеку от логова, учуяв гибельный человеческий дух. Двое мужчин – те самые всадники, что возглавляли неудавшуюся облаву, – возились у ее жилища. Маленький запускал руку в отверстие, доставал плачущего щенка, передавал высокому, а тот вершил расправу: удар головой оземь – смерть... удар – смерть... удар.... Волчица металась в кустарнике, обезумевши, дрожа, задыхаясь, словно вместе с детьми исходила и ее жизнь – жестокая, беспощадная и прекрасная...».

На этих занятиях прозвучали мысли о том, что жестокость человека обязательно оборачивается против него самого, что человек, однажды совершивший бесчеловечный поступок, уже переступает недозволенную грань в себе самом, наносит урон собственной духовности. Он уже не может остановиться, жестокий поступок влечет за собой другой. Но, несмотря ни на что, в любом случае его ждет наказание. Это, по мнению учащихся, может быть, его проснувшаяся совесть, которая уже не даст покоя человеку ни днем, ни ночью. Действительно, бывает, что человек, совершивший тяжкие преступления против природы и общества, теряет душевный покой, теряет возможность спокойно жить дальше.

Эти эпизоды еще раз убеждали всех учащихся в мысли о том, что природа остро нуждается в защите, в бережном отношении к ней, которое должно воспитываться в каждом человеке с самого раннего детства.

Не менее эмоциональное восприятие со стороны учеников вызывает и знакомство с рассказом Нодара Думбадзе «Хазарула» (1), что видно из их же высказываний:

«В рассказе грузинского писателя Нодара Думбадзе «Хазарула» рассказывается о яблоне, которая росла в саду у бабушки Дареджан. Все звали ее Хазарула. Автор пишет о ней как о живом человеке. Когда наступила зима, бабушка попросила внука срубить яблоню на дрова, на что услышала отказ от него. Но на это согласился их сосед, дядя Ананий. И я испытала настоящую боль, огромную жалость к Хазаруле, когда читала следующее: «...А утром... Утром почувствовала глухой удар, обрушившийся на ее бок. Но боли не испытала, нет ей не было больно, и потому она оставила этот удар без внимания, потом ощутила в другом боку точно такой же удар, но и на него никак не отозвалась. А удары всё падали и падали на нее – час или более. Наконец почувствовала она, что некий напор слева направо стал клонить ее к долу. Напор становился всё сильнее, послышался скрип, протяжный и резкий. Сперва она наклонилась лениво, потом

вдруг бессильно улеглась наземь. Теперь лишь услышала она и хруст своих собственных рук и плеч, лопались суставы и кости...»

«Когда внук бабушки Дареджан, наш ровесник, от имени которого ведется рассказ, отказался рубить яблоню, пожалев ее, хотя Хазарула уже не плодоносила, и нужны были дрова, уже зима на носу, а время военное, его стали стыдить, особенно дядя Ананий:

– Чего ты хочешь от меня, дядя Ананий? – спросил я.

– Почему не рубишь дерево? – спросил он в ответ.

– Жалко мне его.

– Значит, бичо, дерево пожалел? Твои, почитай, сверстники на фронте под танки с гранатами ложатся, а ты...». Но я думаю, что дядя Ананий не совсем прав, так как здесь разговор идет не о трусости мальчика, от имени которого ведется рассказ, а о том, что мальчик думает об этой старой яблоне как о живом человеке, который может испытать боли, страдания и мучения...».

Таким образом, показ нравственно-экологических концептов в произведениях национальных писателей в свете диалога культур на литературных занятиях в условиях школы имеет весьма важное значение в формировании духовно развитой личности, способной воспринимать окружающую природу как живое творение, способной одухотворять ее, защищать и оберегать от возможных негативных последствий.

Список литературы

1. Думбадзе Н. В. Хазарула. //Дружба народов. 1982 – № 1 – С. 5–39.
2. Романов Б. Д. Две жизни: рассказ //Золотые гольцы: сб. прозы и стихов: Переводы с бур. (сост. Лопсон Тапхаев и др.) – М.: Современник, 1986.
3. Ябжанов Б. Н. Волчица. //Золотые гольцы: сб. прозы и стихов: Переводы с бур. (сост. Лопсон Тапхаев и др.) М.: Современник, 1986.

5–7 классуудай хурагшадта хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжын ойлгомжые бурилдүүлгын методическэ проблемэ

Оршон сагта хуралсалай гуманитарна гол үүргэ дүүргэдэг предмедүүдэй нэгэн хадаа буряад уран зохёол болоно. Буряад литературын хэшээлнүүдтэ хуралсалай ба хүмүүжүүлгын гол зорилго хадаа хурагшые олон талаһаань хүгжөөлгэ, нравственна эдэбхитэй, бэеэ зүбөөр абажа ябаха шадабаритай ба хүн зонтой зохидоор тааража харилсалга болоно. Гадна уран хайханай зохёолнуудай удха ба түхэлые нэгэдүүлэн шудалжа ашаглалга, хурагшадтай гуманис хараа бодолые бүрилдүүлгэ.

Дээрэ хэлэгдэһэн зорилгы бэелүүлхын тула ехэ үүргэ иимэ литературна компонент дүүргэнэ: 5–7 классуудай хурагшадта буряад литературын хэшээлдэ хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжын ойлгомжые (представление) бүрилдүүлгэ. Эндэһээ уламжалан хургаалай зохёолнуудай авторнуудай (Р. Номтоевой, Э.-Х. Галшиевой) зохёохы замай удха шэнжэлэлгэ.

Буряад литература заалгада 5–7 классуудай хурагшадта хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжын талаһаа ойлгомжо бүрилдүүлгээр литература шэнжэлхэдэ, эрдэмтэдэй шэнжэлгэнүүд үгы. Гэбэшье дээрэ хэлэгдэһэн классуудай хурагшад, манай бодомжоор, хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжые ойлгохоор бэлэн гэжэ ханагдана. Тиимэһээ бидэ мүнөө үеын хургуулида хургаалай зохёолнуудаар гүнзэгы удхатай, методическа грамотна ба эрдэмэй талаһаа үндэһэ баримтатай хэшээлнүүдэй системэ зохёолгодо анхаралаа хандуулха ёһотойбди.

«Бурятская дидактическая литература сложилась на стыке местной фольклорной традиции с элементами, заимствованными из индийской литературы как напрямую, так и опосредованно через тибетскую и монгольскую литературы», – гэжэ эрдэмтэн Д. Б. Дашиев тэмдэглэһэн байдаг (1; 4). Манай мэдэһээр, хургаалай буряад уран зохёол гэшэ арадаймнай оюун сэдхэлэй ба нравственна баялиг мүн. Тиин туд урдын уран зохёолой гайхамшагта хүшөөнүүд соо арадаймнай гүн ухаан, хүнэй бэеэ зүбөөр абажа тухай журам, хургаал, заршам, этнопедагогико – эдэнэй булта хөөргөө арадтаа бусалга – сагай эрилтэ.

Туд статьягаа бэлдэхэдээ, бидэ урданай ород литератураар хургуулида заалгын теори ба методико шудалхан байнабди. Статьягай методологическа ба и теоретическэ эшэ үндэһэн хадаа эртэ урданай ород литературын жанрнуудай онсо шэнжэ тухай ойлгомжо 5–9 классуудай хурагшадта яагаад бүрилдүүлхэб гэһэн сэдэбээр шэнжэлһэн методист И. В. Мамоновагай эрдэмэй ажал болоно. Гадна ородой мэдээжэ эрдэмтэ-методистнууд болохо В. В. Голубковой, М. А. Рыбниковагай, З. Я. Резэй, О. Ю. Богдановагай, Г. И. Бельскийн, В. Г. Маранцманай ород литературын теоретическа асуудалнуудта ба жанрнуудай онсо шэнжэдэ зорюулагдан ажалнууд шэнжэлэгдээ.

Манай ханамжаар, хургуулида 5–7 классуудта хургаалай буряад зохёолнуудые шудалхадаа, литературын теоретическа асуудал болохо жанрта анхаралаа хандуулха тон шухала. Жанр хадаа уран зохёолой түхэл болоно. Уран зохёолой жанрнууд эпическэ (роман, повесть, рассказ), лиричeskэ (шүлэг, ода, сонет) ба драматическа (комеди, драма, трагеди) гэжэ илгарна. Эпическэ жанрнууд прозоор бэшэгдэнэ, лиричeskэ жанрнууд – шүлэгөөр, харин драматическа жанрые тайзан дээрэ наадаад харуулагдана.

«Жанр – тип литературного произведения, особенности которого хотя и сложились исторически, находятся в процессе постоянных изменений. Понятие жанра употребляется на трех уровнях: родовом – жанр эпоса, лирики или драмы; видовом – жанр романа, элегии, комедии; собственно жанровом – исторический роман, философская элегия, комедия нравов и т. п.» (2; 2).

Эндэ тэмдэглэхэ шухала юумэн гэхэдэ, хургаалай буряад зохёолой жанрнууд тон онсо шанар шэнжэтэй, тэдэ урданай уран зохёолоймнай хүгжэлтын шатануудые элихэнээр харуулна. Хургаалай зохёолнууд шүлэглэмэл ба прозаическа жанрнуудаар бэшэгдэһэн гэжэ жанр бүхэнэйнь (хургаал, субашад, тайлбари-зохёол, хадамал туужа) онсо шэнжэ хурагшадтаа тодоор ойлгуулжа, тобшолол хэхэ болонобди.

Хургуулида хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжэдэ багшын анхаралаа тон хандуулаа хаань, хурагшад зохёолнуудаар хонирхожо, урданайнгаа ниитэ монгол ба буряад уран зохёолоо эдэбхитэйгээр уншажа эхилхэ һэн. Тиин хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжые шудалхадаа, хурагшад автарай гол бодолые удхалжа ойлгоно, зохёолой идейно-уран хайханай байгуулгые ухаалдин мэдэжэ абаха болоно. Эдэ бүгэдэ тэдэнэй литературна хүгжэлтэдэ ехэ түлхисэ боложо үгэхэ гэжэ ханагдана.

Хургуулида урданай ород литература заалгада жанрнуудай талааа хургаалай зохёолнууд үнинэй үзэгдэдэг гээшэ. Жэшэнь, «В. Мономахай хургаалнууд» 7-дэхи класста үзэгдэдэг юм.

Зүгөөр буряад литература заалгада хургаалай зохёол тухай, илангаяа Р. Номтоевой зохёохы зам тухай, тэрэнэй зохёолдо гансал 10 классай «Буряад литературы» (1989) ном соо «Хумхиин эрдэни» гэжэ зохёолдо 1 час үгтэнхэй байдаг. Совет үедэ ламанарай бэшээн зохёол гэжэ хургаалай зохёолнууд огтолон хорюулагдахан байгаа. Гэбэшье эрдэмтэн А.-Н. Дугар-Нимаевай ашаар, тэрэнэй зоригоор хургаалай зохёол, тэрэнэй автор тухай хургуулийн ном соо (1989) бэшэгдээн байна.

Үшөө эндэ манай онсолон тэмдэглэхэ юумэн гэхэдэ, 2008 ондо «Бэлиг» хэблэлээр эрдэмтэн В. Б. Махатов ба багша-методист Х. Г. Цыденова хоёр «Алтан гадахан» гэжэ 9–10 классуудта үзэхэ Октябрийн хубисхалай урда тээхи буряад уран зохёолоор хуралсалай хрестомати хэблээ хэн. Тиихэдэе авторнууд хрестомати соогоо хургуулида үзэгдэдэггүй олон буряад хургаалай зохёолнуудые анха түрүүшынхией жанрова системэ баримталан дурадхаа хэн. Тиин тул авторнууд-зохёогшод буряад уран зохёолой алтан жасада ородог хургаалай зохёолнуудые дороһоо ургажа ябахан залуу үедөө саг соогоо дурадхахан байна.

2009 ондо эрдэмтэ-методист С. Ж. Балданов буряад литератураар хуралсай региональна программа зохёоходоо, дээрэ хэлэгдээн авторнуудай дурадхахан хургаалай зохёолнуудые бултыень шахуу программада оруулаа. Тиин шэнээр хэблэгдээн «Буряад литература» номууд соо (2014) 6–7 классуудта хургаалай зохёолнууд дурадхагдахан байна.

2009 ондо С. Ж. Балдановай зохёохон дунда хургуулийн буряад литератураар региональна программа соо үзэгдэхэ зохёолнуудай бүридхэлдэ Э.-Х. Галшиевой «Бэлигүүн толи», мэдэгдээгүй авторнуудай «Аржа Буржа хаан», «Шэдитэ хүүр» гэхэн зохёолнууд 6-дахи класста, харин 7-дохидо Р. Номтоевой «Аршаанай дуһал» дурадхагдаа юм.

Гэбэшье шэнээр зохёогдоһон 6-дахи ба 7-дохи классуудай «Буряад литература» (2014) гэжэ номууд соо Р. Номтоевой, Э.-Х. Галшиевой хургаалай зохёолнууд жанрнуудай талааа дүүрэнээр үгтэнэгүй гэжэ тэмдэглэхээр. Тиин хургуулийн практикада хургаалай зохёолнуудай жанрнуудай онсо шэнжэ эпизодическээр үгтэнэ. Гадна зохёолнууд хурагшадай наһанай психологическа ухаалдилгада, текстые ёһоор ойлгосодо тааранагүй, тиин энээнһээ уламжалан

дээрэ хэлэгдэһэн зохёолнуудта зүбөөр анхарал хандуулагданагүй гэжэ ханагдана.

Тиин 2017 ондо бидэ хургуулиин библиотекарь Дугарма Дамбаевна Лыгденоватай 5–7 классуудай хурагшадта зорюулжа, «Хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжэ» гэхэн сэдэбээр элективнэ курсын программа (Улаан-Үдэ, 2017) зохёогообди. Туд программа системно-деятельностна, аксиологическа, культурологическа, этнопедагогическа ба контекстнэ подходууд дээрэ үндэхэлэгдэнхэй.

5–7 классуудай хурагшадта буряад литературыын хэшээлдэ хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжын ойлгомжые (представление) бүрилдүүлхэдээ, бидэ тусгаар системэ дурадхажа туршаабди. Тиихэдээ хурагшадтай наһанай психологическа хүгжэлтэдэнь тааруулжа, хургаалай зохёолоо эгээн бага жанрһаа эхилжэ шудалжа туршаабди.

Хурагшадтай хургаалай зохёол тухай мэдэсэн системнэ, гүнзэги байхынь тула, манай программын ёһоор, ниитэ монголой хургаалай зохёолой эгээн түрүүшын зохёолнуудай нэгэн болохо хургаалай бага жанраар (прозоор ба шүлэгөөр холёод) бэшэгдэһэн «Оюун түлхюур» зохёол 5-дахи класста дурадхагдана. Энэниие шудалхадаа, хурагшад «Буряад аман зохёол» гэхэн темэ шудалһанайнгаа хүүлдэ үзэхэ болоно. Туд зохёол шудалалгада бидэ 7 час үгэнэбди. Манай ханамжаар, бидэ хэшээлнүүдээ зохёоходоо, хурагшадтаяа урданайнгаа монгол-буряадай уран зохёолой орон руу виртуальна аяншалгаһаа эхилхэбди. Тиин шабинартаа хуушан-монгол бэшэг, урданай ксилографическа номууд ба арадаа гэгээрүүлһэн эрхим зон, эрдэмтэ ламанарай үүргэ болон бусад тухай хөөрэхэбди. Тиихэдээ электронно диск дээрэ туд сэдэбээр бэлдэгдэһэн презентацинуудые, музейдэ бэлдэһэн урданай ксилографическа номуудай фото-зурагуудтай материалаа шабинартаа харуулнабди.

Удаань 6-дахи класста түбэдэй уран зохёолшо, эрдэмтэ-лама Сажа Бандида Гунгаажалцанай субашад жанраар бэшэһэн «Сайн үгэтэ эрдэнийн сан субашад» гэхэн шүлэглэмэл зохёолтой танилсуулхын зорилготойгоор хуряангалан үгтөө. Гадна Р. Номтоевой «Аршаанай дуһал» гэхэн тайлбари-зохёолой жанраар бэшэгдэһэн литературна онтохонууд болон үльгэр-домогууд (притчи) дурадхагдаа. Эндэ литературна онтохонуудаар 12 саг үгтэнэ. Зохёолнууд үгтэхэдөө, системэ болгогдон, «Хүнэй оролдосо тухай», «Амитадай эбтэй байлга», «Мэхэшэ ба худалша амитад», «Буруугай бэлшээриһээ гараагүй баха» гэжэ хубаарилагданхай. Эндэ, манай мэдэһээр, 6-дахи классай хурагшад наһанайнгаа психологическа хүгжэлтөөр онтохонуудаар, домогуудаар һонирхохо түлэг дундаа

ябана. Тиимэһээ бидэ эндэ литературна онтохонуудые дурадхаһан байнабди. Гадна мэдэгдээгүй авторнуудай «Аржа Буржа хаан», «Шэдитэ хүүр» гэхэн хадамал туужын жанраар бэшэгдэһэн һонирхолтой зохёолнууд оруулагдаа. Эндэ зохёолнуудые үзэлгэдэ 4 час үгтэнэ. Ородой эрдэмтэ-методистнуудай ажаглалтаар, 7-дохи класста «онтохон» гэжэ ойлгосо һурагшадай анхарал татахагүйнь лабтай. Тиимэһээ эдэ зохёолнуудые 7-дохи класста үзэлгэ һурагшадай литературна хүгжэлтэдэ тааранагүй гэжэ һанагдана.

Р. Номтоевой «Аршаанай дуһал» гэхэн литературна онтохонуудые шудалхадаа, багша һурагшадтай «һайн ба муу», «сэхэ сэбэр ябадал», «хүнии мэхэлхын хойшолон», «үйлын үри», «буян ба нүгэл», «ажалдаа сэхэ сэбэрээр хандаса, оролдолго» гэхэн болон бусадшые үхибүүдтэ ажабайдалдань хэрэгтэй асуудалнуудаар һонирхолтой хөөрэлдөөнүүдые үнгэргөө.

7-дохи класста һурагшад өөрынгөө хүгжэлтэ, өөр тухайгаа бодомжолдог, һонирходог ушарһаань, Э.-Х. Галшиевой субашад жанраар бэшэгдэһэн «Бэлигэй толи» гэжэ шүлэглэмэл зохёол дурадхагдаа. Тиихэдэе бүхы зохёол шудалалга «Арадаймнай һургаалнууд – дээдэ үеымнай захяанууд» гэжэ ехэ сэдэбээр нэрлэгдээ. Арадаймнай хүмүүжүүлгын ёһо заншалнууд дээрэ үндэһэлэгдэһэн зохёолые удаахи сэдэбүүдээр илгаруулжа, «Бэлигэй толи» зохёол шудалһан байнабди. Тиихэдэе һурагшадай зохёол шудалхада бэлэн байхын тула Э.-Х. Галшиевой субашадуудые иимэ бүлэгүүдтэ хубаарилжа классификаци хээбди: «Аба эжыдээ, аха зондо хүндэтэйгөөр хандаса», «өөрынгөө бэеын элүүр энхэдэ хандаса», «Бэе эмнэлгэдэ, эмдэ хандаса», «Һуралсалда хандаса», «Үхибүүдэй хүмүүжүүлгэдэ хандаса», «өөрынгөө хэрэгүүдтэ хандаса», «өөрынгөө баялигта, зөөридэ хандаса», «Буряд эрэ хүнэй ёһо заршам», «Бурядуудай айлшаниие угталга», «Хёрхо байлгада хандаса», «Харгы замда бэеэ абажа ябаха журам», «Туһа хүргэлгэдэ хандаса», «Ариг сэбэртэ хандаса», «Үгэдэ хандаса», «Анда нүхэртэ, дайсанда хандаса», «Өөртөө хандаса», «Гоё һайхан хубсаһанда хандаса», «Бурхан шажанда хандаса».

Һургуулийн программада Э.-Х. Галшиевой «Бэлигэй толи» зохёолые 7-дохи класста үзэлгэдэ 3 час үгтэнэ. Манай программын ёһоор, дээрэ хэлэгдэһэн зохёолдо 22 час үгтэнэ. Тиихэдэе зохёолоо аргагүй гүнзэгыгөөр шудалжа, ерээдүйдэ һурагшадай ажабайдалдаа практикаар зохёолой гүн ухаае, Э.-Х. Галшиевой һургаалай үгэнүүдые хэрэглэхын тула хараалһан байнабди. Юундэб гэхэдэ, мүнөө сагта һургуулийн үхибүүднай телефон, айфон, компьютер, планшет гээд, өөһэд хоорондоо ба гэр бүлэдөөшые харилсаханиинь бага болонхой ха юм.

Үшөө эндэ манай нэмэхэ юумэн хадаа эдэ хургаалай буряад зохёолнуудаар хэшээлнүүдээ үнгэргэхэдөө, бидэ мүнөө үсын хуралсалай актуальна педагогическа технологинуудые хэрэглэһэн байнабди: проектнэ онол аргаар бүлэгүүдээр хубааржа хүдэлөөбди. Театральна педагогикын зүйлнүүдые хэрэглэжэ, шабинар онтохонуудаар сценари бэлдээ, тэрэнээ сценкэ болгон, бага классуудай хурагшадта харуулаа. Системно-деятельностно подходто тулгалан, хурагшаднай өөһэдөө хэшээлэйнгээ зорилгоёо табья, хэхэ бүхы ажалаа өөһэдөө түсэблөө. Түсэблэһэн ажалаа классайнгаа урда гаража хамгаалаа, бүлэг бүхэн бэе бэеынгээ ажалда сэгнэлтэ табиһан байна. Гадна эдэ хэшээлнүүдтэ виртуальна лекци, экскурси хэрэглэгдээ.

Эндэ тобшолон тэмдэглэхэ гол бодол хадаа манай элективнэ курсын «хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжэ» гэжэ программы хэшээлхээ гадуур ажаябуулгадаа буряад хэлэ ба литературын багшанар эдэбхитэйгээр хэрэглэхэдэ болоно. Тиин 5–7 классуудай хурагшадта хургаалай зохёолой жанрнуудай онсо шэнжын ойлгомжые (представление) бурилдүүлхэдээ, манай дурадхаһан системэ хэрэглэжэ болоно. Тиихэдээ багша шабинартаяа хуралсалай ба хүмүүжүүлгын ехэ ажал хэжэ, шабинараа арадайнгаа урданай хургаалай уран зохёолтой бүри гүнзэгыгөөр танилсуулжа, тэдэнэй литературын хүгжэлтыень улам хүгжөөхэ бээ гэжэ найдагдана.

Список литературы

1. Дашиев Д. Б. Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 4.
2. http://www.telenir.net/kulturologija/teorija_literatury_chtenie_kak_tvorchestvo_uchebnoe_posobie/p10.php.

М. А. Шабеева

Россия, Усть-Ордынский, Иркутская область

Усть-Ордынский национальный центр народного творчества: сохранение и популяризация бурятского языка и культуры

В возрождении, сохранении и развитии языка и культуры основная роль отводится учреждениям культуры. Через способы и методы культуры человек быстрее постигает язык, основы народных традиций и обычаев.

Культура вне языка невозможна. Все мы понимаем, только то, что обозначено и выражено словами, становится культурным достоянием.

В ряду художественных занятий, распространенных в Домах культуры и клубах, первое место принадлежит традиционному народному творчеству, фольклору. В округе 80 интегрированных муниципальных учреждений культуры клубного типа, 57 коллективов, имеющих звание «народный и образцовый самодеятельный коллектив», 13 из них – фольклорные. Все они заявили о себе, как сложившиеся коллективы с наработанным песенно-музыкальным и обрядовым репертуаром. Все большей популярностью пользуются сценические воплощения обрядовых театрализованных действий в постановке программ, коллективы стараются придерживаться территориальных особенностей языка и бытования фольклора. И в составе участников фольклорных коллективов произошли положительные перемены. Если ранее, возрастной состав варьировался в пределах 45–60 лет, то в настоящее время идет рост молодежных и детских фольклорных коллективов.

Следует отметить, что этнические группы народов, населяющих наш округ, обладают своими специфическими особенностями, в области музыкально-поэтического фольклора, костюма, обрядности. И эти особенности с успехом применяются в возрождении и сохранении традиционной культуры. К примеру, в Осинском районе округа идет активный процесс освоения техники исполнения одической поэзии и эпоса. Они - постоянные победители Международного бурятского национального фестиваля «Алтаргана». В репертуаре коллективов Аларского района появились обрядовые постановки, пришедшие бурятам именно этой территории, и таких примеров много.

Усть-Ордынский Национальный центр народного творчества, основная деятельность которого носит просветительный, культурно-досуговый, научно-методический и информационный характер сегодня является важнейшим институтом развития общества, осуществляющим сохранение и охрану нематериального культурного наследия народов округа – важнейшей составляющей национальной культуры, способствующей формированию толерантности, основам национального самосознания, укрепляющим духовную связь поколений и эпох.

Национально-культурное многообразие Усть-ордынского Бурятского округа явилось главным фактором развития уникального типа региональной культуры, богатой культурным наследием, выраженным в песенном фольклоре, празднично-обрядовой культуре, традиционно-бытовым укладом.

Все это успешно применяется в творческой жизни Центра. Яркий цикл народных праздников, шумный хоровод фестивалей и конкурсов, событий и встреч.

Популярны в округе мероприятия в рамках национального праздника Сагаалган и флешмоб «Глобальный ехор». Традиционные окружные конкурсы «Баатар – Дангина» и «Народная песня», конкурс фольклорных коллективов «Один день буряты» и «Кочевий предков древняя тропа», конкурс улигершинов и исполнителей одической поэзии, конкурс исполнителей бурятской эстрадной песни «Сэдьхэлэйм аялга». Конкурс юмористических рассказов на бурятском языке «Энеэлдэ!» («Посмеемся»). Национальная составляющая культурно-досуговых мероприятий наполняется смыслом и содержанием, обретает массовость, зрелищность и качество. Востребованы и ожидаемы зрителем традиционные мероприятия в рамках национального праздника Сагаалган. Окружные конкурсы «Баатар – Дангина» и «Народная песня», конкурсы фольклорных коллективов «Один день буряты» и «Кочевий предков древняя тропа»; конкурс улигершинов и исполнителей одической поэзии. Не менее интересны и красочны: Межрегиональный этнокультурный праздник «Һээр шаалган» (ломание хребтовой кости), этнофестиваль конной культуры.

Ежегодно увеличивается количество участников возрастных номинаций конкурсов, а именно, детей и молодежи, нарастает творческая конкуренция. Усиление требований к знанию родного языка и реконструкции обрядовых традиций, аутентичности репертуара и народного костюма, способствует подъему национального самосознания, формированию патриотизма, сопричастности к определенному этносу и гордости за свой народ.

Одной из главных целей деятельности учреждения: сохранение глубинных основ культуры, национального языка, традиций и популяризация нематериального культурного наследия.

На протяжении многих лет Центр народного творчества ведет работу по сохранению культурного наследия через творчество, а с 2016 года – работу по созданию и формированию единого окружного электронного реестра объектов культурного наследия народов Усть-Ордынского Бурятского округа. Разработаны и утверждены нормативные акты для работы экспертного совета и порядок формирования реестра.

В рамках формирования реестра объектов НКН Центром народного творчества пополняется банк данных по устному фольклору (благопожелания, пословицы, поговорки, загадки), песенно-танцевальному фольклору (разновидности ехора, ехорные напевы), игровой культу-

ре (народные игры и забавы). Это образцы аутентичного фольклора Эхирит-Булагатского, Боханского, Аларского, Осинского районов округа.

Активно идет процесс информационно-издательской деятельности, направленной на пропаганду родного языка, популяризацию традиционной культуры. Изданы сборники по устному фольклору бурят Кудинской долины, по игровой культуре бурят Прибайкалья, материалы фольклорных экспедиций в Эхирит-Булагатский, Аларский, Боханский районы. К слову, изданный в Бурятии в 2016 году сборник благопожеланий, использовал образцы фольклора сборника Центра народного творчества.

Разработаны проекты «Бурятская усадьба», «Культурно-досуговый объект – Юрта». Межрегиональный праздник «Һээр шаалган» (разбивание хребтовой кости) и «Гэсэриада. Передвижной музей эпоса». Межрегиональный фольклорный фестиваль «Кочевий предков древняя тропа» и этно-рок фестиваль «Эхо Байкала». Творческий проект «Гэсэриада. Передвижной музей эпоса» предусматривает создание передвижного музея, как площадки для организации цикла мероприятий, способствующих возрождению, сохранению, популяризации культурного наследия бурят Прибайкалья. Проведение научно-исследовательской, просветительской, краеведческой работы, возрождение традиций народных промыслов, создание школы сказителей – улигершинов, школы хуристов.

Записан диск с баснями на бурятском языке, который стал основой проекта «Аудиокнига на бурятском языке».

Большое внимание уделяется разработке программ и проведению мероприятий по изучению и применению родного языка и традиций через призму игрового и музыкального пространства.

Деятельность Центра по сохранению наследия и популяризации родного языка выстроена на взаимном сотрудничестве с преподавателями родного языка школ Усть-Ордынского Бурятского округа. Они, учителя бурятского языка, являются руководителями конкурсантов творческих фестивалей и смотров, участниками фольклорных коллективов, разработчиками программ фольклорных коллективов. Это сотрудничество выходит на более качественный уровень и обретает новое содержание в стимулирование культурных инициатив по популяризации родного языка в рамках деятельности учреждений.

Плодотворно сотрудничество Центра народного творчества и кафедры бурятской филологии Института филологии, иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета как базового учреждения подготовки кадров учителей родного языка. Примером тому, организация и проведение окруж-

ных научно-практических конференций, где в числе участников присутствовали специалисты учреждений культуры и учителя родного языка. Центром народного творчества проведены конференции: «Традиционная культура. Преемственность и трансляция» и «Праздники и обряды как феномены этнической культуры», посвященной 170-летию народного сказителя Маншуда Эмегеева.

Елена Константиновна Шаракшинова, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой бурятской филологии, является членом Экспертного совета по вопросам формирования окружного Реестра объектов нематериального культурного наследия народов, традиционно проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа при администрации Усть-Ордынского Бурятского округа.

4 апреля 2019 года состоялось первое заседание, в ходе которого были рассмотрены три объекта: «Таар (ковер) – изделия из конского волоса и шерсти; Свадебная шапочка-наколоч русских старожилов Кудинской долины XIX и начала XX века; Обряд «Хонеор аргалха» (лечение бараном) – все они рекомендованы для размещения в окружном Реестре объектов нематериального культурного наследия и дальнейших исследований по представленным материалам.

Сохранность культурного наследия во многом зависит от его понимания и восприятия последующими поколениями. Мы сохраним свою культуру, если она будет частью нашей повседневной жизни, а не книжной и музейной истории.

В XXI веке, когда процессы глобализации унифицируют культуры разных народов, навязывая единые стандарты жизнедеятельности, этнические проблемы приобретают особенно острый характер. Как известно, традиционная культура, являясь корневой основой многовековой культуры народов России, устойчиво сохраняет свою жизнеспособность и систему духовных ценностей, направленных на формирование патриотизма, воспитание всесторонне развитого, национально ориентированного человека.

В повседневной жизни общества много проблем. Но мы обращаемся к этническим ценностям в желании ощутить себя частью некоего целого и находим духовную поддержку в традиционной культуре своего народа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аюшеева Эржена Баировна, младший научный сотрудник ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: erzhenal406@yandex.ru

Бадмаева Лариса Батоевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: logabadm@mail.ru

Баларьева Туяна Батуевна, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской филологии ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail.ru: btuja@mail.ru

Балдандоржина Баира Дашинимаевна, учитель бурятского языка и литературы МБОУ СОШ № 1, Агинское, e-mail: baldandorzhina77@mail.ru

Барлуков Павел Георгиевич, заместитель начальника Осинского муниципального управления образования, Оса, Иркутская область, e-mail: pbarlukov@mail.ru

Богомоева Елена Станиславовна, магистрант направления «Филология» программы «Бурятский язык» ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск

Боролдоев Андрей Андреевич, учитель русского языка и литературы МБОУ «Харатская СОШ», Харат, Иркутская область, e-mail: boroldoev1989@mail.ru

Будажопова Лариса Батуевна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «БГУ», Улан-Удэ, e-mail: budlara@mail.ru

Булгутова Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «БГУ», Улан-Удэ, e-mail: irabulgutova@mail.ru

Бухоголова Саяна Батуевна, научный сотрудник, ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: Sayana050379@yandex.ru

Дашиева Саяна Николаевна, учитель бурятского языка и литературы МОУ «Гильбиринская СОШ», Иволгинский район, Республика Бурятия, e-mail: dashsayana@mail.ru

Дашиева Субад Бальжинимаевна, младший научный сотрудник, ФГБУН ИМБТ СО РАН, Лаборатория «Центр переводов с восточных языков», Улан-Удэ, e-mail: 689699@mail.ru

Дугаров Баир Сономович, д-р филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: khairkhan@mail.ru

Замбулаева Наталья Гомбоевна, канд. пед. наук, преподаватель ГБПОУ «Боханский педагогический колледж им. Д. Банзарова», Бохан, Иркутская область, e-mail: zambalai@mail.ru

Зориктуев Булат Раднаевич, д-р ист. наук, главный научный сотрудник ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: enhe_z@mail.ru

Иванова Валентина Яковлевна, канд. филол. наук, канд. культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск e-mail: i_valya@mail.ru

Лисицина Яна Юрьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: vaslis@mail.ru

Мархаева Таисия Хандуевна, учитель бурятского языка и литературы МАОУ «Санагинская СОШ», Санага, Республика Бурятия, e-mail: tmarkhaeva1968@gmail.com

Нимаева Ирина Бальжинимаевна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Улан-Удэ, e-mail: nimaevai1952@mail.ru

Новгородов Иннокентий Николаевич, д-р филол. наук, профессор-исследователь, СВФУ им. М. К. Аммосова, Институт зарубежной филологии и регионоведения, кафедра восточных языков и страноведения, Якутск, e-mail: i.n.novgorodov@mail.ru

Пурэвсүрэн Яндий, канд. филол. наук, преподаватель кафедры литературы факультета социальных и гуманитарных наук Монгольского государственного университета образования, Эрдэнэт, Монголия, e-mail: yandii@msue.edu.mn

Романцова Татьяна Дмитриевна, канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: t100562@yandex.ru

Рупышева Людмила Эрдэмовна, канд. филол. наук, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Улан-Удэ, e-mail: rupysheva71@mail.ru

Самбуу Хөвсгөл, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы факультета социальных и гуманитарных наук Монгольского государственного университета образования, Улаанбаатар Монголия, e-mail: s.khuvsgul@yahoo.com

Сангадиева Эржен Гэндэновна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Улан-Удэ, e-mail: erzhen.sang@yandex.ru

Семенова Виктория Ильинична, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской филологии ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: seменова1963@mail.ru

Сэлэнгэ Нямсүрэн, преподаватель Технологического института им. Ш. Отгонбилэга, Эрдэнэт, Монголия, e-mail: selenge@erdenetis.edu.mn

Сэсрэн Энхтуяа, старший преподаватель факультета социальных и гуманитарных наук, специалист научно-инновационного отделения Монгольского государственного университета образования, Улаанбаатар, Монголия

Тагарова Татьяна Боровна, д-р филол. наук, профессор кафедры бурятской филологии ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: bogoevna@yandex.ru

Халхарова Лариса Цымжитовна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «БГУ», Улан-Удэ, e-mail: larihalh@yandex.ru

Хартаев Владимир Владиславович, младший научный сотрудник ФГБУН ИМБТ СО РАН, лаборатория «Центр переводов с восточных языков», Улан-Удэ, e-mail: buda2004@mail.ru

Хосомоев Николай Данилович, канд. филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Улан-Удэ

Цогт Орхон, старший преподаватель кафедры английского языка факультета социальных и гуманитарных наук Монгольского государственного университета образования, Улаанбаатар, Монголия

Цыденова Ханда Гунсоновна, старший преподаватель БРИОП, Улан-Удэ, e-mail: cudenva@mail.ru

Цыденова Цырендулма Цырен-Доржиевна, учитель бурятского языка и литературы МОУ «Оронгойская СОШ», Оронгой, Республика Бурятия

Цыренов Бабасан Доржиевич, д-р филол. наук, доцент ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Цыренова Номинь Дондоковна, младший научный сотрудник ФГБУН ИМБТ СО РАН, лаборатория «Центр переводов с восточных языков», Улан-Удэ, e-mail: nomin_n@mail.ru

Шабаетва Марина Афанасьевна, методист ОГБУК «Усть-Ордынский Национальный Центр народного творчества», Усть-Ордынский, Иркутская область, e-mail: shabaeva_1961@mail.ru

Шагдар Мягмарсүрэн, преподаватель Технологического института им. Ш. Отгонбилэга, Эрдэнэт, Монголия, mega_555@yaxoo.com

Шагдаров Лубсан Доржиевич, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела языкознания ФГБУН ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ

Шаракшинова Елена Константиновна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой бурятской филологии ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: elena_3554@mail.ru

Шинкарева Антонина Петровна, канд. ист. наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ФГБОУ ВО «ИГУ», Иркутск, e-mail: ant-shink@yandex.ru

Шойбонова Саяна Викторовна, канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Улан-Удэ, e-mail: sayana_shoib@inbox.ru

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ И ТЮРКОЛОГИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 75-летию бурятского отделения ИГУ
Иркутск, 2 ноября 2019 г.

ISBN 978-5-9624-1755-4

Материалы публикуются в авторской редакции

Темплан 2019 г. Поз. 105
Подписано в печать 29.10.2019. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 100 экз. Заказ 168

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124